

София Карамазова

Елизавета в Мире Теней

©АртСтудио 2007

Идеальных мест не бывает, люди сами создают свою судьбу и реальность. Коварный предатель может сражаться за справедливость, а прекрасный влюбленный сеять смерть.

Молодая девушка Елизавета попадает в один из загробных миров. Здесь жизнь девушки это энергия с помощью которой должен восстановиться дивный край, в котором бессмертны все, кроме нее.

Глава 1. Добро пожаловать, Елизавета!

Когда Елизавете исполнилось семнадцать лет, она уже определила для себя место в этом мире, а именно подальше ото всех. Чем дальше она так жила, тем больше нового и интересного находила в одиночестве, и тем непреодолимей становился барьер, который она воздвигла между собой и окружающими. Но вскоре ей пришлось признать, что у такого образа жизни есть существенный недостаток: тебя не скоро хватятся, если ты пропадёшь.

Однажды, тихим спокойным вечером, когда предзакатное солнце осветило загадочным светом зелень во дворе Лизиного дома, она читала, сидя на скамейке около парадной. Задумавшись над одной из прочитанных мыслей, девушка подняла взгляд от страниц и увидела древнюю старушку, совершенно выбившуюся из сил и тащившую на себе огромный мешок, набитый чем-то тяжёлым. Лиза отложила книгу и пошла навстречу бабушке, со словами:

— Позвольте, я помогу вам?

Старушка немного распрямилась, чтобы взглянуть на девушку мутными глазами. Она долго и пристально глядела, прежде чем произнести тихим прерывающимся голосом:

— Спасибо, внучка, я справлюсь.

Эта небольшая пауза отняла её последние силы, дальше она зашаркала, ещё сильнее сгорбившись и тихо охая при каждом шажочке. Зная всех соседей, Елизавета удивленно провожала старушку взглядом, невольно мучаясь вместе с бабулей, едва переставлявшей ноги. Казалось, она двигалась, тем медленнее, чем ближе становилась парадная. Подойдя к первой ступеньке лестницы, старушка упала. Лиза бросилась ей на помощь и помогла приподняться. Старики в поведении своем и во многих жестах порой чрезвычайно напоминают детей, так и эта бабушка доверчиво повиснув на руках у незнакомки, растерянно смотрела на неё с блуждающей улыбкой на побледневших от переутомления губах, как бы извиняясь за свою беспомощность.

— Спасибо, милая, спасибо тебе за хлопоты, совсем ослабела — губы у неё задрожали, а в глазах появились слезинки.

— Вам в какую квартиру?

— А... в тридцать первую мне, внучка, я переехала недавно, домой иду... ох, — проговорив эту фразу, старушка прикрыла глаза и начала клониться к земле.

Лиза потащила бабушку к себе домой, так как в 31 квартире жила она, а разбираться с пропиской сейчас было некогда. Будучи невысокого роста и хрупкого телосложения, Елизавета с огромным трудом могла тащить старушку на третий этаж, по пути нажимая на звонки в надежде на помощь. Однако трели раздавались вхолостую. Никого не было дома в этот душный летний вечер выходного дня.

Войдя в квартиру, Лиза усадила гостью в кресло и тут же схватила телефонную трубку, чтобы вызвать скорую, но телефон не работал.

— Бабушка, я сейчас сбегаю вызову скорую, потерпите.

— Водички бы мне, у меня в мешке лекарство, а где...? — старушка испуганно заозиралась в поисках своей ноши, оставшейся внизу.

— Я сейчас всё принесу. — С этими словами Лиза сбежала за мешком, а когда втащила его в комнату, то увидела, что бабушка уже совсем бодро осматривается в квартире. Взгляд

старушки прояснел, дыхание восстановилось и она, благодушно улыбаясь, сказала:

— Ни к чему мне скорая, девочка, мне уже намного лучше. Квартирка вот у тебя хорошая, удобно тут, я лучше пока здесь задержусь, а ты поспи — после этих слов она сдунула с ладони прямо в глаза девушки какую-то труху, и Елизавета потеряла сознание.

Когда Лиза очнулась, вокруг царил непроглядная тьма и все её чувства были обострены. Тело покрывал холодный пот, голова раскалывалась, сердце бешено колотилось в груди и чудовищная резь в животе подкатывала к горлу тошнотой. Воздух вокруг был сырой и затхлый, где-то назойливо капала вода и это добавляло ещё больше муки к и без того чудовищным страданиям девушки. Благо продлилась эта пытка не более нескольких минут и вскоре Елизавета вновь провалилась в беспамятство.

В следующий раз, когда она открыла глаза, то увидела свечку, маленькую, практически не дававшую света, но всё же наличие хоть такого незначительного свидетельства жизни несколько приободрило. Лиза смогла немного повернуть голову, хотя боль во всем теле была по-прежнему сильной, но всё же слабее чем в первое пробуждение. Она увидела, что лежит на широкой кровати у самого края, что свеча стоит на грубо сколоченном дощатом столе, потемневшем от времени и влажности, помимо того на нём находились старая потрепанная книга и алюминиевая кружка. Вокруг стало намного теплее и суше, звук капель больше не доносился, рассмотреть помещение более подробно было невозможно. Лиза попыталась приподняться на локте, но её потуги совпали с появлением той самой бабушки, которая недавно стала неожиданной гостьей в её квартире. Она вошла с противоположной стороны от того места, где лежала девушка, в руках у неё был подсвечник с тремя свечами. Лицо заметно помолодело, глаза смотрели зорко и были яркого синего цвета, но в ней всё же угадывались прежние черты. Предельное напряжение и испуг перед неожиданным появлением надломили хрупкое улучшение в состоянии Лизы, рука ослабла и она неловко упала, наполовину бессильно свесившись с края кровати, после чего её начало мучительно тошнить бурой жижей. Старуха, что-то бурча себе под нос и посмеиваясь, подержала волосы девушки, пока поток не иссяк, а потом без особых усилий закинула её на кровать и, обтирая лицо, проговорила:

— У тебя сильный организм, редко сейчас в мире такое встретишь — и довольно рассмеялась.

Лиза хотела задать ей вопрос и не смогла выдать из себя ни звука. Она со смесью ужаса и какой-то слепой надежды смотрела в эти проясневшие глаза, ожидая хоть каких-то объяснений.

— Не переживай, вот помрёшь и всё поймёшь — после этих слов старуха рассмеялась ещё довольнее и смеялась долго. Под этот смех Елизавета в третий раз потеряла сознание, чтобы уж не очнуться в этом мире.

Тишина, ни одного звука, ни намека на шорох. Ощущений тоже никаких, вообще, полная пустота, а памятуя последние пробуждения это особенно жутко, но и приятно. Только вялое и неохотное течение мыслей медленно возвращало Елизавету из небытия, в которое она провалилась. Всплывали обрывки воспоминаний, как с похмелья, вот только без чувств. "Совершенно никаких, ничегошеньки — равнодушно подумала Лиза. — Да, так умирают счастливики, помучалась совсем немного и отошла...»

— Подъём! — Рывкнул кто-то над самым ухом и девушка, резко открыв глаза, увидела прямо над собой блондинку средних лет с пронзительным взглядом, который она сразу узнала.

— Что со мной, кто вы, где я, что вам от меня нужно? — залепетала она в испуге, пытаясь отодвинуться от нависшей над ней женщины.

— Меня зовут Урсула, я веда, ты умерла...

— К-как у-умерла, вы о чём?

— Повесилась в ванной собственной квартиры, если верить предсмертной записке — от одиночества.

— Бред, я бы никогда этого не сделала, это розыгрыш? — Срывающимся голосом спросила Лиза.

— Однако это так, никаких розыгрышей. Соболезную — проговорила Урсула насмешливо-трагичным тоном, сделав печальное лицо и закатив глаза долу.

— А...

— Всё, хватит болтать. Отвечаю на главные вопросы: ты на пути в Мир Теней и мне нужно, чтобы ты наконец-то соизволила встать и продолжить путь самостоятельно, мне не очень хочется тащить тебя на своём горбу весь оставшийся путь.

Елизавета только сейчас заметила, что лежит на земле, в неудобной позе, однако поднимаясь, она так и не почувствовала ничего, тело было...

— Словно чужое? Так ты померла, моя прелесть, это сложно пройти без изменений. Скоро чувствительность восстановится, будешь как новенькая. Все разговоры в процессе движения, — предупредительно сказала Урсула, заметив, что Лиза намеревается что-то сказать — нас уже давненько поджидают.

Со всех сторон узкую тропу, на которой они стояли, обволакивали непроницаемые стены густого молочного тумана, из-за которого вокруг было невозможно ничего разглядеть, к тому же спускались сумерки. Вокруг по-прежнему было неестественно тихо.

— Идти будем не останавливаясь, по сторонам особенно не глазей, с тропинки не сходи, сбежать не пытайся, заблудишься и проплутаешь здесь вечность...

— А нельзя пойти утром? Уже темнеет.

— Здесь всегда сумерки, ничего не бойся, это просто проход, коридор, но в тумане попадаются двери. Иногда они открываются и могут затянуть путников в другое пространство, в котором я не хотела бы оказаться и никому не посоветовала там погостить.

— Что ж, «Веди меня, мой друг Вергилий!» — со вздохом сказала Лиза, недоверчиво нахмурившись в спину спутницы.

И они двинулись в путь. Урсула шла довольно быстро, Елизавета едва поспевала за ней, поэтому попыток завести разговор она особо не предпринимала, к тому же всё время помня о тех дверях, которыми пугала её эта странная женщина, она то и дело невольно оглядывалась, страшась увидеть одну из них подле себя, раскрывшуюся подобно зёву, готовую схватить её и утащить в неизвестность. "Хотя я и так уже повесилась, чего мне ещё пугаться?" — философски подумала Лиза.

— Терхенетар или Морта — сказала Урсула.

— В смысле?

— Терхенетар — создательница Мира Теней и бывает весьма сурова к пришельцам, так что её определённо стоит опасаться, а Морт это Привратник, по слухам убивший лучшего друга и королеву. Его, конечно, оправдали, благодаря королю Илорену, но молва прибавляет, что убийство было совершено по тайной просьбе монарха. Так что не советую ему докучать, пока будешь на его попечении.

— Вы читаете мои мысли?

— Нет, просто ты очень предсказуема — пробубнила веда.

— Вы говорили, что...

— Давай на ты. Меня удручает твой официоз после всего, что между нами было.

— Ты назвалась ведой, это... — Лизе пришлось прервать свою мысль, так как она уткнулась носом в чью-то спину. — Извините, я не заметила вас из-заааа! — воплем закончила она, когда увидела то, что повернулось на звук её голоса. Это было существо метров двух ростом, его тело было перекошено, одно плечо находилось где-то на уровне грудной клетки, второе было выше головы. Длинные руки безвольно свисали перед неестественно вогнутой и будто раздавленной грудной клеткой, на шее, изогнутой как у стервятника держалась непропорционально большая голова, которую существо удерживало, по-видимому, с трудом. Оно повернулось и бросилось на Лизу, схватив её за руки и мыча что-то ей в лицо. Рот у него был зашит грубыми стежками, белки огромных на истощенном лице, выпученных глаз совершенно красные, а маленькие зрачки непроницаемо-черного цвета. Никогда не умевшая защищаться, Елизавета просто задеревенела, ничего не предпринимая и с ужасом глядя в лицо этого существа, пытавшегося разомкнуть крепко сшитые уста, чтобы что-то ей сообщить. В какой-то момент она чётко расслышала слово «беги», именно его раз за разом повторял нападавший. Это осознание вернуло Лизе способность соображать и двигаться, утраченную от первого шока.

— От чего? — Тупо спросила она, оставаясь крепко зажатой в ручищах чудовища.

— От него! — Ответила Урсула, приложив его каким-то веслом по затылку. Создание выпустило Елизавету и с тихим хрипом, неуклюже упало как-то в бок, в ту сторону, на которую перевесила его страшная голова. Так и завершилась загадочная встреча.

— Он хотел нас предупредить о чём-то. — С укором и неприязнью сказала Лиза. Её раздражала циничность, с которой эта женщина относилась ко всему вокруг. К тому же это именно она втянула Елизавету во все эти неприятности, что пробудило в душе девушки уже откровенную ненависть. С каждой минутой она всё крепче чувствовала себя в мыслях и всё уверенней в теле.

— Бежим! — Она схватила Елизавету за руку и помчалась со всех ног, волоча её за собой. На ходу она ещё умудрялась рассказывать о том, что эти существа не появлялись на тропе уже тысячи лет, что в этих уродливых телах заключены несчастные души, проклятые в одном из миров на вечные муки блуждания в этом тумане. — Когда-то это были войны из одного отряда могущественного и жестокого мага, который приказал этим солдатам убить женщин и стариков, оставшихся в живых в захваченной деревне, но они отказались. За это он изуродовал и заколдовал их, а затем отправил сюда, сторожить этот путь в ожидании женщины или старика. Эти войны больше не могут владеть своим телом, а их чудовищно сильные руки хватают свою жертву и сжимают её как пресс у них на глазах. Так он проклял этих людей за отказ подчиняться. Их вахта закончится только тогда, когда они убьют по тому количеству жертв, которое отказались уничтожить в человеческой жизни. Каждый. Их души, по-прежнему, справедливы. Всякий раз, когда им попадались на пути женщина или старик, они собирали всю свою волю чтобы успеть предупредить их и те могли убежать. Узнав об этом, маг приказал зашить им рты, дабы они не могли этого сделать. Этот волшебник исчез тысячу лет назад и все думали, что его магия рассеялась, и эти души обрели свободу.

«Бред какой-то маги, ведьмы, я повесилась... может, всё-таки сплю?» — мечтательно подумала Лиза, но ходу прибавила.

Елизавета и не заметила, что они уже не бегут, а просто идут быстрым шагом, что туман начал рассеиваться и по бокам дороги стали проявляться какие-то бесформенные кучи. Поначалу она не могла понять что это, один из этих курганов стоял совсем рядом с дорогой и в ней оказался ржавый велосипед, лежащий поверх всяких запчастей, другая куча состояла из деталей машины, третья из обломков самолета. В общем, по бокам от дороги была...

— Какая-то свалка.

— Ну, знаешь, твои слова просто верх цинизма. Это не свалка, а курганы. Они символизируют безвременную кончину, памятники невинно убиенным. Кстати, где-то в начале тропы есть курган с петлями.

— Жаль не посмотрели, красивый? — Самым едким голосом, на который была способна, спросила девушка.

— Концептуальный, — в тон ей ответила Урсула.

Постепенно они приближались к огромной скале, вершина которой терялась в облаках, в неё были вделаны бронзовые врата, величественная монументальность которых сразу изменили настроение Лизы, и мелочное раздражение позабылось. На двери был высечен рельеф, изображающий молодую и очень красивую пару, только сюжет был грустный: девушка сидела на коленях, низко склонившись над умирающим юношей, из последних сил поднявшим руку к губам прекрасной девы, чьё лицо исказила маска горя. Урсула и Лиза остановились, разглядывая великолепное изображение.

— Знакомься, Елизавета, это правители Королевства, в которое мы идём — Терхенетар и Илорен. Здесь запечатлён момент их знакомства, с которого начинается история Мира Теней. — Повернувшись к девушке и взяв её за руки, веда продолжила — теперь слушай меня внимательно: если, когда мы войдем во врата, нас разлучат — я в первое время не смогу тебе помочь, да и никто не сможет, даже если вдруг захочет, что вряд ли. Я уже не смогу тебя даже предостеречь, поэтому слушай и запоминай: не верь никому, ты пленница, и ты любима только, пока нужна, не тешь себя иллюзиями, когда пред тобой будут преклоняться. Когда тебя станут испытывать — старайся провалиться во всем.

— Урсула, ты задержалась! — Голос, окликнувший веду, звучал как рычание, они обернулись и увидели молодого человека. Он шёл пружинистым шагом, пристально, как хищник, глядя в синие глаза женщины. Высокий и бледный, с тёмными, немного растрёпанными волосами и зрачками разного цвета — левый был синим, правый абсолютно чёрным. Глядя на него, невольно приходило в голову, что это совершенно бездушное создание, не ведающее страха. Похожий на породистого сторожевого пса, который не задумается о постороннем и готов сделать всё, что прикажет хозяин. Мысли эти пронеслись в голове Елизаветы, пока человек шёл к ним, пригвождая Урсулу взглядом к месту. — Ты задержалась, — повторил он — девушка уже должна быть готова, а этой придется ещё с месяц просидеть за воротами, прежде чем наступит нужный день. Тобой недовольны и тебе придётся объясниться.

«Так вот тот, кого так надо бояться.» - Промелькнуло в голове у Лизы.

И, словно в ответ на эти мысли, Морт пристально посмотрел на неё, и приморозил к месту своим одновременно пустым и тяжёлым взглядом. Ничего не сказав, он развернулся и пошёл обратно в сторону ворот. Урсула и Елизавета пошли следом.

Лиза ожидала, что сейчас врата распахнутся и она увидит перед собой волшебный мир, полный чудес. Но вместо этого они повернули налево и, пройдя до окончания одной из бронзовых створок, вошли в маленькую неприметную дверцу, оказавшись в самом пыльном

месте, которое когда-либо видела Елизавета. От одного его вида хотелось рыдать тихо в уголке, накрыв голову руками. Всё вокруг было тускло-серым — небо, деревья, «солнце? как будто в чёрно-белое кино попала». Лиза опасливо покосилась на спутников, пытаясь угадать, заметили ли они её разочарование. Но даже если и заметили, то не подавали виду.

— Ну, — вдохнув полной грудью, обратилась к ней Урсула — как тебе наш Мир?

— Очень необычный, не видела прежде ничего подобного... — стараясь выглядеть восхищённой, чтобы случайно не оскорбить аборигенов, начала было Елизавета, но её вежливые излияния были прерваны. Сначала собственным чихом, вызвавшим в воздухе пыльное завихренье, а затем гомерическим хохотом Урсулы. Улыбнулся даже Морт и пояснил:

— Нашему Миру постоянно требуется обновление, иначе он начинает умирать и превращается в труху, осыпается. Сейчас его разрушение в очень запущенной стадии, но мы все надеемся, что вы сможете это исправить, став наречённой нашего владыки Илорена, а затем и королевой Мира Теней. Добро пожаловать, Елизавета.

Сложно сказать чего Лиза ждала, и к какой участи готовилась. Она даже не до конца пришла в себя после недавнего воскрешения, а та часть, что пришла, отказывалась воспринимать всё происходящее всерьёз. Но, какими бы неопределёнными не были её ожидания, однако спасение целого мира и корона этого мира — феникса не манили, может не тот момент или настрой, но...

— Как вы, а... как я должна спасти ваш трухлявый мир? — Не сдержавшись, недоуменно подняв брови, спросила она.

Морт нахмурился. Повисла неловкая тишина, которую прервала Урсула:

— Я думаю ей надо отдохнуть, а потом уже знакомить с особенностями нашего Королевства. Морт, проводи претендентку в апартаменты, а я пойду к себе, мне тоже не мешает отдых.

И они разошлись в разные стороны, веда направо, а привратник повёл Елизавету налево.

Сухой воздух забивался в лёгкие, не давая вздохнуть полной грудью. Он вызывал жжение в горле и носу, как при аллергии или простуде, и слёзы в глазах. Лиза была слишком утомлена, чтобы разговаривать, надежда на то, что всё это лишь сон прошла, и ужас происходящих событий навалился на неё. Столько времени она настраивала свою маленькую и тихую жизнь, столько сил и души было вложено в то ровное благополучие, которое она сумела достигнуть вдали от всех, для себя. И вот, в один миг, всё это переворачивается таким гротескным, фантастическим образом. Больше всего Лиза не любила лишнего внимания, даже простого пристального взгляда было достаточно, чтобы у неё сбилось дыхание, и началась легкая паника. «И мне стать королевой, быть на виду, общаться с множеством людей, с королём...» При одной мысли о подобных перспективах внутри всё холодело и хотелось спрятаться.

Вскоре Елизавета увидела невдалеке трёхэтажное кирпичное здание, высокое и длинное. Снаружи оно выглядело таким же серым, как и всё вокруг, но на его окнах висели ярко-синие занавески и, при полном штиле на улице, эти занавески колыхались как будто от лёгкого ветерка.

— Это дом Привратника, а также временное пристанище всех королей перед церемонией знакомства с королём, Терхенетар и двором. Прошу. — Морт открыл дверь и склонился в полупоклоне, пропуская девушку вперёд. Войдя, она впервые с момента появления в этом мире, вздохнула полной грудью и даже слабо улыбнулась от удовольствия,

несмотря на тяготившие её мысли. — Да, в домах магия теряет свою силу в последнюю очередь, а этот дворец к тому же был первой резиденцией короля Илорена, так что в нём запасы жизни особенно крепки. С него по-настоящему и начинается наше Королевство Теней. — Он вошёл следом за Лизой и, заперев дверь, повёл гостью через полутёмную галерею к внушительной лестнице из мрамора, по пути продолжая рассказывать — претендентка занимает третий этаж. До представления ко двору её никто не должен видеть, кроме веды, приведшей её, стража и церемониймейстера. Если появятся вопросы и пожелания, то обращаться нужно ко мне или к Урсуле. Для этого у вас будет колокольчик, который мы услышим, где бы ни находились и как бы тихо вы не позвонили. Чтобы вызвать веду, нужно позвонить три раза, меня один, но мы и сами всё время будем рядом, когда вы проснётесь, так что едва ли это понадобится.

Слушая все эти разъяснения, Лиза с интересом разглядывала первую резиденцию своего будущего мужа. Когда-то здесь было очень красиво, но сейчас весь интерьер потерялся под чехлами и слоями простой штукатурки в местах, где облупились оригинальные росписи. Было件нятно, что дворец не ремонтировался и не реставрировался, а скорее латался по мере необходимости, так что и декорированные арки и галереи уродовали то тут, то там грубо сколоченные подпорки. Но, несмотря на общее ощущение заброшенности, во дворце было чисто. Самым ухоженным, по сравнению с тем, что смогла заметить Елизавета, был третий этаж, разделённый на два крыла крытым садом, на который не действовала магия дома. Спальня, предназначенная для претендентки на престол, находилась в нескольких шагах от входа в него. Даже через плотно закрытые стеклянные двери ощущалось лишённое воздуха пространство, в котором лепестки осыпались трухой.

— Ну, вот и ваши апартаменты, — с улыбкой сказал Морт, распахнув перед Лизой створки из чёрного дерева с изысканной резьбой.

Просторная спальня была бы поистине царством света, если бы за панорамным окном, занимавшим полукруглую стену напротив входа, не витала всё та же удручающая хмарь, которую Морт поспешил закрыть тяжёлыми занавесками тёмно-синего цвета с вкраплениями сияющих камешков. По правую руку стена и двери тоже были из стекла, на котором не было видно ни блика, ни развода, а за ними печальный крытый сад. Этот вид Морт предупредительно завесил зелёной портьерой. Слева, в нише, умиротворяюще журчал фонтан для умывания, низвергаясь из рельефного изображения кувшина в руках у прекрасной девы в светлую раковину из мрамора. Узор паркета в центре пола повторял ту же сцену, что и на вратах, ведущих в королевство, и был сделан прекрасным мастером, сумевшим с помощью тёплых древесных оттенков передать сюжет особенно нежно и трогательно. Всё это Лиза окинула взором в одно мгновение, и первое впечатление не особо взволновало её. Она обратила особое внимание только на массивную кровать, которая помещалась в самом центре комнаты, закрывая часть изображения на полу, и была явно не на своём изначальном месте. При одном взгляде на место возможного отдыха, девушка почувствовала, как ноги подгибаются от усталости и пережитых потрясений. Она подошла к постели и, совершенно обессиленная, легла, свернувшись клубочком, желая стать как можно меньше и не иметь больше ничего общего со всем, что требует хотя бы малейшего движения. Сквозь дремоту она слышала, как скрипнули кольца полога, и Морт прошептал: «Спокойного отдыха», а затем благословенная тьма снова окутала несчастное сознание, на время освободив его от тревог.

Кто-то резко отдернул завесу и хриплый женский голос прокаркал:

— Это мои правила и мне решать: важны они для меня или нет, что-то не так с этой девчонкой, откуда притащили её?

— Терхенетар, оставь. Разберёмся позже. У нас будет уйма времени. — Властно ответил мужчина.

После этого полог снова задёрнули, и ничто больше не тревожило Елизавету, пока она не проснулась сама в прекрасном расположении духа, отдохнувшая и посвежевшая. Девушка встала с кровати и восхищённо ахнула. Занавески были отодвинуты. За открытыми окнами и дверьми в сад всё совершенно преобразилось и благоухало летней зеленью. Красота цветов, нежное щебетание птиц, мягкое сияние утреннего солнца и тёплый ветерок, бальзамом для души щедро проливались на Лизу. В этот момент она ощутила себя настоящей принцессой из сказки. В дверь постучали и, после приглашения, в комнату вошла Урсула и поклонилась. Сейчас она выглядела ровесницей Елизаветы, в длинном платье свободного кроя из лёгкой изумрудно-зелёной ткани.

— Я рада, что вы проснулись.

— Спасибо, — девушка замешкалась от такой разительной перемены в природе и отношении к ней воды — где я могу принять ванну и...

— Всё уже готово, Ваше Высочество, прошу следовать за мной — после этих слов она, не поднимая головы, прошла в сад, Лиза пошла за ней. Припоминая всё рассказанное, девушка поняла, что теперь её будут готовить к свадьбе и коронации. Вступая в сад, претендентка почувствовала себя невесомой и счастливой среди декоративных растений. Где-то в глубине зарослей угадывались скамейки, беседки, журчали фонтаны и выглядывали статуи, оплетённые шустрыми побегими. Сад был запущен. Деревья разрослись и опутали собой всё, что человек высек из мрамора и гранита. Плиты дорожек потрескались и между обломков уже выросли цветы. Урсула вела Елизавету по тропинке, протоптанной среди густых зарослей невысоких деревьев, сросшихся ветвями над головой в виде галереи, приведшей их к живому шатру из розовых кустов. В центре него стояла ванна в форме раковины, такая же, как и фонтанчик в спальне, только значительно больше и мраморные девушки с кувшинами стояли по обе стороны от неё.

— Попробуйте, хороша ли вода?

Лиза подошла и опустила руку в воду, ласкавшую плоть, манящую окунуться целиком. Не имея ни сил, ни желания сдержать по-детски блаженную улыбку, девушка кивнула.

— Тогда прошу, снимите саван, ваше платье уже готово. — Урсула показала на висевшее, на одной из сторон шатра, одеяние. Елизавета разделась и легла в ванну, забыв на несколько минут обо всём и просто давая своему телу впитать влагу. Она чувствовала, как вода обновляет, придавая сил. Блаженствуя, девушка вспоминала всё, что с ней произошло, чтобы обдумать вопросы, на которые хотела получить ответ и вот, когда первый уже готов был сорваться с губ, она услышала над собой грубый мужской голос:

— Ваше Высочество, — Морт поклонился — церемонию перенесли на сегодняшний вечер. Я должен доставить вас в резиденцию как можно быстрее. — Сказав это, он удалился.

Лиза ошеломлённо хлопала глазами, прикрываясь, как могла руками.

— Вам не о чем беспокоиться, — сказала Урсула, массажными движениями разминая ей плечи, — это же всего только Морт, он не испытывает эмоций, относитесь к нему как к животному, не более, не стоит его стесняться. Он не понимает никакого этикета или правил и редко бывает приятен, но ни о чём никому никогда не рассказывает, только Илорену из преданности или Терхенетар из страха.

— Но когда он вёл меня сюда, то был очень галантен, — растерянно сказала Лиза — а потом остановил женщину, которая мешала мне спать.

Урсула рассмеялась и стала, наконец, напоминать ту самую спутницу Елизаветы, которая похитила её.

— Морт никогда и ни с кем не был галантен, вам это приснилось. А Терхенетар остановил Илорен. Кстати, вы были удостоены небывалой милости — посещения наших правителей значительно раньше срока и в обход всех традиций. Хотя подозреваю, что всему виной моё промедление в мире людей. Вы проспали неделю, не прошли ни одного ритуала, а всё преобразается само собой, кроме одного. Именно это вызвало гнев ведьмы, поэтому она хотела вас разбудить, хотя это было бессмысленно и опасно, вы не смогли бы ответить на её вопросы, но могли умереть.

— А чем мне грозит гнев Терхенетар? И что за промедление вы допустили в моём мире?

— Никто из королев не умудрялся вызвать её ненависть — произнеся это, Урсула немного задумалась и нахмурилась, а затем добавила — столь сильную, однако волноваться не о чем, вы нам очень нужны. Когда наша прежняя королева умерла, ведьма призвала меня для того, чтобы отправить на поиски новой. Для этого у нас есть только неделя, вы видели меня ближе к вечеру седьмого дня. Если бы я не нашла вас, то погибла бы.

Она улыбнулась и стала протирать тело Елизаветы мягкой губкой.

— Я всего лишь батарейка для вашего игрушечного королевства — задумчиво сказала девушка.

— Нет, вы королева, наша надежда и наше солнце.

— Но, ведь перед воротами... — начала, было, Лиза, однако Урсула тут же её перебила:

— Там всё иначе, я была уставшей и немного напугала вас, простите мне эту слабость, Ваше Высочество.

«Говорить об этом не стоит, но там она была искренней».

Когда с туалетом было покончено, на Елизавету надели пурпурное платье с вышитыми золотом птицами, такого же кроя, как у Урсулы только.

— Теперь завтракать и во дворец Его Величества — ободряюще улыбнувшись, сказала веда, и девушки двинулись обратно в спальню через хвойную галерею. Но Лиза уже не наслаждалась каждым вздохом, ей было не по себе. Она понимала, что будет вынуждена сделать всё, что ей прикажут, являясь пленницей в чужом Мире, откуда нельзя просто сбежать.

— Я могу отказаться быть королевой?

— Не стоит даже думать об этом — голос веды ни на градус не похолодел. Она говорила также ровно и дружелюбно, как и во всё время после пробуждения Елизаветы. — Быть супругой нашего повелителя Илорена это великая честь, вам несказанно повезло.

— Но я не хотела этого, ведь всё и без того возрождается, может я просто поживу здесь, среди вас?

— Не всё возрождается, просто никто не ожидал, что восстановление начнётся так быстро, к тому же есть традиции и мы должны их соблюдать, это закон. Мне сложно осуждать ваши сомнения, но уверяю, вас ждёт только радость и процветание.

Урсула вела её по галерее в круглую веранду, с которой открывался вид на горы и озеро. Здесь был накрыт стол на две персоны. Веда указала Лизе на один стул, другой заняла сама.

— Вы...

— Вам лучше обращаться ко мне на «ты», обычно у королевы больше времени на изучение этикета и возможность привыкнуть к новому статусу, однако с вами несколько иначе, поэтому придётся информировать на ходу. Всякий, кто попадает сюда из другого мира, засыпает на весьма продолжительный срок, некоторые спят по сорок дней, но это редкость, всё зависит от перехода. Ваш был тщательно подготовлен, поэтому произошел быстрее.

— А тогда, когда я потеряла сознание и оказалась в каком-то подвале, где мы были, и что происходило со мной? Ты сказала, что я повесилась, это случилось после? Ты одурманила мой разум, и теперь я мертва, здесь все призраки?

Урсула мягко рассмеялась и помолчала некоторое время, занимаясь завтраком, потом медленно произнесла:

— Здесь нет призраков. Мы живые, обычные люди и вам не стоит так часто вспоминать о своём переходе, это не должно быть достоянием гласности. Я сделала ваше путешествие более комфортным, чем это положено правилами, так что не стоит обсуждать этот вопрос с другими. Тем более не стоит задавать лишние вопросы правителям, особенно Терхенетар.

— Так это ещё был лёгкий вариант? — В ужасе переспросила Лиза.

— Я обязательно расскажу вам обо всём этом более подробно, когда вы познакомитесь с нашим Миром поближе. А сейчас нам лучше поскорее покончить с завтраком и отправиться на репетицию бракосочетания.

Когда Урсула произнесла последнее слово, Лиза судорожно вздохнула и совершенно потеряла аппетит.

— Я не могу есть.

— Вам надо поесть, чтобы не чувствовать слабости. Вспомните, сколько времени вы ничего не ели, с вами будет обморок.

— Если мне необходимо питаться, значит, я жива. Как это возможно? — Лиза ощущала себя вполне земной и никак не могла понять, во что превратило её колдовство этой женщины, а ей очень хотелось добиться ответа. — Я не дух бесплотный и всё ещё в своем привычном теле.

— Для своего мира вы окончательно мертвы, а в нашем живы и обручены с королём, так ли важно каким образом это произошло и стоит ли пытаться узнать это? — Голос веды немного задрожал на этих словах, очевидно расспросы начали её нервировать. — Вам лучше заняться завтраком, Морт уже приготовил экипаж.

Лиза поняла, что сейчас ничего больше не узнает, но хотя бы смогла отвлечься от проклятого бракосочетания и нормально поесть. Урсула ни о чём не говорила, хотя практически не прикоснулась к еде и сидела скорее ради компании. Зато Елизавета, несмотря на то, что поначалу с трудом заставляла себя жевать от волнения, вскоре почувствовала зверский аппетит и с вниманием отнеслась ко всему, что было предложено. Когда она наелась и поблагодарила Урсулу за прекрасный завтрак, веда, до того сидевшая спокойно, резко вскочила из-за стола, выдавая в каком напряжении находилась всё это время. Лизе стало неловко, она тоже поспешно встала и, повернувшись, увидела на пороге веранды Морта, смотревшего на Урсулу своим немигающим тяжёлым взглядом. Девушка вспомнила об их последней встрече и немного смутилась, хотя вид этого истукана подтверждал слова веды о том, что ему всё было безразлично, кроме приказов. Но здесь, сразу после того как они миновали вход, а затем во дворце он был абсолютно другим и это едва ли был сон, хотя о чём можно утверждать наверняка, когда ты в подобном положении.

Морт подошел к девушке и, поклонившись, сказал:

— Я должен немедленно доставить вас во дворец, Ваше Высочество, нас уже ожидают.

Он повернулся и быстрым шагом пошёл к лесенке, которую не было видно из-за густо разросшегося вьюнка, перебросившегося от стены на перила лестницы, спиралью спускавшейся вниз вокруг крыла. Елизавета неуверенно ступала по этой заросшей, местами растрескавшейся и, на вид, совсем ненадёжной конструкции, несмотря на то, с каким спокойствием шёл перед ней человек более могучей комплекции. Замыкала шествие Урсула. И снова Лизе стало тоскливо от чувства беспомощности и невозможности что-либо изменить или хотя бы отомстить за себя. Но, наконец, они вышли из зелёного плена и вид гор, свежий воздух и просто нежелание терзаться бесплодными мыслями, развеяли девушку. «В конце концов, все когда-нибудь вступают в брак, просто я делаю это менее обычно, чем подавляющее большинство моих соплеменников» — попыталась принять действительность Лиза, однако ей все равно не удалось до конца примириться с положением вещей. Морт посадил её и Урсулу в карету, захлопнул дверцу и занял место кучера. Он хлестнул лошадей и экипаж тронулся с места так резко, что веда, севшая напротив, упала к ней в объятия, однако быстро оправилась и, вернувшись на место, произнесла:

— Извините, Ваше Высочество, я забыла, насколько Морт исполнительен и не ожидала, что он будет мчать во весь опор до самого города, чтоб быстрее доставить вас. Всё-таки некоторая аккуратность тоже не помешает! — Последнюю фразу она практически прокричала, адресовав её вознице, который никак не отреагировал.

— Почему нужно так торопиться, Урсула? Ведь когда я появилась здесь, говорили о каком-то дне, которого нужно дожидаться, а теперь вот всё бегом.

— Увы, я не могу ответить на этот вопрос, все приказания исходят от Терхенетар, это она торопит вашу коронацию. Все сбиты с толку, никто толком не понимает из-за чего такая спешка.

— Как мне себя вести, что делать?

— Вас всему обучит церемониймейстер, но основным долгом является любовь и почтение к Миру, его обитателям и самое главное своему будущему супругу — королю Илорену.

Всякий раз, как произносилось это имя, по телу Елизаветы пробегала дрожь, она рисовала в своём воображении бессмертного монарха, на протяжении вечности менявшего суженых, и всякий раз выходило чудовище.

— Он пожилой? — дрогнув голосом, поинтересовалась она.

— Здесь не бывает пожилых, мы стареем и молодеем вместе с Миром, вы не увидите здесь стариков. По крайней мере, раньше так было и все надеются, что будет впредь. — Сказала она своим спокойным тоном, каким говорят автоответчики, но вдруг, неожиданно пригнувшись к Лизе и, поманив её к себе, с видом заправской сплетницы, прошептала — Потому-то церемонии свадьбы и коронации и торопят вразрез со всеми правилами, что во всём Мире только наша Терхенетар...

— Урсула! — рявкнуло что-то за спиной побелевшей веды — Старость не настолько обезвредила меня, как ты себе вообразила, пересядь к ней!

Втянув провинившуюся голову в плечи и состроив смиренную мину, Урсула покорно пересела к Лизе, и их глазам открылось лицо, выступившее из спинки сидения напротив, покрытое нелепой обивкой из-за которой сложно было определить его черты. Несмотря на это, всё же угадывались широкие скулы, присущие монголоидному типу и большие раскосые

глаза, голову венчала грива густых волос. Это лицо было зло и раздражённо.

— Урсула, вы довольно долго провозились. Скоро ли мне ждать суженую Илорена? — на этих словах старуха всё-таки не выдержала и с такой ненавистью посмотрела на Елизавету, что даже купидончики на обивке не смогли смягчить выражение Терхенетар. Теперь Лиза вспомнила это лицо, именно так оно смотрело на неё во время минутного пробуждения в доме привратника. — Хотя я, конечно, знаю, что скоро, если ты не вздумаешь изменить маршрут, так что настоятельно прошу не задерживаться нигде. Скажи Морту, чтобы не останавливался ни при каких обстоятельствах — она как будто замялась и смутилась, прежде чем сказать следующую фразу. — В лесу беспокойно, поднимается бунт. Её могут выкрасть или подучить какой-нибудь дерзости... мне докладывали... в толпе кричат... — в этот раз она действительно сбилась и оборвала мысль, сделалась на мгновение печальной и задумчивой, затем высокомерно усмехнулась и, рявкнув напоследок — Поторопись! — лицо исчезло.

У Урсулы перехватило дыхание и она, со смесью страха и восторга, смотрела то на Лизу, то на место, с которого только что вещала Терхенетар.

— Бунт! — вдруг как-то дико взвизгнула она, радостно вскинув руки — Непокойно! Это же прекрасная новость, Лиза, это же просто восхитительная новость!

Елизавета с опаской посмотрела на кресло напротив, боясь, что там сейчас снова проявится лицо разъярённой ведьмы, но поверхность оставалась гладкой. Тогда, выждав минуту, она с сомнением посмотрела на Урсулу, которая счастливо напевала какую-то мелодию.

— В нашем мире бунт обычно затевают против правительства, а у вас? — спросила она.

— У нас также — улыбаясь, ответила веда.

— Мы едем на моё бракосочетание с королём и последующую коронацию, значит, имеем прямое отношение к власти, как можно радоваться бунту? Или ты заодно с ними? — понизив голос, испуганно произнесла Лиза.

— Ннет, — последовал неуверенный ответ — нет, что ты! — спохватившись, громко повторила Урсула. Просто я столько слышала о том, что везде что-то происходит, а у нас почти всегда спокойно. — Тонем ребёнка, лишённого приключений из-за болезни, закончила она.

— Удовольствие сомнительное, если верить очевидцам. Уверена, что многим пришлось бы по душе ваша скука.

— Да, мы знаем, но если бы ты пожила в... — Урсула вдруг испуганно взглянула на свою спутницу и, виновато втянув голову в плечи, посмотрела на противоположное сиденье. — Простите, меня за грубость, Ваше Высочество, я увлеклась, услышав эти ошеломляющие новости. Этого больше не повторится. — Официальным тоном, с отстранённо-вежливым выражением лица, произнесла веда.

— Но ты не вела себя грубо, мне бы хотелось, чтоб ты всегда была такой же естественной — с чувством возразила Лиза, не желая снова оказаться в атмосфере удушающей официальности, делавшей её одинокое и подневольное положение ещё более острым и пугающим.

Веда бледно улыбнулась и, пересев на своё прежнее место, развернулась к стене кареты, в которой находилось окошко для сообщения с возницей. Урсула открыла его и передала Морту всё, что сообщила им Терхенетар, предоставив Елизавету своим мыслям. Девушка смотрела в окно и порой то тут, то там замечала проплешины серого цвета, а кое-где цвета

сепии. В Мире ещё не всё приняло прежнее положение, и ирреальность всего происходящего с новой силой поразила её. Мысли о сумасшествии подавляли едва ли не физически, и захотелось посоветоваться с кем-нибудь или хотя бы возможность остаться наедине с собой. Небо постепенно затянуло тучами и начал накрапывать дождик. Страх и неуверенность вернулись, чтобы составить Лизе компанию.

Глава 2. Нападение

Дождь перерос в полноценную грозу, которая освежила всё вокруг, как будто смыл окончательно всю пыль с Мира, возродив его первозданную красоту. Молнии причудливыми изгибами сверкали где-то вдалеке, озаряя кроны деревьев яркими вспышками, однако в густом лесу их самих не было видно. Урсула смотрела на стену дождя за окном, глубоко задумавшись о чём-то. Лиза, поначалу, пытавшаяся втянуть веду в разговор, скоро оставила эту затею, раздражившись на неохотные односложные ответы, и тоже уставилась в окно. Девушка любила грозу, но сейчас она казалась ей тревожным предзнаменованием, гневом этого странного места на чужака, принесшего с собой разом столько несуразностей, о которых всё время недоговаривала Урсула, и которые вызывали такую ярость Терхенетар, создательницы всего, что её окружало. Елизавета вспоминала дом, своё одиночество и терзалась неизъяснимой, тянущей тоской, которую никак не могла победить, всё сильнее завладевавшей ею, сковывала и мысли и движения. «Если это продлится долго, я не смогу бороться с обстоятельствами и тогда всё окончательно потеряно, а я не могу не попытаться выбраться из этого кошмара» — так думала Лиза, глядя на медленно редющий дождь. По мере того, как гроза проходила, она старалась продумать, как убедить всех в том, что она не та, которая им нужна. Но здесь вставала другая загвоздка: что будет, если она действительно не та, ведь она уже мертва, если верить Урсуле.

— Ты говорила про испытания — вспомнила Лиза

— Да, вас ждут три испытания. Обычно они проводятся после представления невесты двору. До сих пор все проходили их.

— А если я не пройду одно или все, что со мной будет?

— Я не знаю, такого не случалось до сих пор. Судит Терхенетар, а её невозможно провести. — На этих словах она хитро улыбнулась, но лишь на мгновение этот проблеск живой эмоции озарил лицо веды, затем она вновь превратилась в истукана, а копыта лошадей звонко застучали по камням мостовой. Они въехали в...

— Столицу Мира Теней, город Фъелу — предугадывая вопрос, сказала Урсула.

И тут же карету обдало шумом множества совершающихся действий: скрипом повозок, стуком копыт, криком торговцев, говором людей, пытавшихся перекричать всю эту какофонию, являющуюся неотъемлемой частью любого большого города. Приближение столицы заглушали гром, ветер и звук ливня, только сейчас прекратившихся. Теперь, глядя на запруженные экипажами и людьми улицы, необычные и непропорциональные дома, изумлявшие витиеватым декором фасадов, замечая пристальное и почтительное внимание, с которым люди провожали взглядом карету, в первый раз за всё это время в сердце Елизаветы постучалось тщеславие. Она представила себя королевой, мудрой и доброй, которая сделает этот Мир лучше, изменит его, сделает так, чтобы он больше никогда не разрушался. Правда все эти фантазии быстро рассеялись, и она усмехнулась своей восторженности, но теплое чувство всё же осталось в её душе и настроение пришло в норму.

— Это священное место для каждого жителя нашего Мира, его трепещущее сердце, совсем скоро вы предстанете перед двором и своим народом. Добро пожаловать! — всё-таки не выдержав официального тона, веда расплылась в улыбке и с интересом смотрела то на знакомые улицы и дома, то на Елизавету, пытаясь понять её впечатление и уверенная в том,

что оно не может не быть положительным.

— Этот город был основан в средние века, судя по архитектуре. Сколько ему лет? — заинтересованно спросила Лиза, любопытство возобладало над всеми остальными чувствами. Жажда приключений ярким вихрем захватила существо девушки, как только она оказалась в более оживлённом месте. «Вот оно — жизнь, борьба, суэта — всё то, чего мне не хватало, то, чем я пренебрегала, убегая от своих истинных желаний. Как чудесно снова оказаться в водовороте событий, быть в самой гуще, в центре внимания... » Эти мысли промелькнули вместе с лучом солнца, выглянувшим из-за туч, чтобы сверкнуть на флюгере ратуши, обдав всё вокруг снопом световых искр и снова скрыться, словно испугавшись своей яркости и силы. «Нет, не то, я не того хочу, мне нужны покой и одиночество. » Однако, хоть и приглушив свой первый порыв от встречи с этим новым местом, обещавшим ей совершенно новую и значительную судьбу, Лиза не могла снова вернуться к рациональному и осторожному состоянию, в котором собиралась явиться ко двору и попытаться изменить обстоятельства. Ей хотелось остаться здесь, стать частью этих людных улиц и пройти все нужные испытания, чтобы доказать, что она этого достойна.

— Вполне вероятно, что именно тогда. Фьела не меняется уже много веков, оставаясь анахронизмом по желанию владык. Вообще, в нашем Мире нет возраста и не принято считать годы и даже тысячелетия, особенно среди женщин.

— Тогда зачем вам менять королев? Куда они деваются? — Лизе только сейчас пришла в голову эта мысль и заставила похолодеть, она почувствовала себя жертвой, ведомой на заклятие, ради очередного периода благополучного и тихого существования этого странного Мира. «Всё же мне не предлагают быть своей, мне просто диктуют ту роль, которую я буду какое-то время играть ради всеобщего удовольствия, однако ни об одной из королев я ничего не знаю». Это запоздалое озарение спустило девушку на землю и она, как и прежде, отрешённо посмотрела на расстилающийся за окнами вид, уже привычно почувствовав себя совершенно чужой в этом водовороте жизни. Следующую фразу она произнесла глухим голосом, как-то автоматически, потому что должна была удостовериться в своей догадке — Я увижу кого-нибудь из своих предшественниц? — она резко повернулась к собеседнице и успела заметить замешательство на её лице, однако заминка была делом секунды и официальная Урсула уже привычно сказала:

— Вам расскажут об этом позже.

Минутное воодушевление окончательно рассеялось, и апатия вновь мерзко начинала расплзаться по членам и сознанию Елизаветы, когда в карету что-то стукнулось. Раз, второй, третий и вот в окно прилетел какой-то продукт, размазавшийся по стеклу. В толпе, собравшейся на площади, раздались вопли:

— Ведьмы! На костёр!

Сначала это были отдельные, ещё явно робевшие голоса, но вскоре их гул принял более массовый и грозный характер и вот уже по стенам экипажа забарабанили многочисленные камни и то и дело слышались мерзкие шлепки грязи, Морт прибавил скорость, которую он значительно сбросил в городе. Но вскоре карета резко затормозила, и с кучерского места донёсся полный ярости вопль возницы:

— Да как ты смеешь, прочь с дороги!

Взвизгнул хлыст и, опустившись на чьи-то плечи, вырвал крик боли у своей жертвы. Это раздражило толпу до того, что даже те, кто прежде безучастно наблюдал за беспорядками, сейчас принялись потрясать кулаками и, призывая к немедленной расправе, стали напирать

на карету со всех четырёх сторон.

— Сдёрните королевского пса, его мы повесим! Не робейте, нас больше!

Крики раздавались со всех сторон, карету окружили плотным кольцом и, казалось, вся площадь была против них. Двигаться дальше не было никакой возможности, на козлах слышался шум борьбы. Иногда экипаж судорожно подвигался вперед, давя кого-то.

— Урсула, что нам делать, как выбираться отсюда? — Лиза в ужасе смотрела на изуродованные злобой лица, направлявшиеся к дверям кареты. Люди были вооружены дубинами и ножами, взятыми с продуктовых прилавков. Веда, казалось, была напугана больше Елизаветы, нижняя челюсть подрагивала, а широко открытые глаза смотрели в окно с отрешённостью приговорённого. Из ступора её вывел брошенный камень, разбивший стекло и обдавший их фонтаном осколков. В следующую секунду, она уже сидела на коленях Лизы, надеясь укрыть её при необходимости от бунтовщиков. Двери кареты были заперты. Один из нападавших залез в разбитое окно и попытался отодвинуть щеколду, но Урсула, подхватив с пола камень, со всей силы ударила его по голове и вытолкнула обратно в толпу. Сзади раздался звон разбиваемого стекла и уже другой человек попытался влезть в экипаж. Этот был с короткой дубинкой, которой он беспорядочно размахивал прямо перед лицами насмерть перепуганных девушек.

— Ведьмы, — с ненавистью прошипел он — вы заплатите за всё зло, которое сделали людям. — От нападавшего несло спиртным. Он был очень худ, с жёлтой кожей и мутными от алкоголя глазами, которые не мог ни на чём сфокусировать. — Справедливость восторжествует, больше не будет над нами этого проклятья, которое мы вынуждены терпеть...

Его речь прервала арбалетная стрела, насквозь пробившая ему голову. Со всех сторон зазвучали звуки труб и топот лошадиных копыт по мостовой.

— Ну, наконец-то, королевская гвардия — выдохнула Урсула, рухнув на сиденье и отбросив от себя окровавленный камень.

С козел донёсся победный рёв Морта, затем чей-то отчаянный, вопль: «Врассыпную!», не имевший смысла, все участники нападения и без того стремились как можно скорее выбраться из давки, вызванной поспешным бегством, в примыкавшие к площади переулки. Но каждый из выходов был уже перекрыт замковой охраной, никого не пропускавшей.

Шестеро гвардейцев проехали к карете. Когда они заняли места по обе стороны от неё, экипаж тронулся дальше, увозя от молчаливой и отрезвевшей толпы Урсулу, впавшую в протрацию, во время которой она периодически посматривала на спутницу, шепча лишь одно слово: "Немыслимо», и Елизавету, которая после такого потрясения больше не боялась встречи с Терхенетар и Илореном, но чувствовала себя окончательно растоптанной и бессильной, а главное очень несчастной невестой, зажатой между молотом и наковальней.

Глава 3. Селаркацу

В сопровождении гвардии, карета оставшуюся часть пути проделала без каких-либо происшествий. Вскоре дорога стала спускаться в низину, на дне которой разместилась резиденция. Половина здания представляла собой готический замок, а вторая дворец в стиле барокко. Различие между ними было столь разительно, что производило впечатление ада и рая. Тёмные каменные стены замка, угрюмо вздымавшиеся над пейзажным парком, аллеи которого уводили взгляд в темноту, затянутую туманом. Всё пространство низины с этой стороны резиденции было покрыто им. Плотным, высоко поднимавшимся над землёй, из которого то тут, то там торчали крыши маленьких построек, разбросанных в парке, плавно переходящем в густой лес, окутанный всё той же молочной кисеей тумана. Дворец же был воплощением барочной динамики и напоминал творения Бернини, расположившись на фоне парка с вычурно подстриженными кустами, газонами и клумбами, рисующими живописный узор на полотне земли. Его фонтаны, скульптуры, пруды и каналы, через которые перекидывались изящные мостики так и манили прогуляться. Сторона дворца выглядела столь светло и открыто, что для истерзанного всем происшедшим сердца Елизаветы не могло стоять выбора, в какую половину ей бы хотелось сильнее.

Экипаж, тем временем, быстро приближался ко рву, за которым высилась стена, скрывавшая за собой удивительное здание, где Елизавету ожидала встреча с правителями. Погода возвращала себе утреннюю безмятежность и, хотя солнце ещё не выглянуло окончательно из-за туч, но по всему было видно, что ждать его уже не долго. Карета загремела по широкому подъёмному мосту. «Хоть бы он длился вечно, а лучше пусть я проснусь сейчас, сию минуточку, ну...» и, подумав так, Лиза даже невольно зажмурилась, но стук колёс по дереву звучал так же настойчиво и крики стражников, приветствовавших гвардейцев, были столь же отчётливы, как и этот стук. Девушка открыла глаза и глубоко вздохнула, пытаясь унять отчаянно бьющееся сердце и выровнять дыхание. Отчасти это помогло и, когда они въехали под арку, в ней что-то оборвалось и установилось неловкое перемирие между сознанием, нервами и телом, направленное на то, чтобы продержаться с достоинством хотя бы первое время, нужное для оценки ситуации.

Дверца кареты открылась и молодой человек в ливрее, откинув подножку, поклонился и произнёс:

— Добро пожаловать в Селаркацу, Ваше Высочество, меня зовут Ульрих — он подал Елизавете руку, помогая выйти из экипажа.

— Вы, должно быть, очень утомились в пути. Надеюсь, этот ужасный инцидент на площади не слишком напугал вас? В резиденции все очень взволнованы случившимся и тревожились о вашем самочувствии.

«Угу, скорее о сохранности» подумала Лиза, а вслух произнесла с любезной улыбкой:

— Благодарю, я чувствую себя прекрасно, и уже практически оправилась от происшествия.

— Я безмерно рад это слышать, Ваше Высочество. Госпожа Терхенетар была так добра, что предложила вам до свадьбы разместиться на её половине, в замке. Я провожу вас в покой, где вы сможете отдохнуть и освежиться перед тем, как будете представлены правителям.

Юноша повёл Елизавету направо, туда, где возвышались угрюмые стены готического сооружения с его узкими стрельчатыми окнами с витражами, гаргульями и устремлёнными высь башнями. Девушка оглянулась в поисках Урсулы или хотя бы Морта, но не смогла различить их среди множества людей, сновавших по двору.

— Здесь всегда так оживлённо? — спросила Лиза, с любопытством наблюдая за пререкавшимися, шутившими и что-то приказывавшими людьми, которые в свою очередь с большим интересом разглядывали свою будущую королеву, пока взгляды их не встречались, после чего тут же отворачивались и продолжали своё занятие с удвоенной силой.

— О нет, обычно наш двор намного спокойней, но сегодня особенный день — ваше прибытие и на завтра готовится пиршество, но большинство этих бездельников высыпали сюда, чтобы просто взглянуть на вас — Ульрих, почтительно, но с едва уловимым оттенком насмешки, поклонился Лизе, взглянув на неё красивыми миндалевидными глазами. Только сейчас девушка обратила внимание на его внешность. Он был среднего роста, строен и гибок. Безупречно-белая кожа и ярко-синие глаза оттеняли тёмно-русые волосы, подстриженные до плеч и красивой волной ложившиеся на чёрную ливрею, покрытую витиеватыми письменами, вьющимися по воротнику, обшлагам и клапанам карманов серебряной нитью. На спине был вышит золотом сюжет, который Лиза видела на воротах: прекрасная дева, склонившаяся над юношей.

Несмотря на запруженность, их передвижению никто не мешал, все почтительно расступались, давая дорогу и кланяясь. Вскоре Лиза и её провожатый вступили в тень замка, и девушку пронял озноб. Ступая по массивной лестнице, ведущей к входу, она оглядывала место своего заточения, пытаясь определить к какой культуре принадлежала старая ведьма, воздвигнувшая себе подобное обиталище. Кованые двери медленно растворились перед ними и Ульрих, склонившись, пропустил Лизу вперед. Очутившись в громадном холле, она услышала шум закрывшегося за ней пути к отступлению и, на мгновенье, застыла при этом звуке в тени.

— Добро пожаловать в мой дом, дитя, проходи. — Хрипло и звучно сказала Терхенетар, спускаясь по парадной лестнице навстречу своей гостье. Она шла тяжело, опираясь на трость и, видимо страдая от своей старческой немощи не столько физически, сколько духовно. — Ты не выглядишь напуганной. Видно там, откуда ты родом разъярённая толпа не редкость? — Сказав это, она хрипло рассмеялась, зорко вглядываясь в девушку.

— Нет, я ни разу не видела ничего подобного. — И вдруг, предположив, что её могут посчитать причиной, пусть и невольной, беспорядков, она, словно ребёнок, воскликнула — это не я! В том смысле, что я не могу иметь к этому никакого отношения.

— О, тебе совершенно не о чем беспокоиться, моя дорогая, — Терхенетар подошла к Лизе и, взяв за локти, притянула к себе и поцеловала в щёку — никто не винит тебя, тем более что ты одна из первых пострадавших, до этого дня никаких столкновений не было. Все виновные понесут заслуженное наказание. Это заставит толпу забыть все те глупости, которые им внушил кто-то пришлый. А нам стоит забыть об этом прямо сейчас, теперь ты под нашей защитой и можешь нечего страшиться.

Ведьма приятно улыбалась, и глаза её излучали покой и доброжелательность. Казалось, она действительно испытывала искреннюю симпатию к девушке, от былой неприязни не осталось и следа, такое благодушие просто не могло быть поддельным, так светились старческие глаза ведьмы.

— Елизавета, — медленно и прочувствованно произнесла Терхенетар, беря Лизу под

руку и ведя к лестнице, — какое терпкое, чувственное и гордое имя дали тебе родители, прекрасное имя. В нашем Мире есть древний обычай — называть новорожденных девочек, появившихся на свет в праздничные дни свадьбы, коронации и испытаний именем новой королевы. Как приятно будет слышать это сочетание звуков почаще.

— Благодарю.

— Не стоит, — подняв брови и весело глядя на Лизу, возразила ведьма, — я хвалила отнюдь не тебя, а то, что было тебе даровано. К чему нам, когда мы вот так, тет-а-тет, все эти условности, ничего не значащие сухие благодарности. Королева, король и Госпожа Ведьма, как официально звучит мой нелепый титул, это основа Мира. Мы должны быть едины. — Она взяла ладонь Елизаветы, скрепляя свои слова крепким пожатием её руки. — Забудь моё начальное нерасположение, твоё появление у нас совпало с началом странных времен. Наш Мир меняется, перерождаясь в нечто большее, чем был прежде. Но всё это мы обсудим уже за обедом. Я и без того утомила тебя своей болтовней, мой ангел. Вот твоя комната на первое время, пока не пройдут все праздники, посвящённые королеве. К обеду я приглашу тебя через два часа, надеюсь, этого времени хватит, чтобы восстановить силы. Все мероприятия были перенесены на завтра, сегодня ни о какой репетиции, разумеется, не может быть и речи.

Они остановились у двери. Снова взяв Лизу за локти и поцеловав её, Терхенетар уже повернулась, чтобы уйти и радушная улыбка на миг заменилась прежней досадой на своё тело, но, что-то вспомнив, она взглянула на девушку и с теплотой произнесла:

— Надеюсь, мы подружимся, у меня на тебя большие планы.

После этого, Лиза не то кивнула, не то сделала полупоклон и юркнула в свои апартаменты, обескураженная этой переменной в поведении старухи и такой подкупающей добротой, на которую она просто не могла не ответить взаимностью при своём податливом на ласку характере. Надо признать, что это качество не раз уже подводило Елизавету в прошлом. Стоило кому-нибудь отнестись к ней с теплотой и ей тут же хотелось сделать для человека что-то особенное. Пользуясь такой смешной и наивной открытостью и не сразу встречая отпор, многие уже не могут почувствовать грань, когда тон просьбы у них сменяется на приказной и друг в их мнении низведён до прислуги. Наученная таким образом, Лиза никогда не доверяла выражениям дружбы, стараясь как можно быстрее сбежать от всех доброхотов в своё тщательно отстроенное одиночество. Но здесь, в Мире Теней, она не могла прятаться, сколько бы ей захотелось, и благосклонность Терхенетар настораживала сильнее любой немилости.

Просторная комната, судя по мебели, состоявшей из пары маленьких столиков, дивана и нескольких кресел, должна была служить приёмной, из неё в противоположные стороны вели две двери. Елизавета обнаружила за ними кабинет и спальню, в которой нашлась ещё одна дверь, ведущая в ванную. Интерьер комнат был выполнен в том же стиле, что и весь замок с его переходами, гобеленами по стенам, резной мебелью, украшенной витиеватыми узорами и общим впечатлением прочности и массивности. Высокие стрельчатые окна с частым переплётом пропускали достаточно света, чтобы комната выглядела приветливо, несмотря на сдержанные тёмные тона. В приёмной, где Лиза расположилась в кресле перед одним из столиков, было четыре окна и в каждом по три медальона с витражами, изображающими знаки зодиака в обрамлении разных цветов. Лиза нашла свой знак льва, он был ярко-алым, с разинутой пастью и готовый для битвы в ореоле жёлтого цвета. Когда выглядывало солнце, эти витражи отбрасывали яркие разноцветные блики на пол, Лев

разместился на юбке девушки, и несколько минут она просто смотрела на то, как рисунок то появляется, то исчезает с материи. Но из оцепенения её вывел Ульрих, который постучавшись, но, не дожидаясь разрешения, вошёл в комнату, а за ним двое слуг, один принес воду для умывания и понес её в ванную, а второй с подносом, где были чай и пирожные.

— Осмелюсь напомнить, что обед будет подан через час с четвертью, Ваше Высочество. Я зайду за вами. Приятного отдыха.

И троица откланялась, снова оставив её одну. После этого посещения, Елизавета почувствовала всю глубину тишины, царившую в замке. Дома всегда что-то шумело, а здесь беззвучие было просто абсолютным. Девушка никогда не любила отсутствие фона, все самые безнадежные мысли немедленно набрасывались на неё в такой атмосфере, буквально поглощая и третируя своей громадностью и неразрешимостью. Подобные муки сейчас были особенно остры и неуместны, но глушить их было нечем, кроме своего голоса и Лиза начала петь. Поначалу робко и тихо, но с каждым звуком всё более воодушевляясь. Этим звукам она отдавалась вся, без остатка и расцветала вместе с ними. Так, распевая, она умылась, приободрилась, а затем села пить чай и составлять вопросы, которые придётся задать ведьме, несмотря на опасения её раздражить. «Ну не запечёт же она меня в пирог, к тому же этому Миру нужна очередная королева, хотя бы на время, а за это время надо выяснить, что с ними происходит, и куда их девают. «Наш Мир меняется, он перерождается в нечто большее, чем был прежде. " — Так она говорила. Как это может повлиять на меня, может меня отпустят домой?» — но тут же она скривилась и нахмурилась» угу, за свидетельством о смерти. Мне некуда бежать, но и подчиняться во всём мне не обязательно, нужно просто органично влиться в те перемены, которые происходят в Королевстве. Знать бы только с чего начинать и как не усложнить своё положение слишком резкими действиями».

Раздался стук в дверь, и вновь не успела Лиза ответить, как Ульрих зашёл, поклонился и произнес:

— Ваше Высочество, Госпожа Терхенетар приглашает вас к обеду.

«Главное — ничего не бояться» — подумала Елизавета, и в этот миг луч света снова положил ей на колени изображение льва на фоне раскалённого солнечного диска.

Глава 4. Терхенетар и Илорен

Комната, в которой ждала её ведьма, находилась в одной из башен. Круглой формы, с заштукатуренными белыми стенами, белым полом и ярким витражным потолком, где был изображён сюжет с Илореном и Терхенетар, сидевшей в одном из двух глубоких кресел перед небольшим столом, уставленным яствами. Возвышение из белого дерева в центре, на котором расположился гарнитур, приближало его к невысокому потолку и создавалось впечатление, словно позолоченная мебель с красной драпировкой и все предметы на ней это всего лишь отсвет витража, застывший в воздухе.

— Это самая светлая комната в моей обители. Признаться, редко сюда захожу в последнее время, но нашу беседу хотелось бы провести именно здесь. Прости, что не встаю. Тем чудовищней моя старость, что согнула внезапно, чем даже в нашем бывшем доме. — Ведьма улыбнулась и хитро прищурилась, заметив, что Лиза заинтересована. — Присаживайся и угощайся, у меня замечательный повар. К сожалению, не смогу разделить с тобой трапезу — особый рацион, но пусть это тебя не смущает. На мой рассказ и без того уйдет уйма времени. Обычно в историю Мира посвящают либо веда, когда королева живёт ещё в старом дворце, либо церемониймейстер во время обучения придворному этикету, так что я не опытна в этом деле. Зато очевидец всех событий, свершившихся под этим небом.

Она тихо посмеялась, предаваясь ностальгии и, глядя в освещённый дневным светом потолок, приступила:

— Начну, пожалуй, с самого, на мой взгляд, главного — мы все родом из одного и того же мира — из мира людей. До сих пор предыстория возникновения королевства не освещалась широко, то есть знаем о ней только я, да Илорен. — усмехнулась Терхенетар — Сегодня покров тайны будет снят и для тебя. Итак, я родилась и выросла в северной стране, в деревне, запрятанной в горах, где чтились заветы предков с незапамятных времён и ведические знания передавались из поколения в поколение. Родители мои погибли, когда мне было четыре года, и я помнила их лица как в тумане. Воспитал меня дедушка по материнской линии, кам Кайракан. Нас никто не трогал. Мы общались только с племенами из других деревень, разбросанных по малолюдному суровому краю. Но однажды зимой охотники принесли обмороженного путника, найденного ими в чаще. Бедняга был на волосок от смерти, и даже самые опытные ведуны не чаяли его спасти. Мне шёл тогда шестнадцатый год, и я готовилась стать шаманом другого поселения, родом из которого был мой отец, где недавно умер их единственный кам, не оставив преемника. Вместе с дедушкой мы спасли беднягу и даже смогли вернуть тепло в его члены, так что через месяц он оказался совершенно здоров, хоть и слаб. Это стало моим испытанием, показавшим, что, несмотря на юный возраст, к лету буду готова отправиться на новое место. А пока я стала выхаживать чужеземца, оставленного в нашем доме. Когда этот человек пришёл в себя после нескольких недель лихорадки и бреда, первым, что он увидел, было моё лицо, склонившееся над ним. До сих пор в наших краях не появлялись европейцы и его облик неизменно притягивал моё любопытство, так что когда со всеми домашними делами бывало покончено, я подолгу смотрела на него. К тому же это был мой первый серьёзный опыт камлания, и мне очень хотелось, чтобы он скорее окреп. Незнакомец поднял веки, и я впервые увидела цвет его зрачков, показавшихся двумя лепестками, только проклюнувшимися из почки, настолько

сочной зеленью они выделялись на бледном лице, в обрамлении тёмных кругов вокруг глаз. Этот взгляд был смел и требователен, но насторожен. Человек попытался приподняться, но не смог и волна ужаса, захлестнув, исказила черты осунувшегося лица. Я попыталась успокоить его как могла, говорила, что он долго был в забвении и идёт на поправку, но больной ничего не понимал, а лишь видел перед собой дикарку, что-то лопочущую на незнакомом наречии, и чувствовал немощь. Вскоре наш гость успокоился и стал пристально вглядываться в меня, прячась от этого взгляда, я пошла за едой и питьем, чтобы кормить его. Дедушка ушёл за травами и должен был вернуться не раньше следующего вечера. Так мы остались один на один, и пока я кормила, поила и на языке жестов пыталась объяснить чужеземцу, что с ним произошло и куда он попал, между нами установилась та взаимная симпатия, которая возникает только в особенных случаях, таких как духовная связь людей на необитаемом острове. Он пытался понять мой язык, старался повторять какие-то слова, силился шевелить занемевшими членами. К возвращению дедушки он уже самостоятельно сел и ел. На языке жестов человек поведал, что звали его Грегор, он путешествовал по миру в поисках приключений и научных открытий. Скоро он освоился, начал немного понимать наш язык, даже говорить на нём, помогал по хозяйству, и вся деревня к нему привыкла. Если кому-то нужна была помощь — Грегор всегда соглашался помочь, так он завоевал всеобщую признательность. К тому же показав себя ловким охотником, он завоевал всеобщее уважение. А, будучи, к тому же, прекрасным певцом и замечательным рассказчиком, он завоевал всеобщую любовь. Решено было, что Грегор проживёт с нами до лета, а там ему подарят упряжку и пару оленей с условием, что он отвезёт меня в деревню, в которой я останусь камом, а он отправится дальше, куда захочет. Лето пришло и мы после пышных проводов с множеством напутствий и даров отправились в путь, но только не на моё место, а к его родине. Он убеждал меня дорогой, что жить среди этих гор в глуши и безвестности невыносимо, он будил в душе бурю тщеславия, подкупал комплиментами, обещал показать невероятные места и красоты, облачить в прекрасные платья и одарить драгоценностями, какие носят императрицы. Нельзя сказать, что я понимала всё, что он говорил. Я даже не представляла что такое парча и атлас, изумруды и рубины, для чего это и как выглядит. Мне внушали с детства, что я человек пользы, люди нуждаются в моей силе и знаниях, которые дал мне дедушка. Совесть не давала покоя и каждый раз, когда я ложилась спать, лица родичей и людей, приехавших к дедушке чтоб просить его о помощи, вставали перед мысленным взором. Я думала о том, что скажу предкам, когда они будут меня встречать по ту сторону.

Когда мы достигли оживлённой местности, я очень испугалась и ходила за ним как привязанная. Мне казалось, что стоит ему уйти, и я пропаду, в принципе так и было. Я не знала ни одного языка, кроме родного, не имела понятия о деньгах. Так я оказалась в полной его власти, а когда мы приехали в его дом, и я увидела мягкие кровати, прекрасную мебель, изысканные наряды и драгоценности, то продала свою душу, но по ночам предки так же грустно глядели из омута сновидений. Он выполнил всё, что обещал. Возил меня в театры, водил на приёмы и, постепенно, я вошла во вкус этой роскошной жизни, изучила язык и манеры. Но не могла понять тогда, что среди этих людей я была лишь диковинкой, сезонным развлечением, забавной обезьянкой, для смеха облачённой в дорогое платье, не более того. У меня не было никаких шансов стать частью их жизни. Расспрашивая о том, как живут в далёких северных горах люди, которым врачей, учителей и священников заменяют шаманы, они не пытались узнать о другом мироустройстве, где не бывает войн, где человеческая

жизнь почитается священной, где дети любят и уважают стариков, не тяготясь ими, где не бывает голодных, так как все работают на общее благополучие и достигают его, где душевный покой важнее материальных благ, где за помощь не нужно отдавать всё, что есть у тебя, а в ответ можно получить обман. Нет, они просто умилялись дикости подобной жизни, говоря за моей спиной, а те, кто считал себя более интеллигентным и цивилизованным, чем остальные и прямо в глаза, что мне несказанно повезло, что меня привезли в такую замечательную страну, где есть деньги, церковь и государственность. Я пыталась рассказать о том, сколько жизней спасли шаманы, да хотя бы жизнь Грегора, но всё это вызывало лишь снисходительные усмешки. Эти люди постоянно боялись даже предположить, что можно жить иначе, чем они и при этом быть людьми, а если слухи, доходящие до нас верны, то эти напыщенные варвары, напридумавшие себе кучу условностей, ограничений и зависимые от количества цветных бумажек и металлических кружков, так и не изменились. В конце концов, Грегор сказал мне о том, что его вынуждают жениться на девушке своего круга и мне нужно уйти и жить самостоятельно, а о нем забыть навсегда. Разговор этот произошёл через год после того, как я приехала к нему домой. Интерес в обществе ко мне угас, да и он сам начал мной тяготиться, ведь пока я жила в его доме на виду у всех, не понимая насколько вульгарно моё положение, он всё же не мог чувствовать себя совершенно свободным. И вот, после всей той роскоши, которая окружала меня, он отвел меня к женщине по имени Берта, давшей мне комнатку на чердаке и обещавшей приносить заказы на шитьё, с которых я буду оплачивать комнату и стол. Так я стала швеёй. В этом месте я просуществовала самый страшный год моей жизни. Я работала по двенадцать часов, но денег всё равно не хватало, и Берта ворчала, а иногда и ругала меня последними словами, из которых я постепенно стала понимать, какое положение я изначально заняла в этом месте, традиции и правила которого я познавала под руководством Грегора. Порой Берта крепко выпивала и поднимаясь на чердак глубокой ночью будила меня чтобы поговорить, в такие моменты попытки просить её оставить меня или нечаянное проявление невнимательности к тому, что она говорила, могли завершиться для меня побоями. Я уже приготовилась уйти и не вернуться, когда ко мне снова явился тот, кто привёз меня в этот бездушный смрадный край. Он был бледен и истощён, очень похож на себя, когда только очнулся в нашей с дедушкой юрте, и я увидела его глаза. Тем больнее отозвался во мне вопль отчаяния за то предательство, за которое я расплачивалась сейчас. Он смотрел на меня отстранённо, без интереса, как на незнакомку, к которой зашли по делу. Поначалу Грегор задал формальные вопросы о делах, о жизни, о планах, на которые я не отвечала, а просто наблюдала за этим странным животным, облачённым в костюм, по которому другие могут определить его породу и ореол обитания. Он прекрасно всё понимал, но спрашивал, потому что эта страшная глупость среди них считается воспитанием. Убедившись, что поддерживать милую беседу я не намерена, и, избегая моего лихорадочного взгляда на обезображенном недоеданием, недосыпанием и отсутствием свежего воздуха лице, он перешёл к причине своего визита.

— Мне нужна твоя помощь. — Он вздохнул и посмотрел в мои глаза с мольбой и отчаяньем. — Моя жена очень слаба, ей скоро рожать, но все доктора лишь печально качают головами. Терхенетар, ведь у тебя доброе сердце и есть сила, которую должно применять во благо людей. Ты же спасла меня от верной смерти, ты сможешь ей помочь.

Вот так. Ни мольбы о прощении, ни желание улучшить моё положение. Я согласилась помочь, а потом решила броситься в реку, чтобы больше не видеть ни этих людей, ни их

грязный немислимый город. И вот я в том же доме, стою перед девушкой, располневшей от беременности, и смотрю на бледное лицо в холодном поту лихорадки, на руки, отчаянно вцепившиеся в одеяло, на светлые волосы, разметавшиеся по подушке. Она была очень красива, она была добра и совершенно безвинна. Дни её были сочтены, но, несмотря на сомнения, я согласилась постараться помочь ей и ребенку. Всё было приготовлено и камлание началось, не знаю, сколько времени длилось оно, но когда я закончила, девушка спала глубоким сном, румянец играл на её щеках и жар оставил тело. Ровное дыхание больной звучало музыкой для домашних и меня даже наградили парой монет, судя по которым стоимость этой музыки была не высока. Но они ещё и улыбались и даже дотрагивались до моего плеча в поощрительном жесте, а это само по себе в их глазах было выше любого сокровища. На ночь меня разместили в комнате для прислуги, причём эти смешные мерзавцы ещё год назад почтительно называвшие меня хозяйкой, в этот раз ни в какую не соглашались спать в комнатах, примыкающих к моей, чтобы я их не заколдовала. Утром весь дом проснулся от душераздирающего вопля Грегора: Лилиан, так звали его молодую супругу, скончалась. Когда я вошла в комнату, то увидела её в том же положении, что и накануне и даже румянец ещё задержался на прелестном лице, улыбавшемся каким-то грёзам перед тем, как душа ушла из него. Может быть, она видела своих ангелов, протянувших к ней руки. Не знаю почему мои усилия не спасли эту девушку, я искренно пыталась помочь, но всё же не смогла. Либо моих сил не хватило, либо смерти слишком она приглянулась. Но для всех остальных причина была несомненна. Тогда я впервые услышала тот самый призыв, который кричали сегодня на площади: «Ведьма! На костёр!» Грегор исподлобья посмотрел на меня налившимися кровью глазами и, трудно дыша, произнёс: «ты убила мою жену и моего сына». Гнев душил его и если бы чьи-то добрые руки не схватили и не уволокли оторопевшую меня, он разорвал бы моё тело в клочья, по крайней мере, казалось, что сила его ярости была именно такова. Я лепетала что-то в свою защиту, я говорила, что даже не думала причинять им вреда и смерть если пришла, то не по моей вине и девушка всё равно бы погибла, раз даже духи не смогли её спасти. Но всё это слышала лишь добрая кухарка, уволокшая меня на кухню и там пытавшаяся вытолкнуть меня через чёрный ход. Она говорила что верит, но больше никто не станет меня слушать. Я уже выходила, когда вспомнила про свой бубен и колотушку, я не могла расстаться с ними, у меня больше ничего не было, так что я стала рваться обратно и в этот миг в кухню вбежали слуги и схватили меня, связали руки за спиной и потащили в гостиную. Я не сопротивлялась, моя дальнейшая судьба интересовала меня мало, а страха перед этими людьми я не могла испытывать в принципе, слишком жалкими они мне казались со всеми своими угрозами. Они всех судят по себе и до истерик боятся всего на них не похожего, если не могут этим управлять или уподобить себе. Мне говорили про доверие, которое будто бы было мне оказано, хотя меня даже не спрашивали ни о чем, так что доверие было с заметным изъяном и работало лишь в случае удачного завершения ритуала. Мне рассказывали о своей вере, о том, что меня прилюдно предадут огню. Меня хотели заставить признаться в том, что я убила Лилиан специально, что моя «чёрная магия» свела её в могилу. Я говорила о том, что они сами просили меня попытаться, я обещала помочь и сделала всё, что смогла для спасения и мне не в чем упрекнуть себя. И тогда Грегор ударил меня несколько раз по лицу, но это было не самым страшным. Слезы хлынули у меня из глаз, и стон раненного животного исторгла моя грудь, разрываемая от ощутимой физической боли, потому, что кто-то начал бросать в огонь мои инструменты, то, с чем напрямую была связана моя жизнь, то,

что сделали для меня дедушка и соплеменники. Лёгкие словно превратились вдруг в камень, и я не могла ни дышать, ни держаться и тело стало клониться к земле под этой тяжестью. Я понимала, что духи отвернулись от меня и то, что произошло, было наказанием и моей душе никогда не вознестись к Тэнгри. Меня охватил жар, в глазах потемнело и давно не являвшиеся во сне лица предков снова отчётливо встали перед затуманенным взором. Я потеряла сознание, а когда очнулась, вокруг были лишь клубы сухого тумана, да небольшой отрезок пути. Я пошла вперёд, не оглядываясь и не думая ни о чём, пока туман не начал редеть и я не увидела огромную степь, по которой были разбросаны курганы из какого-то серого пуха или пыли. Всё здесь было пропитано ощущением удушающей пустоты и безнадёжности. На окраине этой степи, там, где с ней граничил туман, спиной ко мне стоял светловолосый юноша, рассматривая что-то у себя в руках. Приблизившись на безопасное расстояние, я окликнула его и, когда он повернулся, вскрикнула от ужаса — его саван спереди был весь залит кровью, которая продолжала вытекать из него. Осунувшееся лицо голубого цвета с заострёнными чертами и запавшими синими глазами, мутно и безучастно уставились на источник звука, но это было последнее, что он был в состоянии сделать. Юноша упал на землю, я подбежала к нему и перевернула на спину, положив его голову себе на колени. Ничего не сознавая, он по-прежнему крепко сжимал в руках предмет своего интереса. В отчаянии взглянув на них, я похолодела и тут же преисполнилась надежды на то, что смогу спасти и его и, может быть, даже себя, потому что в руках он держал мои бубен и колотушку для камлания. Позже, когда все страхи улеглись, я спросила у Илорена, а это, как ты, наверное, уже догадалась, был будущий король, откуда они взялись у него. Он рассказал, что сразу, как только оказался в тумане, на него напал кто-то, повалил на землю и стал разрывать когтями его тело, в пылу неравной борьбы Илорен схватил первое, что попало ему под руку, и ударил чудовище. Этим предметом оказался зачехлённый бубен. За то мгновение, в которое существо замешкалось, его жертва вернулась на тропу и побрела, надеясь на помощь, вперёд. Я застала его, когда он увидел вместо жилища людей только пыльную степь, а в чехле, который был крепко зажат в онемевших руках только непонятный музыкальный инструмент.

Надежд на то, что духи отзовутся на мой зов или вместо помощи не накажут меня снова, не было, но у меня на руках умирал незнакомец, и я совершенно не догадывалась, где нахожусь. Я просила исцеления юноше и защиту для всех, кто попал сюда из подлунного мира через несправедливость, для всех, кто подвергся гонениям и был замучен до состояния, в котором душа больше не может поддерживать тело и, обретая новую плоть, бежит в иные миры. Выбивая неистовый ритм, как после рассказывал мне Илорен, я протяжно кричала на родном языке, а в глазах моих клубился тот же туман, что окружал нас. Вскоре волосы, встав дыбом, начали потрескивать и зигзагообразные молнии стали вспарывать землю в ритме, который задавала моя рука, поднимая в воздух со степи всю пыль. Ветер, кружа её в вихре воздушных потоков, стал разносить этот пух в разные стороны, пока перед нами не оказалась сплошная тёмно-серая стена, ещё не определившаяся и бывшая только скоплением роящейся пыли. Змееобразный виток медленно отделился от этого хаоса и потянулся в нашу сторону, следом за ним отделился второй, двумя лианами они подбирались к нам, отгоняя по мере приближения туман. А чем дальше отступала молочная мгла, тем более прояснялся мой взгляд. И вот я прозрела и, по инерции, колотушка последний раз вонзилась в кожу бубна и разорвала её, в этот миг всё озарилось ослепительной вспышкой. Лианы, обхватив нас, подняли в воздух и понесли в сторону степи. Чудовищный грохот запоздалого грома потряс

округу, и мне показалось, что больше я никогда не услышу. Щупальца, переносившие нас далеко от земли, вдруг вошли в наши тела, и мы зависли привязанные ими к этой степной буре, словно пуповиной. Потом я ощутила, что всё во мне словно сжимается в кулаке огромной руки, я посмотрела налево, туда, где висел Илорен, и увидела, что он окончательно потерял сознание и уже ничего не чувствует. Меня тряхнуло, и виток вышел из тела, зацепившись за инструмент, зажатый в руках. Илорен уже летел вниз, когда я ещё упрямо держалась как за соломинку за бубен, но виток ещё раз с силой дёрнулся и вот я уже лечу, чтобы разбиться. Я видела, как оба щупальца влились в общий хаос, забрав с собой, судя по бело-красной тряпке, мелькнувшей в серой массе того, что бросил Илорена, и саван юноши. Дальше всё потеряло значение, так как я снова, в который раз в тот день, готовилась к неминуемой гибели. Но соприкосновение с землёй хоть и было весьма болезненным, не убило меня. Убедившись, что цела, я посмотрела на совершенно здорового, без единой царапины на теле и нисколько не смущённого своей наготой, молодого человека. Заметив, что он очень красив, я, чтобы скрыть неуместный интерес, посмотрела туда, где была степь. Вместо неё я увидела то, что видит каждый, кто приходит в наш Мир также как ты: огромную скалу, вершина которой терялась в облаках, в неё были вделаны бронзовые врата, величественная монументальность которых поражали воображение. На дверях был высечен рельеф, изображающий молодую и очень красивую пару, только сюжет был грустный: девушка сидела на коленях, низко склонившись над умирающим юношей, из последних сил поднявшим руку к губам прекрасной девы, чьё лицо исказила маска горя. Воздух стал спокойным и безмятежным и, сколько хватало глаз, вправо и влево от ворот тянулась эта серая и неприветливая скала. Створки ворот стали медленно открываться. За ними я увидела лесную опушку, переливающуюся теплом разных оттенков зелёного и коричневого, искрившихся мириадами капель росы, сияющих в лучах летней зари. Мы слышали дивное пение птиц, и олень посмотрел из кустов прекрасными глазами на измученных путников, словно не понимая, почему они мешкают там, на мрачной туманной тропе, когда жизнь так близка. Первым решительно двинулся Илорен и, не столько веря в благостный край, где смогу отдохнуть, сколько боясь потерять единственного человека, которого видела здесь, я спешила за ним. Так мы вошли в новый Мир, рождённый чтобы восстановить справедливость и дать отдых потерянным душам, обвинённым несправедливо и попавшим на тропу мертвых.

Я полагала, что поначалу мы будем там единственными людьми, но это было не так. Дворец — первое строение, которое мы увидели. И он был обитаем. Ещё издали я различила непонятную суету, происходившую во дворе. Когда мы подошли к распахнутым воротам, зазвучали звуки оркестра и ливрейные слуги, стоявшие вдоль расстеленной красной дорожки, склонились в почтительном поклоне. У них за плечами толпилось множество красиво одетых людей и в их рядах то тут, то там раздавались крики: «Да здравствуют король и королева!» Мы шли, стараясь ни с кем не встречаться глазами. А уже во дворце нас, как детей, водили в ванную комнату, в гардеробную, в столовую и, наконец, в спальню, где мы, не сказав друг другу ни слова, уснули на четырнадцать дней. Очнувшись, мы стали обсуждать всё произошедшее после встречи. Илорен полагал, что я наколдовала настоящее королевство с подданными и именно эта версия считается официальной в нашем Мире. Я сомневалась, что в моей власти сделать подобное, но не стала особо пытаться разубеждать своего спутника. Вскоре выяснилось, что большинство наших подданных это всего лишь тени людей: они не эмоциональны, ничем не интересуются, ничему не удивляются и

существование их чисто формально, так как кроме заученного этикета и набора учтивых ответов на все случаи жизни, в них не было ничего осмысленного. Со временем эти странные обитатели Королевства эволюционировали, что можно заметить даже по нашему Ульриху, но всё же у них нет ни воли, ни желания её обрести. В основном это придворные и слуги, те, кто встречал нас по прибытии сюда. Однако население постоянно росло за счёт уже настоящих душ, навсегда покинувших свой мир ради новой жизни, только они ничего не знали о своём прошлом, сохраняя при этом свои знания и умения, нужные для ремесла и хозяйства, а так же характер и предпочтения. В скором времени отличить тень от настоящего человека стало практически невозможно, ведь здесь до последнего времени все жили вечно и никогда не старели, так что они стали подражать осмысленности людей, а те, в свою очередь, начали перенимать бессмысленность теней.

Признаюсь, всегда отдавала предпочтение своим придворным, они не судят меня за спиной, ведь, по сути, я им безразлична, как и всё окружающее. Поэтому им и в голову не придёт мысль о предательстве, незачем. А вот Илорен всегда любил живую силу, оригинальность, эмоции и энергию. Он был рождён под ослепительным солнцем, в тёплом краю, на берегу моря. Он был также красив и силён, как изваяния божеств, в изобилии разбросанных по его родному острову. Бесстрашие и любовь к риску сделали его ловцом жемчуга. Однажды Илорен гулял на закате вдоль берега моря и увидел вдалеке девушку, стоящую на краю высокой скалы, раскинувши в стороны руки и запрокинув назад голову. Она раскачивалась, опасно кренясь над обрывом, который был печально известен во всех уголках острова. С этой скалы не раз прыгали неразумные, за что людская молва дала ей прозвище «мыс самоубийц». Илорен помчался к ней, страшась того, что не успеет, каждый миг мог стать последним. Он боялся окликнуть её, ведь это могло испугать несчастную. Вскоре юноша достиг скалы и стал медленно и бесшумно подходить со спины к девушке. Она же, судорожно всхлипнув, издала короткий детский стон и сделала шаг в пустоту, но повисла в сильных руках своего спасителя.

— Зачем? — спросил он, поставив её на землю и, развернув к себе лицом, пристально всматривался в незнакомые черты. Он держал юное хрупкое тело, на печальном лице которого под сведёнными бровями сверкали две серых звезды. Она молча смотрела сердитым взглядом, давая понять, что ничуть не нуждается в непрошенных покровителях. Но Илорен даже не думал её отпускать, более того это бесстрашное создание его привлекало той внутренней силой, которая незримо волнами исходила от незнакомки. — Как твоё имя?

— София.

Как рассказывал мне король, это был голос сирены и, услышав его, он тут же словно упал на дно, не успев набрать воздуха в легкие. Сочетание этой тонкости, лёгкости, слабости с внутренним жаром и сталью само по себе пробудило в нём интерес, тем более мы склонны невольно преувеличивать достоинства тех, кому смогли оказать услугу. Но этот голос шёл, словно из глаз цвета штормового моря, в нём отразилось все её существо и Илорен снова, с большей настойчивостью и недоумением, спросил:

— Зачем?

— Я должна, мне нужно... — щеки её порозовели, брови ещё ближе сошлись к переносице и она, опустив глаза, попыталась высвободиться. — Прошу, отпусти.

— Нет, я не пушу тебя, где ты живёшь, у тебя есть родные?

— Меня станут искать и всех, кто будет рядом со мной, ждёт только несчастье. Прошу,

отпусти — в её голосе зазвучали слёзы и, стараясь их скрыть, она ещё ниже опустила свою тёмно-русую голову.

— Истинное несчастье ждет меня, если я дам тебе умереть. У меня здесь много друзей и я могу тебе помочь, если только ты позволишь. Хотя даже если ты не позволишь, я всё равно не смогу оставить тебя пока не узнаю что жизнь твоя в не опасности и не увижу улыбки на твоём прелестном лице. Если тебе некуда идти, то можешь остановиться у нас с мамой, мы небогаты и дом наш не велик, но зато есть вкуснейшая еда и уютный очаг.

Смущённая София подняла на Илорена глаза, полные смятения и согласно кивнула. Они пошли к дому ловца жемчуга, на пороге которого по традиции, появившейся ещё когда Илорен был смешным чумазым сорванцом, стояла его старушка мать и ожидала любимого сына, кроме которого у неё не было никого родных и в котором состоял весь смысл её жизни. Когда она увидела что сын идёт с девушкой, она сразу всполошилась, по обыкновению всех матерей и стала упрекать юношу за то, что он не предупредил о гостях, и она не приготовила никакого особого блюда. Но София тут же успокоила старушку, своим ласковым голосом объяснив, что её визит совершенно случаен. И так сильна была магия этого голоса, что мать тоже сразу совершенно поверила всему, что произносило это дитя. В прекрасной атмосфере провели все трое этот тёплый вечер. Шторм в ясных серых глазах утих и порой, когда София смеялась над забавными историями, которыми всех развлекал Илорен, она становилась такой доверчивой и ранимой, что было невозможно оторваться от подобного обнажения чувств. Все лицо её было холстом, каждый мускул палитрой, в которой смешались всеми цветами, доступными человеку, эмоции.

Но, когда наступило утро, магия вечера, позволившая растворить призраки дня в тёмных сумерках, потеряла свою силу. Илорен, дождавшись, когда матушка отправится на рынок за продуктами, приступил с расспросами к госте. В благодарность за всё, что он сделал для неё, София подробно рассказала свою печальную историю. Её украли ещё в детстве и продали в рабство. Внешность ребёнка обещала красоту, поэтому девочку отправили обучаться музыке, пению, танцам и прочим наукам, нужным для наложницы. Так она росла в закрытом от внешнего мира месте. Когда Софии исполнилось шестнадцать лет, она отправилась с караваном купцов, купивших её для своего господина в далёких землях. Но во время морской части пути, их корабль захватили пираты и, забрав все драгоценности с галеона, потопили его вместе с людьми. Девушку забрал один из матросов, нашедших её в трюме, забившейся за один из ящиков. Сначала Софию хотели оставить на корабле, но нашедший её головорез настоял на том, что рабыню можно выгодно продать и так она очутилась у пиратов.

— Так как я была товаром, меня не трогали и сносно кормили. И вот, недавно, мы причалили к этому острову починить судно и застались провизией. Мне разрешили погулять под охраной двух флибустьеров. Я была так счастлива ходить по улочкам, по площадям, среди людей, толпившихся, шумных, свободных. На какой-то момент я совсем забыла о своём положении, мне представилось, что вот я такая же, как все они и могу идти куда глаза глядят и делать что угодно душе, петь солнцу и танцевать луне. Дышать и смеяться как когда-то могла, бегая по дикому лугу босиком, всё время оглядываясь на мать, в светлых глазах и волосах которой играли солнечные лучи. И так мне легко стало в тот миг, что песня, не из тех, что должны услаждать слух моего будущего владельца, а живая, настоящая, которую пели старшие сёстры, работая в поле, пока я в стороне уплетала морошку, и ждала, когда вечер уведёт всех домой, пролилась из моей души на незнакомую площадь. Я сидела у

фонтана, и вокруг постепенно собрались люди и стали слушать. Когда я закончила, меня попросили спеть ещё, и я с удовольствием пела те песни, что помнила с детства. Так прошло полчаса, а потом мои провожатые подали знак, что пора возвращаться к кораблю. Когда мы шли по безлюдному берегу, пираты сказали что завтра мы снова пойдём на площадь, но другую и я снова должна буду петь. Сначала я не поняла для чего это нужно, но когда мы поднялись на судно, они стали рассказывать о том, как во время моего пения срезали кошельки у доверчивых горожан. Слезы обиды и боли полились из моих глаз, и я не могла их сдержать, чтобы скрыть от этих людей, настолько чудовищно подлым был их поступок, хотя чего ожидать от разбойников. Но сама мысль о том, что я стала причиной несчастья добрых людей и соучастницей кражи, убивала меня.

И вот вчера Софию снова повели в город, и на этот раз вокруг неё было значительно больше пиратов. Она села около статуи, изображающей божество, и запела грустную песню о жизни в неволе и тоске по родным краям, которую часто пела её матушка, занимаясь починкой одежды в углу их маленькой избы. Когда же все разбойники растворились в толпе, она вскочила и помчалась в один из узких переулков. Так она сбежала от флибустьеров, а к вечеру вышла на этот мыс и решила вернуть себе свободу. Едва ли стоит надеяться, что про неё забудут и не станут искать, а когда найдут, то и тем, кто попытается вступить, тоже не поздоровится.

Илорен выслушал эту исповедь, не проронив ни звука. Он смотрел на профиль Софии, во всё время рассказа, отрешённо глядевшей на блестящее море.

— Я сейчас же пойду и узнаю — не отплыли ли ещё они и попрошу, чтобы их спровадили из нашего края. В порту все меня знают и не откажут в помощи, а ты пока сиди здесь и никуда не выходи.

Первым делом он побежал на рыночную площадь, чтоб предупредить свою матушку о том, что гостью нельзя выдавать даже по секрету подружкам, которых у неё было великое множество. Просьба Софии никому не говорить, что они её видели, ещё совсем недавно не казалось такой важной, ведь ещё утром они о ней ничего не знали, а предположить, что такой прекрасной искренней девушке кто-то может желать вреда эти добрые люди не могли. Но, как не искал Илорен, он не мог найти мать. Больше всего его встревожило то, что по отдельным намёкам стало ясно, что старушка уже поделилась с кем-то новостью о госте, разумеется под большим секретом.

Он помчался в порт и сразу заметил пиратское судно по описанию, данному Софией. Там полным ходом шла подготовка к отплытию, и надежда окрылила юношу. Начальник порта сообщил Илорену, что корабль отплывет нынче же вечером, хотя должен был сняться с якоря ещё вчера. Капитан и часть команды ушли в город по одному важному делу, но уверили его, что оно их не может задержать надолго.

Илорен был уверен, что делом этим был поиск Софии и особо тревожило то, что капитан сам пошёл с ними. Но всё же оставалась надежда, что пираты ушли не за беглянкой. Кроме того, хоть остров их был не велик и не густо населён, но всё же быстро найти желающего спрятаться нельзя. Со всеми этими новостями он побежал домой. Но там его ждала только матушка, готовившая праздничный ужин. Она радостно встретила сына, поцеловала его и объяснила отсутствие Софии:

— Когда я сегодня ходила по рыночной площади, покупая продукты, ко мне подошёл загорелый мужчина приятной наружности и поинтересовался: не видела ли я его дочь, которую зовут София. Я ответила, что не встречала, как мы и договаривались. Видел бы ты

глубину его горя, когда он стал рассказывать, как сильно любит свою единственную дочь. Он говорил о том, как тяжело девочка переживает недавнюю смерть любимой матери, скончавшейся в пути. Накануне, они повздорили из-за пустяка, и София сбежала с корабля, на котором они должны плыть домой. Он подробно описал нашу гостью, её нежность и доверчивость и так он тепло говорил, слёзы стояли в его глазах. Дочка последнее, что ему осталось в жестоком мире, и я подумала как же это похоже на нас с тобой, ведь мы тоже одни друг у друга и сердце моё разорвётся, если что-то случится с тобой. «Если увидите, мою беглянку, передайте, что я не уплыву, пока не найду её». Сказав это, он повернулся и, согнувшись под бременем свалившихся на его плечи невзгод, побрёл к выходу с базара, а я глядела ему вслед, раздираемая сомнениями. Он подходил к разным людям и, видимо, говорил то же, что и мне, так как лица наших добрых горожан преисполнялись сочувствия и печали. Я ничего ему не сказала и скорей побежала домой, к Софии, передать, что отец её ищет. Когда я вошла, она ходила из угла в угол и глазки её были красны от слёз. Всё рассказав ей, я объяснила как от нас попасть к тому месту, где встретила того человека. Она побледнела, крепко обняла меня и, поблагодарив за всё, направилась к выходу. Я пошла проводить и сказать, чтоб она непременно бежала к нам, если что-нибудь случится и каково же было моё удивление, когда через дорогу от нашего дома я увидела, как отец спешит к ней, раскрыв объятия. София тихо ахнула, когда услышала, как он громко сказал ей: «доченька». Она схватилась за забор и сделала шаг назад, но, увидев меня, вышедшую вместе с ней, девочка с рыданием бросилась к своему батюшке. Ах, какая это была трогательная сцена, исполненная неподдельного чувства. Я пригласила их обоих сегодня к нам на ужин и обрадованный отец обещал прийти непременно. Он спросил Софию и она, улыбаясь сквозь непрекращающийся поток слёз, тоже дала обещание и сказала, что к вечеру будет уже совсем весела. Так, обнявшись, они уходили.

Илорен не стал сообщать матери свои сомнения относительно того, кто мог называться отцом Софии и, обещав вернуться к ужину, снова побежал в порт, глядя по сторонам в поисках разбойников. Там ему сказали, что капитан пиратского судна не возвращался, и никто здесь не видел в этот день похожую по описанию девушку. Он уже собирался идти обратно и продолжить поиски в городе, когда к нему подошёл человек и сказал что знает, где находится та, которую он ищет. Он привёл Илорена на безлюдный участок берега, со всех сторон защищённый скалами от посторонних взглядов. Здесь было десять человек пиратов, не считая провожатого. София с разметавшимися волосами, полулежала на песке и с отчаянием наблюдала за приближением юноши. Когда он хотел подойти к ней и помочь подняться, дорогу заслонил капитан и сказал:

— Если вам, молодой человек, приглянулась эта девица, можете её купить. У нас появились срочные дела, и мы не можем отправиться на рынок рабов. Здесь же торговля людьми запрещена, и нарушение этого запрета связано с некоторыми трудностями. За время пути мы кормили её и поили, здесь позволили гулять как свободному человеку и нас не в чем упрекнуть. В ответ же мы получили чёрную неблагодарность и оказались перед трудным выбором: привязать к носу корабля, чтоб у неё было больше времени на замаливание грехов перед смертью или предложить влюблённому ловцу жемчуга, с таким энтузиазмом разыскивающему свою сирену, достать для нас несколько жемчужин в счёт её долга перед нами. Тогда мы разойдёмся, каждый по своим делам. По рукам?

Илорен согласился, и капитан пригласил его в лодку, в которой сидели двое пиратов на вёслах. Отплыв подальше от берега, лодка встала, и юноша принялся за работу, но, сколько

бы он не нырял, чёрные злые глаза флибустьера, блестя на солнце, далеко ушедшем на запад, всё так же алчно глядели на него и губы кривились в ненасытное «ещё». Удача была на стороне Илорена, и много жемчуга лежало уже в шляпе капитана, так что, вынырнув в очередной раз и подавая корзину, он сказал, что ему нужен отдых. Но пират отвечал, что его молодцы уже ждут на судне отплытия, а долг Софии ещё не покрыт.

— Но я уважаю всех тех, кто ищет своей удачи в море, так как сам принадлежу к их числу и поэтому с тебя не потребую много. Ещё несколько крупных жемчужин нужно мне и София останется с тобой и твоей доброй матушкой, которая должно быть уже ждёт всех нас на ужин.

Сказав это, он зло рассмеялся, и разбойники, сидевшие на вёслах, подхватили его сухой неприятный смех. Ненависть и ярость сдавили Илорену горло и, не думая ни о чём, желая лишь побыстрее освободиться от пиратов, он снова нырнул с корзиной на дно и вновь ему повезло, и несколько крупных жемчужин легли в шляпу корсара. Но дорого обошлись они юноше, сил его хватало только чтобы держаться за борт лодки, даже забраться в неё самостоятельно он не мог.

— Помогите мне забраться.

— Нет, плыви сам, — с этими словами капитан отнял ослабевшие руки ловца и он отправился ко дну.

Последнее, что услышал Илорен, был пронзительный крик Софии, когда корсар отцепил его от борта лодки. Последняя, о ком он подумал, была матушка, которая в маленьком белом доме на берегу моря, облачившись в самый лучший наряд, закончила все свои хлопоты. Целый день добрая женщина, радостно напевая, готовилась к вечернему празднеству, с удовольствием рассказывая заходившим соседями трогательную историю Софии и её отца. И, как всегда, по традиции, появившейся ещё, когда Илорен был смешным чумазым сорванцом, его старушка мать вышла на порог своего старого домика в ожидании любимого сына, кроме которого у неё не было никого родных, и в котором состоял весь смысл её жизни.

А будущий король тем временем очнулся в знакомом всем нам молочном тумане.

Глава 5. История Мира Теней

Поначалу, когда мы только попали сюда, и стало ясно, что в Мир Теней приходят замученные, настоящие люди, Илорен каждое утро ходил к воротам и просиживал там целыми днями, встречая вновь прибывших. Я не спрашивала, но догадывалась, что он ждал свою Софию. Я даже немного завидовала ему, ведь мне совершенно некого было ждать, и моя совесть была нечиста. Мы пытались узнать у придворных об этом Мире, о том, почему выбрали нас для правления и тогда нам показали книгу, в которой было описано рождения мира, так, как видели его мы с Илореном и пророчество, в котором точно предсказано пришествие создателей и процветание Мира Теней. Мы были первыми людьми, попавшими сюда. Пока король вздрагивал всякий раз, как врата впускали очередного путника, а это случалось довольно часто, я старалась развеять свои мрачные мысли, отправившись в путешествие, чтобы изучить Королевство.

Когда в наш Мир приходили люди, где-то для них уже стоял домик со всем необходимым их ремеслу. Порой появлялись аристократы и вельможи, об их появлении говорили дворцы и замки со своей прислугой, появляющиеся там, где ещё вчера был лес. Понемногу стал укореняться определённый уклад, при котором Илорен исполнял свою роль в церемониале, не питая к нему ни малейшего интереса, а я, путешествуя повсюду, познавала устройство нового дома. Однажды, во время одного из своих недельных выездов, во время которого я познакомилась с вновь прибывшим герцогом и целой деревней образовавшейся вокруг его замка, на пути мне попалось полуразрушенное строение в форме барабана, к которому примыкала башня, от времени покосившаяся на сторону, здесь явно никто не жил. Всюду, где я бывала до сих пор, мне попадались только дома с хозяевами и все они имели ухоженный вид. Мои слуги осмотрели окрестности в поисках каких-нибудь следов людей, но никого не нашли. Мы пошли к зданию. Проржавевшие решётка и дверь в башне были не заперты, за ними оказалась небольшая комната, совершенно пустая и тёмная. Из неё в соседнюю залу вёл арочный проход. Как в первом, так и во втором помещении лежали горы пыли или того самого серого пуха, что был в степи, из которой появился этот мир. Дышать было очень трудно, но всё-таки мне хотелось рассмотреть это место получше, в центре залы я увидела что-то белое. Подойдя, я подняла испачканную тряпку, и в тот же миг из того места, на котором она лежала, начал просачиваться туман. Он моментально заполнил помещение. Я бросила находку приблизительно туда откуда взяла и стала ощупью пробираться наружу. С трудом выбравшись из здания, я шла в ту сторону, где, как мне казалось, должна была остаться карета, но не смогла её найти. Никто из слуг не откликнулся на зов. Холодный пот прошиб меня, и уже показалось, что я снова за воротами. Постояв некоторое время в нерешительности, и, определив направление, я побрела по дороге. В тот раз она заняла около часа, прежде чем туман начал редеть и яркое летнее солнце рассеяло мои страхи. Вскоре попалась деревушка, в которой я купила лошадь и отправилась во дворец поделиться своей находкой с Илореном. Все, кто был со мной тогда, были тенями, и никто из них не вернулся, пропала и карета и лошади. Так что этот туман, придя с тропы немертвых, стёр все иллюзии Мира Теней, оставив только превратившиеся в здание бубен и колотушку, да окровавленный саван Илорена.

Моё возвращение в одиночестве, без кареты и слуг, разумеется, встревожило

придворных и пришлось рассказать о тумане, в котором живёт неведомое зло и забирает людей. Отослав всех, сказавшись усталой, я смогла объяснить Илорену, что случилось на самом деле. Он захотел немедленно взглянуть на то место и, несмотря на мои попытки отговорить его опасностью поездки, отправился туда. А я решила заглянуть в ту самую книгу, что повествовала о Мире Теней. Историю в неё никто не записывал, но каждое обновление вносилось неизменно. Было ли это появлением очередного герцога, и в ней тут же оказывалась часть, посвящённая его роду, при том записи выглядели так, словно велись уже не первое столетие. Никто, кроме меня и Илорена, не замечал этого, хотя в библиотеке дворца стали появляться уже новые книги, посвящённые деревням, городам, замкам и знатным семействам. В тот раз, на привычном месте оказался новый фолиант, чёрная кожа и серебряное тиснение, вместо привычного красного переплёта и золотых букв, кроме того, теперь книга была написана на моём родном языке и имела название — «Книга о нашёптывании». Она начиналась главой, посвящённой Долине Туманов в центре которой стояла старая башня Госпожи Ведьмы, пуп Мира Теней. В тот день меня стали звать только так, а Илорен пропал на столетие, во время которого я посылала во все стороны людей и теней на поиски, а сама с фонарём постоянно прочёсывала Долину. Я поняла, что туман не забирает сделанного человеческими руками и рождённого здесь, а так как Мир к тому моменту просуществовал уже порядка пятисот лет, то сделано людьми было немало. Каждый день я читала книгу, смысл которой стал понятен теперь только мне, надеясь увидеть новость о возвращении Илорена. Без него меня стало тянуть к одиночеству, и я приказала построить замок в низине, рядом с Долиной.

Всё это время ко мне подступали с расспросами относительно короля и королевы, намекая, что можно было бы привести к власти новую династию. Но я всем отвечала, что Илорен явится вскоре, и страх передо мной заставлял всех отступать, но недовольство всё-таки росло и даже, кажется, зрел заговор, но, как и всё в этом королевстве, зрел очень медленно.

После того, как мой титул стал звучать совсем иначе, и я перестала играть в добрую королеву, пришло понимание, что эта роль мне больше по душе. Постепенно стал возвращаться интерес к своему человеческому ремеслу. В первый же день, как я решила вспомнить рецепты, оставшиеся в память от бабушки, в башне нашлась сумка, один в один схожая с той, что дарили мне в дорогу, а в ней ножик для срезания стеблей. Я стала превращаться в настоящего кама и отвлекалась только на государственные дела, которые на протяжении столетий фонтанировали с интенсивностью трясины. Я напускала грозный вид и предоставляла возможность министрам бурно обсуждать постройку замка и обустройство города вокруг него, так как больше ничего у нас не происходило. Всё же очень многое здесь оставалось не таким, как в земной жизни. Например, здесь никогда не было старых или больных. Все жили вечно. Не было пьяных, хотя открывались какие-то пивнушки и люди, так же как и в мире живых пили по праздникам или после работ. Здесь не было преступлений, самый воздух убаюкивал любую ссору и люди мирились незаметно для самих себя. Мир Теней был местом, где даже чувства имели только оттенок, были суррогатом настоящих эмоций, как тени были суррогатом людей. Но, как я уже говорила, наш Мир постоянно менялся, эволюционировал и вносил правки в Книгу о нашёптывании.

В один прекрасный день, возвращаясь из прогулки по горам, с сумкой набитой травами, я увидела заросшего щетиной бродягу, который плёлся по тропе, неся на руках умирающую девушку. С ними, чуть отставая, но по временам сокращая расстояние, шёл истощённый

старик. Вся эта троица выглядела в нашей реальности совершенно не от мира сего, и я сразу поняла, что именно так и было. Я хотела властно окликнуть незнакомцев, но старик опередил меня. В очередной раз отстав, пришелец остановился, чтоб отдышаться перед новым забегом. Оглянувшись, он заметил меня и посеменил к своим спутникам со всей прытью, на которую только был способен, догнал их и забормотал что-то своему рослому другу. Тот обернулся и бросился в мою сторону, протягивая ко мне свою ношу. В первое мгновение я хотела бежать, но уже во второе узнала заросшего бродягу. Это был Илорен. Постаревший, он едва держался на ногах.

Я поторопилась навстречу и спросила, что случилось, и где он пропадал столько времени.

— Я был в мире людей и пробыл там всего несколько дней. За это время я успел познакомиться с Джованни и помочь ему спасти сестру, которую бросили в тюрьму по ложному обвинению и должны были казнить. Она совсем слаба от голода и побоев, ты можешь её спасти.

Интонация его лишь на четвертую часть содержала вопросительные нотки. Это было скорее утверждение и надежда, которую я не могла обмануть.

— Надо отвезти её в мой замок.

Мы пошли в старый дворец, а оттуда отправились в мои новые владения. Илорен был настолько измучен, что даже не удивился переменам, произошедшим в его отсутствие. А между тем замок был закончен и крупный город вырос над той низиной, где он расположился.

Девушку принесли в крыло, отведённое под мои опыты, там я вспоминала и придумывала рецепты и зелья. В первую очередь меня интересовала природа тумана и серого пуха, проникших в Мир. Придумывать зелье для больной приходилось на ходу, но всё же у меня получилось. Вскоре она стала глубже дышать, проявился румянец, и бедняжка улыбнулась во сне, чем заставила меня вспомнить Лилиан. Пока она спала, я боялась отойти от неё, полагая, что если что-нибудь случится, то меня опять обвинят. Джованни тем временем свалился в обморок, чем вызвал очередной переполох, но и этот пациент был напоен той же микстурой и уснул сном праведника на софе. Присмотревшись, я поняла, что он был молодым, только поседевшим и истощённым. Спустя неделю Илорен восстановился после своего путешествия. О наших гостях он ничего не спрашивал, видя моё участие к брату с сестрой.

Я рассказала королю обо всём, что изменилось за это столетие, а он поведал о том, куда пропал в тот день:

— Когда я отправился в туман, то надеялся найти щель, через которую можно было бы покинуть этот Мир хотя бы на время. Я обследовал каждый камешек, насколько позволяла обстановка, но, увы, старания были бесплодны, и тогда меня вдруг потянуло одеть саван. Забыв о предосторожностях, я накинул его на плечи. Тело, подхваченное вихрем, втянуло в воронку, приведшую меня в подвал здания. Я вышел из него и оказался на центральной площади какого-то города. Там, у ворот красивого палаццо я и увидел Джованни. Он брёл, не глядя по сторонам, и ничего не видя перед собой, порой он натякался на прохожих, извинялся и сторонился, стараясь прижаться поближе к решётке ограды, вдоль которой лежал его бесцельный путь. Не знаю, почему именно Джованни привлек моё внимание, возможно, его горе было сродни моему, в то время, как всё вокруг нас дышало праздником жизни. Солнце ярко светило, отражаясь от крыш прекрасных зданий причудливой

архитектуры, на моей родине я никогда не видел ничего подобного, да и у нас, несмотря на различие во дворцах и замках, появляющихся для знати, ничего хоть немного похожего мне не попадалось. Скульптуры, фонтаны, арки и галереи, под сводами которых толпилась, прячась от летнего зноя, прихотливо одетая молодёжь. И вот, в стороне от всей этой яркой и шумной картины, брели два неприкаянных скитальца, не приглашённых на празднество жизни.

Ах, даже сейчас мне трудно произносить ту его речь, обжегшую меня, словно огнём и давившую грудь всякий раз как я вспоминала её и, с затаенной тоской, смотрела на его задумчивый профиль. Мне и в голову до той исповеди не могло прийти, что он настолько тяготится нашей жизнью. Я ничем не выказала своих чувств и продолжала просто слушать.

— Я пошёл навстречу Джованни и познакомился с ним. Оказалось, что его сестру Паолу обвиняли в краже и собирались повесить, а ему не разрешали даже увидеться и поговорить с ней. Он как раз возвращался от одного из своих влиятельных заказчиков, которому спроектировал палатцу, но его не приняли, а в просьбе о помощи отказали в коротенькой записке. Тогда я предложил ему похитить сестру и бежать вместе со мной туда, где нет несправедливости. Дело было в таверне, где мы уже порядком поднабрались, поэтому излишняя осторожность не мучила его ум, и мы прямо оттуда отправились на разведку. Все последующие приготовления и само похищение удалось повернуть за пару дней, после чего я привёл своих друзей в подвал и набросил саван на всех троих. Так мы оказались на тропе немёртвых, и она стала выделять непонятные трюки, словно не желая пускать нас дальше того места, где мы стояли. Но, в этот раз, хоть не нападал никто, кроме голода и жажды. Не знаю, сколько мы пробыли среди клубов тумана, но за это время Джованни заметно осунулся и постарел, а Паола впала в то бессознательное состояние, в котором я принес её. Когда девушка упала в обморок, я взял её на руки и ворота выросли перед нами почти сразу. В этот раз створки не распахнулись, а открылась лишь маленькая дверь в левом углу ворот. Мы зашли в неё и отправились в сторону дворца. А потом встретили тебя.

Джованни и Паола, окрепшие и помолодевшие, пришли в себя только через месяц. Радости Илорена не было предела. Он решил устроить бал в честь новых друзей. Никогда я не видела, чтобы король так веселился и невольно начала заражаться его энтузиазмом. Пришедшие таким странным способом люди помнили кто они, точно так же как и мы, так что я могла говорить с ними, не искажая их картину Мира. Хотя моё звание Госпожи Ведьмы вызывало в них суеверный страх, с которым они старались бороться из благодарности и опаски, но побороть не могли. Я перестала смущать их своим вниманием и снова углубилась в исследования Долины Тумана, а по возвращении Илорена эта напасть покрыла внушительное пространство, подступив совсем близко к замку. Я больше не пыталась обсуждать свои опасения даже с правителем.

После того, как опасность для Паолы и Джованни миновала и они пришли в себя, я решила сходить в разрушенную башню, чтобы попробовать с помощью рубашки Илорена, пропитанной его кровью, закрыть трещину, из которой вытекал туман, так как саван пропал во время перехода беглецов на тропу. Когда же я пришла в пыльный зал, то обнаружила саван на прежнем месте. Несмотря на это, я всё же подменила его, чтобы никто больше не решил попутешествовать и тем самым не увеличил пробоину. Саван же я перенесла в один из тайников, где хранились некоторые вещи, нужные для гадания и знахарства. Я опасалась, что поток тумана может усилиться вдвое, и поспешила выйти за пределы мглы. К моему невероятному облегчению, Долина не увеличилась, да и позже молочно-белое полотно не

разрасталось.

Наступили дни торжеств и во всём королевстве объявили трёхдневный праздник, во время которого будет роздано множество подарков и бесплатного угощения, а так же зажгутся небесные огни, которых у нас тогда ещё никто не видел. Это были первые масштабные гуляния, все готовили наряды и предвкушали нечто невообразимое. В общем, большинство ожиданий оправдалось и эти три дня запомнились самыми добрыми и светлыми моментами. Только для меня ощущение счастья от вида моего Мира, такого шумного и довольного, славящего своего короля и свою беспечную жизнь, было немного испорчено новостью о помолвке Илорена и Паолы. Меня никто не отвлекал от моих занятий, так как считали что мне не интересно участвовать в течении общей жизни. Да и на самом празднике никто не пытался пригласить меня на танец, никто не пытался со мной пошутить, все вежливо кланялись и, старательно сдерживая при мне свою весёлость, отходили прочь. Поэтому я на всё смотрела со стороны и ни в чём не участвовала, раз всем казалось, что так вернее. Я была много младше большинства этих людей, но в их глазах я всегда была каким-то идолом, с которым просто нельзя чувствовать себя свободно. Но вот, на второй день торжеств, увидав меня одну в полумраке, где я сидела в раззолоченном кресле и смотрела на танцующие пары, Илорен подошёл и пригласил меня на танец. Все восприняли это как должное, теперь это стало уже традицией, а тогда было жалостью. Мне хоть и нравилось танцевать и, пусть немного, но всё же праздновать, как остальные, но уже в те минуты хотелось, чтоб Илорен никогда не возвращался, раз ему так чужд этот Мир, который для меня стал спасением, как и для многих других.

Тогда же кто-то придумал забавную шутку, также ставшую позже одной из традиций. Этот человек в официальной форме поздравил короля и будущую королеву, но так как народ не знает прекрасную незнакомку, то не захочет ли она представиться своим будущим подданным необычным способом, а именно пройти три испытания чтобы доказать что она достойна такого короля, но главное такого народа. Шутка эта, разумеется, была отчасти досадой вельмож на то, что безродная незнакомка станет их правительницей, тогда как в королевстве было немало знатных красавиц. Именно поэтому это предложение получило горячую поддержку знати и яростные протесты Илорена. Спор решила Паола, которая сказала, что с удовольствием и благодарностью принимает эту инициативу, так как она придаст всеобщему празднику больше зрелищности, а ей может доставить любовь народа.

Паола с достоинством прошла все три выпавшие ей испытания, после чего было объявлено, что свадьба и последующая коронация пройдут через неделю, и торжества так же будут длиться три дня.

Вот так и начинается история появления королей в Мире Теней. Паола и Илорен были счастливы, а Джованни, преобразившийся в премьер-министра — правую руку короля, создал для молодых проект дворца и приступил к его строительству, пока они отправились в путешествие по своим владениям. Всё было как в сказках, которые мне рассказывали дети, живущие в отдельном городке под присмотром вед. Но проходили годы, и постепенно становилось ясно, что брат и сестра не такие же, как мы и подвержены всем человеческим слабостям, таким как болезни, травмы и самое главное возрасту, только здесь всё происходило намного быстрее. Я попыталась что-нибудь придумать, но природа брала своё. Джованни и Паола очень быстро состарились, за несколько лет превратившись в девяностолетних стариков. Сначала скончался премьер, а немногим позже ушла и его красавица сестра. Илорен, не помня себя от горя, снова попытался сбежать, но его рубашка

не сработала, а про спрятанный саван я никому не сказала в тот раз. И вот тогда впервые началось саморазрушение, которое повторяется всякий раз при смене королев. Поначалу мы не понимали что с воздухом: всюду было невероятно душно, и какая-то пыль оседала на коже и попадала в лёгкие. Можно было находиться только в домах. Я обратилась к Книге. В ней уже была внесена запись, повествующую о том, что со смертью королевы Паолы и премьер министра Джованни, Мир потерял часть своего волшебства. Теперь он будет медленно осыпаться до тех пор, пока не появится новая смертная королева, но и она будет править лишь отведенный здесь живым срок и после неё королевство снова станет разрушаться до следующей королевы. Так будет продолжаться до исполнения пророчества, которое осуществится, когда сойдутся три приметы: Мир вернёт все свои краски намного раньше, чем суженая Илорена встретится с ним, Госпожа Ведьма изменится, а люди снова станут подвержены таким земным слабостям, как опьянение, болезни и смерть.

Когда деревья стали осыпаться всё теми же хлопьями серого пуха, появление которых неизменно вызывало у меня такой ужас, это толкнуло меня на отчаянный шаг: я решила отправиться на поиски новой Королевы сама. Илорен сказал, что лучше пусть всё здесь исчезнет, чем он станет жить за счёт чужих жизней. Никакие уговоры и ссылки на множество людей, окружающих нас и нуждающихся в этом Мире, не поколебали его решимости.

Я отправилась в мир людей и попала в живой лабиринт. На улице была ночь. Только луна и звёзды немного освещали землю. Вокруг было тепло и очень тихо, даже лёгкий ветерок не пробежал здесь. Моя растерянность длилась несколько минут, я крутилась, стоя на месте, вглядываясь в непроницаемые стены, обступившие меня, в которых не было видно прохода. Но тут послышался тихий голос девушки, что-то пробормотавшей, по-видимому, спрашивавшей кто здесь. Не получив ответа, она пошла туда, откуда доносилось шепуршение и вскоре столкнулась со мной нос к носу. Я уже была наготове и, как только увидела её, тут же накинула саван. Очутившись в тумане, мне пришлось уговаривать капризную претендентку идти за мной. Оказалось, что это герцогиня и её возлюбленным был принц, с которым они уже давно обручены, так что вскоре девушка стала бы королевой, а в лабиринте было назначено свидание. Подобная неудача обескураживала, но отступать было некуда, да и о родном королевстве я беспокоилась невообразимо. Разрушения шли довольно быстро, а точная разница во времени между мирами была мне неизвестна. Герцогиня сопротивлялась, так что мне пришлось её тащить. Мы не блуждали в тумане и довольно скоро вошли в Мир через маленькую дверь, но всё же Жозефина, как звали мою жертву, была выжата и норовила впасть в беспмятство. Из первого дворца уже давно все уехали, и он стоял заколоченный, немного на отшибе, так что я отвела туда будущую королеву и, дав ей того же укрепляющего средства, что и Паоле с Джованни, уложила спать. С момента моего исчезновения прошло только пол года, а значит, разница во времени сократилась.

Конечно, это было эгоистично и походило, а, по сути, наверное, и являлось каким-то жертвоприношением, но в тот момент я не видела другого выхода, да и сейчас признаться не вижу. Была надежда только на то, что в этот раз найдётся способ продлить жизнь королеве и тем самым отсрочить на как можно больший срок необходимость искать новую.

Тем временем я отправилась к Илорену и рассказала ему о своей вылазке и спящей Жозефине, которая должна стать королевой. Он очень рассердился. Кричал, что не хочет иметь к этому никакого отношения, что ему не нужно никакое королевство и чтоб его оставили в покое. Тогда я прибегла к последнему средству, которым совершенно не хотела

пользоваться — стала нападать, сказала что если бы он не привёл сюда живых, то ничего этого не было бы, что Мир Теней даёт возможность наслаждаться земной жизнью, не испытывая тех трудностей и горестей, которые преследовали там. Для меня же это спасительный остров от той пугающей кары, которую я неминуемо должна буду понести в загробном мире. Илорен попытался высмеять мои дикие страхи, но, увидев отчаяние, простиупающее через маску решимости, он уступил, скрепя сердце.

Так у нас появилась вторая королева — Жозефина. Она была просто невыносима: капризна, эгоистична, нетерпелива и считала всех, кроме Илорена, прислугой. На ней я со спокойной совестью испытала огромное количество всяческих зелий, но в тот раз найти то, которое смогло бы продлить жизнь, не получилось. Всё, чего я смогла добиться, это остановить внешнее старение, так что возраст не отразился на её теле.

В следующий раз на поиски отправился Илорен, но девушка, которую он забрал не выдержала путешествия. Сердце претендентки перестало биться на тропе. Так появилась первая веда — Кармилла. Она была цыганкой и рассказала много нового о своих ритуалах. Вместе мы стали придумывать способ сохранить наш Мир без королев, но запись в книге приобрела красный цвет, и к ней прибавилось слово «только», так что пришлось смириться. Я рассказала цыганке, что век королев недолог и все мои попытки продлить их жизни не приводят к успеху. Тогда Кармилла предложила сходить за девушкой и попробовать провести ритуал, который должен помочь. Моё предложение идти вместе цыганка отклонила, но поклялась что вернётся. Мы поверили, и Кармилла растворилась в тумане.

Прошло три года, изменения медленно и неуклонно превращали наше королевство в труху, все спасались в домах. При таких обстоятельствах люди не могли ничего делать, любая работа вне стен могла превратиться в горсть пыли. Помня про разницу во времени, мы с Илореном старались не обсуждать возможную потерю савана, а значит и знакомого способа путешествия. И вот, через несколько лет, когда я собиралась ложиться спать, в дверь постучал Ульрих и заявил, что Кармилла вернулась и ожидает в гостиной. Когда я увидела её, то не узнала из-за возраста, оставившего глубокий отпечаток на лице и во всей фигуре веды. Моему счастью не было предела, порой мне всерьёз казалось, что цыганка нас обманула и не зря, вот что она поведала мне, когда оправилась:

— Когда вы отпустили меня, моей единственной мыслью было вернуться к своим и продолжить жить, как ни в чём не бывало. Я попала в подвал и в оконце увидела незнакомое людное место, очень шумное. Когда я вышла на улицу, то заметила, что меня сторонятся и, чтобы не отправиться в тюрьму за бродяжничество, завернула в первый попавшийся закоулок. Задворками я выбралась из города. Там стоял цыганский табор, меня приняли как нельзя лучше, и я осталась с ними. Но на третий день все всполошились, и стали расспрашивать: уж не навёл ли кто на меня порчу, и не сделала ли я где кому худого, что со мной происходит подобное. Я бросилась к зеркалу и увидела, что оттуда смотрит на меня пожилая женщина, морщинистая и с проблесками седины в поредевших волосах. Первая моя мысль была о вас, и том, что магия ваша и там может достать меня, а значит, это могут быть только цветочки. Не мешкая, вернулась я в город и стала присматриваться к проходящим мимо девушкам, предлагая погадать, в надежде, что смогу схватить кого-нибудь и отвести в безлюдное место, но все старались держаться от меня подальше. И тут ко мне подошла светловолосая красавица с голубыми глазами и робко попросила рассказать, что её ждёт, а за ней подтянулась ещё одна девушка и попыталась увести подругу, но блондинка настаивала и даже, рассердившись, прикрикнула на спутницу. Я повела их обеих во дворы, где никого не

было, и там набросила саван. Мы оказались в тумане и блондинка тут же начала ужасно кашлять, отхаркивая кровь. Оказалось, что у неё последняя стадия чахотки и кротко глядя на нас, она прошептала «прощайте» и сердце её остановилось, но дыхание несчастной прервалось лишь на мгновение. Эта девушка меня заинтересовала, я бы хотела взять её на обучение.

Я согласилась и так познакомилась с Урсулой, самой непоседливой ведой из всех. Так выяснилось, что для нас время в человеческом мире летит очень быстро, а некоторые не могут пережить путешествия между мирами. Однако в Королевстве Теней мы снова молодели, а те девушки, чьё сердце перестало биться уже на тропе, обучались ремеслу вед. Они присматривают за детским городом, устраивают различные праздники и обряды, а так же колдуют. Ещё это место самого полного собрания всех сплетен, мифов и легенд Королевства и одним из мифов является теория о том, что если королева не сможет пройти хоть одно испытание, то сердце её тут же остановится и она станет ведой. Думаю, Урсула предложила тебе его проверить, она очень хочет найти себе помощницу, но у неё никто не умирал в пути и эта веда до сих пор единственная без наперсницы.

Подругу Урсулы звали Вероной, и она оказалась её старшей сестрой, присматривавшей за больной девушкой. Здесь, через несколько лет, уже Урсула присматривала за умирающей и это единственный момент, когда я видела её опустошенной.

За это время мы решили попробовать новый способ переселения девушек, и частично он сработал. Теперь срок жизни королевы равнялся годам её смертного существования, а внешне старость не проявлялась, хотя весь остальной организм по-прежнему испытывал всю гамму человеческих неудобств, связанных с возрастными изменениями.

В последние пару раз, во время поиска королевы ведами, разрушался не только наш Мир, но начинали стареть и его жители, чего раньше никогда не случалось, позже все приходило в норму, но такие метаморфозы сильно пугали людей и вызывали недовольство. Результат одного из таких превращений оказался необратим и он перед тобой, именно это, на мой взгляд, и является одной из причин мятежа. Смерть последней королевы была столь скоростной, что повергла нас всех на некоторое время в смятение и Урсула была отправлена с опозданием, да и сама задержалась, так что это межсезонье, как я привыкла именовать тот промежуток времени, когда Мир теряет свои краски, оказалось особенно затяжным и разрушительным.

Теперь же, как я уже говорила, всё становится иным, Книга говорит загадками и сложно даже предположить каким наш Мир будет завтра. Ветер, а в нашем случае, скорее сквозняк перемен задувал в Мир Теней очень редко и привносил лишь небольшие преобразования. В таких случаях людям обычно хочется всё снести до основания и построить на обломках архаики что-то совершенно новое и не похожее на прежнее. Правда, чаще всего, чем больше сломано, тем ценнее будет то, что уцелело и тем острее ностальгия и щемящая тоска по утерянному.

Ну вот, как-то так я решила посвятить тебя в дебри нашей довольно спокойной и не богатой перипетиями истории и, кажется, немного увлеклась. Сейчас, когда в государстве неспокойно, королева должна быть ближе к истокам этого Мира, чем её предшественницы и понимать, насколько он важен даже для тех, кто не сознаёт этого. Ты замечательный слушатель, Елизавета, порой мне казалось, что я здесь одна и просто разговариваю вслух сама с собой.

Казалось, что за время рассказа ей прибавился ещё десяток лет, но это была только игра

света. Солнце уже садилось. Всё тело девушки затекло от долгого неподвижного сидения, но почувствовала она это только сейчас. Поглощённая рассказом, она ничего не замечала вокруг, кроме лица Терхенетар. Словно гипнозом оно приковывало к себе взгляд, настолько живыми были черты гордого и сильного лица, но в то же время, словно высеченными из камня.

Терхенетар улыбнулась и посмотрела на Лизу, но улыбка эта была напряжённой, брови её сошлись к переносице, а в глазах читались недоумение и вопрос.

— Значит, я ещё жива, какой способ вы нашли для перехода королевы после сестры Урсулы?

— Ну, это маленькие тайны нашей с ведами работы. Урсула же обо всём поговорила с тобой? В любом случае, способа вернуться нет. — Ведьма сделала акцент на последнее слово, и прежняя жёсткость отразилась в её голосе.

Елизавета моментально насторожилась, понимая, что слишком откровенно задала волновавший вопрос и желание сбежать обратно к живым, отразилось на её лице.

— А испытания, какие они, что мне придётся делать? — Попыталась она перевести разговор в более безопасную плоскость. Но тщетно, бывшая мягкость оставила черты Терхенетар и, поднимаясь, она небрежно произнесла:

— А это уже тайна Илорена, он сам придумывает задания для девушек и знают о ней только те немногие, кого король выбирает для помощи в обустройстве мест, где, как говорят в народе, «принцесса будет сражаться за принца, чтобы вырвать его из лап драконихи» последняя это, разумеется, я — Госпожа Ведьма. — На этих словах Терхенетар улыбнулась озорной улыбкой, которая всё же не смогла скрыть некоторой досады, промелькнувшей в её взгляде — Не знаю только, отчего все неприятности так крепко стремятся связать со мной, не так уж я и ужасна. Кстати, королева может выбрать двух помощников. Это делается не столько от сложности заданий, сколько ради ориентирования на местности и избавления Вашего Высочества от недостойных хлопот связанных с приготовлениями. — Добавила ведьма и насмешливо — покорно кивнула.

Последние лучи солнца озарили рисунок витража и заглянули в окна башни. Лиза и Терхенетар, не сговариваясь, посмотрели вверх, на изображение над своими головами. Ненадолго воцарилось молчание, в котором они встретили сумерки, спустившиеся в Долину. Когда свет померк, хозяйка замка поднялась, стряхнув оцепенение. Следом за ней встала и Елизавета.

В комнату вошёл слуга с канделябром, но ведьма решительно двинулась ему навстречу и приказала проводить гостью в апартаменты. Сухо и небрежно поцеловав Лизу в щёку и, пожелав спокойных снов, она ушла по освещённому факелами коридору в сторону противоположную той, куда направилась девушка.

Когда Елизавета пришла в комнату, там ждала горничная. Она была также красива как Ульрих, Лиза даже спросила не родственники ли они, но Лорана, так представилась служанка, сказала, что у неё совсем нет родни и она никого из них никогда не видела. «Наверное, у этих теней у всех есть определённое сходство и полное отсутствие даже призрачных корней» подумала Лиза. Лорана была очень немногословна, а будущую королеву занимала больше своя судьба, так что приготовления ко сну прошли в тишине. Лишь уходя, горничная замялась и, слегка покраснев, спросила:

— Ваше Высочество, я бы хотела прислуживать вам и после коронации, когда вы будете жить во дворце. Уговорите Госпожу Ведьму отпустить меня. Вас это ни к чему не обяжет, а

мне там будет намного лучше.

Лорана выжидающе смотрела на Елизавету, которая растерянно пообещала просить об этом Терхенетар. Поблагодарив, горничная поклонилась и оставила девушку в одиночестве.

Все мысли Лизы крутились вокруг рассказа ведьмы и осознания того, что она жива и даже может вернуться в обычный мир, где всё знакомо, против тебя не бунтуют и не хотят сжечь. Она вышла на балкон, с которого открывался вид лишь на бескрайнее море тумана, разостлавшееся во все стороны. Где-то там, в Долине, скрытая от посторонних глаз, высится башня, из которой можно уйти домой. Там Терхенетар прячет саван Илорена, дающий возможность путешествовать между мирами. Полная, тяжёлая луна жёлтым блином нависла над Миром и, заглядывая в окна безмолвного замка, отправляла свои отравленные меланхолией сны ничего не подозревающим людям. Звёзды мерцали над головой далёким мистическим светом, но ничто из всего этого великолепия не могло проникнуть сквозь белёсую толщу и указать направление, в котором стоит преобразившийся бубен.

Елизавета долго стояла, тщетно всматриваясь в бесконечное пространство, порой ошибочно принимая вершину какого-нибудь дерева за крышу башни. Но усталость взяла своё, и постепенно круг мыслей превратился в восьмерку, затем пошёл зигзагами, толчкообразно и все размышления пришлось отложить на следующий день. Лиза растянулась на кровати, предвкушая сладкий сон в королевских условиях. Она закрыла глаза, и лёгкая улыбка играла на молодом лице до тех пор, пока лунная дорожка не переместилась к ней на постель, а затем и прямо на её силуэт под лёгким покрывалом. Занавески шевелились и тихо шуршали по плитам пола в проёме распахнутых балконных дверей, а схваченная лунным светом Лиза начала метаться в постели, жалобно бормоча что-то невразумительное.

Глава 6. Мечты не сбываются

Она стояла на той самой тропе немертвых, по которой пришла в Мир Теней, и видела колдунью, вышедшую из густого тумана прямо ей навстречу. Лиза едва узнала её в молодой восемнадцатилетней красавице. Волны густых волос разлились по белоснежному савану чернильными разводами. Глаза застыли на бледном лице, искажённом гримасой презрения и казалось, что она ничего не видит вокруг себя. Эта девушка выглядела совсем как ребёнок и сквозь взрослые чувства проступала детская обида на всех. Из этих больших, совсем юных глаз, в оправе длинных пышных ресниц, забрали веру в людей, добро, честь, справедливость. И на эту холодную и пустую тропу смотрели холодные и пустые глаза той, что шла за своим приговором, глубоко спрятав страх и слёзы позднего раскаяния. Несколько раз Елизавета попыталась окликнуть ведьму, но изо рта не вырвалось ни звука, Терхенетар прошла мимо неё, не заметив. Лиза хотела схватить ведьму за плечо, но рука лишь пустила рябь по образу девушки, никак её не потревожив. И сновидица решила просто сопровождать свою знакомую, вглядываясь в эти черты, вспоминая оригинал из реальности и размышляя о том, насколько трудно, должно быть, расстаться после стольких столетий с подобным совершенством, каким являлся образ молодой Терхенетар. Вскоре туман рассеялся, и появилась степь с курганами серого пуха. Дойдя до границы между ними, ведьма, резко хлопнув в ладони над головой, заорала словно банши, сгибаясь пополам и вытягивая шею и лицо в сторону пыльной равнины. Лиза схватилась за уши и отбежала назад, но ни то, ни другое не приглушило звук, и вскоре она почувствовала, как по ладоням полилось что-то тёплое, однако это не рассеяло ни её внимания, ни любопытства. Обезображенное в вопле лицо Терхенетар неестественно вытянулось и ведьма стала утрачивать свою молодость вместе с силой голоса, превращаясь из девушки в старуху. А на поле посыпались молнии и там, где ударял заряд, появлялся столб, объятый пламенем, в котором пылала женщина. Вокруг бесновались люди, что-то радостно кричавшие, но вопль их несчастных жертв перекрывал остальные голоса. И только запоздалые раскаты грома, как волны прилива приносили многоголосый рёв толпы: «Сжечь ведьму!». Так продолжалось до тех пор, пока всё видимое пространство не покрылось этими жуткими кружками, тогда Терхенетар захрипела и повалилась на землю в изнеможении. Госпожа Ведьма была покрыта синяками и ссадинами, саван превратился в робу, старую и грязную. Только выражение непоколебимой гордости и презрения к любому произволу и вероломству не покинуло обезображенного побоями лица. Рядом с ней появились двое и, схватив ведьму под руки, потащили в степь, где теперь было только одно место для аутодафе, вокруг которого собралась несметная толпа людей. Смехом и радостными воплями провожали они обессиленную старуху, босиком едва волочившую ноги к месту своей казни. Её конвоиры держались немного позади, давая народу возможность поглазеть, плюнуть и даже ударить осуждённую и приближались только для того, чтоб поднять на ноги, когда она в очередной раз теряла равновесие.

Лиза попыталась броситься на помощь, но её тело парализовало, как бывает всякий раз во сне, если хочется сделать что-то быстро. Так она в бессилии наблюдала за чудовищным зрелищем, разворачивавшимся в её кошмаре. Когда Терхенетар привязали к столбу и, прочитав приговор, подожгли, Елизавета закричала что есть сил, полагая что этот вопль, как

и все предыдущие не произведёт никакого эффекта, но в этот раз её крик заполнил всё пространство вокруг и народная масса, собравшаяся в этой степи, обернулась на него и увидела Лизу. Из толпы тут же отделились несколько человек и с теми же криками «Сжечь!» бросились, чтобы схватить девушку. Медленно, словно сквозь воду, она потащила на ватных ногах в спасительный туман, когда услышала оттуда голос, звавший её по имени. Он раздавался за одной из дверей, вынырнувших из белых клубов. Когда Елизавета добралась до неё и потянула ручку на себя, из проёма ударил ослепительный свет и сильные руки, схватив Лизу за плечи, втянули её в иное измерение, которое она, к сожалению, уже не смогла вспомнить, проснувшись совершенно разбитой от такого утомительного путешествия в царство Морфея. Но вскоре девушка уже снова спала и в этот раз без сновидений.

— Ваше Высочество, проснитесь, Ваше Высочество.

Голос Лораны наконец-то пробился сквозь сон и достиг слуха адресата, с неохотой всплывающего из приятного мрака забытья. Лиза приподнялась на локте, пытаясь изобразить достоинство, сообразно титулу и спросила о времени и причине пробуждения.

— Сейчас семь утра и у вас очень много дел: знакомство с королём, завтрак, знакомство с придворными, потом вам покажут место первого задания и расскажут, в чём оно заключается, встреча с портнихами, а там и банкет в честь вашего прибытия и помолвки.

Елизавета хотела привычно упасть со стоном на подушку, как она делала это дома после того, как выключит будильник и вспомнит, зачем его заводила, но сдержала порыв и спустила ноги с кровати.

Природа пробуждалась также неохотно, хмарью и сыростью встречая новый день. Но ветер, гнавший рваные тучи за Долину Туманов, оставлял надежду на то, что их поток вскоре иссякнет и оставит небеса в безраздельное владение дневному светилу.

Когда с утренним туалетом было покончено, Лорана проводила Елизавету к одной из галерей, ведущих во дворец, где она должна была дожидаться Терхенетар. На свежем воздухе остатки сна моментально слетели с сознания Лизы и в ожидании ведьмы, девушка смотрела на арочные проходы, соединявшие дворец и замок по воздуху. Они различались так же, как и два здания. Сейчас она находилась в готической аркаде, лишённой украшений и продуваемой ветрами, но при этом величественной в своей строгости, особенно на фоне барочного собрата, расположившегося на противоположной стороне.

Лизе не пришлось долго ждать. Терхенетар в сопровождении Ульриха появилась очень скоро и приветствовала девушку пожеланием доброго утра и поцелуем сухих старческих губ. Ночь не освежила ведьму, по осунувшимся чертам, хмурому и замкнутому выражению лица, запавшим глазам с тёмными кругами, казалось, что она вообще не спала сегодня. Госпожа Ведьма не пыталась поддерживать беседу, просто сказала следовать за собой, и пошла вперёд, опираясь на трость.

Глядя в спину колдуньи, Елизавета вспоминала свой ночной кошмар, перемешавший вчерашний рассказ и события дня в одно жуткое сновидение, в котором она также шла за молодой Терхенетар. Первое, что поразило Лизу во дворце — это множество людей, выбегавших из разных комнат как бы невзначай. Это напоминало сцену во дворе днём ранее. При этом все эти люди заметно отличались от тех нескольких слуг, которых она видела в замке, более живые и непосредственные, они все шумели и галдели так, словно находились не во дворце, а на рынке. Ведьма поравнялась с Лизой, и девушка увидела гримасу неприязни на её лице.

— Это, так называемый двор нашего короля Илорена. Такими людьми он любит себя

окружать и получает удовольствие от их постоянного гвалта.

— Это придворные?

— О, нет-нет, в основном приживальщики и прислуга — самая бесполезная и несносная. Этих бездельников Илорен постоянно привозит с каких-нибудь окраин, обучить их хоть чему-нибудь невозможно. Единственное, что они умеют делать проворно, так это изображать деятельность, после которой многие предметы исчезают со своих мест, так что не советую тебе соглашаться на помощь этих негодников.

— Можно тогда мне забрать Лорану? — Спросила Лиза, радуясь возможности исполнить просьбу.

— Ну, эта девушка мне очень нравится, не помню за ней ни одной дурной черты, хотя знаю с рождения. Это удивительное дитя, плод союза человека и тени. Она взяла лучшее от обеих форм жизни, если можно так выразиться. Мне будет трудно расстаться с ней, но обещаю подумать. А вот и апартаменты Илорена, входи.

Это случилось как-то вдруг, Елизавета повернула вместе с Терхенетар за угол и оказалась в нише. Там, у больших белоснежных дверей, богато украшенных позолоченной резьбой, стояли двое слуг. И, прежде чем она успела осознать последние слова, створки уже распахнулись, и на неё хлынул поток света, совершенно ослепивший и лишивший возможности двигаться, без страха налететь на что-нибудь или кого-нибудь. Из этого сияния произнесли:

— Доброе утро, вы пришли как раз с первым лучом солнца, пробившимся из-за облаков.

Мелодичный голос, в котором звучала улыбка, голос молодого мужчины в хорошем настроении. Глаза Лизы понемногу привыкли к яркому свету, заливавшему комнату. В стене, противоположной входу, было огромное панорамное окно с видом на парк, а интерьер выполнен в светлых тонах, с неизменными вкраплениями золотых орнаментов и фигур, выступавших на стенах. Меблировка состояла из нескольких кресел и большого необычного стола: его ножки изображали кряжистые деревья (стволы и ветви их были из меди, а листва из яшмы) на двадцать сантиметров возвышавшиеся по углам столешницы из мозаики, рисунок которой нельзя было рассмотреть от двери. Владелец голоса пошёл навстречу Терхенетар, поклонился и поцеловал морщинистую руку. Елизавета тем временем тоже приблизилась и с удивлением увидела, что перед ними Морт.

— София! — столько силы, счастья и любви было в этом оклике, что захотелось стать той, кому он был предназначен. И не без тени зависти Лиза обернулась, чтобы увидеть счастливицу, но столкнулась лишь с взглядом синих глаз, устремлённых на неё.

Хриплый, неприятный, как звук разбившегося стекла, смех Терхенетар расколол воздух, и она сказала:

— Ты обознался, Илорен, это наша новая претендентка, Елизавета, мы уже видели её после прибытия в старом дворце.

— Да, но тогда я даже не взглянул на её лицо. Но всё же я обознался, простите Елизавета, это всё солнце слепит глаза.

Прозвучало это так, словно он убедился в том, что видел мираж в палящем зное пустыни и теперь погибнет от жажды. Сложно было представить себе более грустное знакомство, и неловкость всех ненадолго смутила.

— Ну, теперь, когда вы знакомы, мне больше нет смысла быть подле, обо всём остальном тебе расскажет Илорен, моя милая. Лорану я пришлю, пусть остаётся при тебе, если конечно сама того захочет. — Дружелюбная ласковость, то появляясь, то исчезая с её

лица, подобно солнечным лучам, снова вернулась к ведьме и она с чувством обняла Лизу и отправилась к себе.

Морт ушёл распорядиться, чтобы завтрак подали в апартаменты короля. Правитель остался наедине с невестой. Илорен, как только вышла ведьма, не сводил с Елизаветы своего взгляда и ловил каждое её движение. Девушка не могла произнести ни единого слова, чувствуя себя причиной горчайшего разочарования и не смея взглянуть на него. Она разглядывала роспись стен, подошла к столу, чтобы рассмотреть узор и занять свои мысли чем-нибудь, кроме прекрасного юноши, обречённого коротать бессмертие со случайными смертными, которых даже выбирает не он, а веда.

— София, — тихо позвал Илорен и, подойдя к ней вплотную, обнял за плечи и развернул лицом к себе, — я сделал глупость, признав тебя при Терхенетар, но ведь это же ты, всё то же. Твои губы, волосы, глаза с затаившимся штормом из страхов, сомнений и грёз. Скажи, что узнала, я так ждал и верил что вновь увижусь с тобой, ведь даже меня невозможно так мучить.

— Я в первый раз вас вижу, — выговорить это было не просто, но видеть муку в его взгляде и невысказанное «за что?», словно Лиза была экзекутором, который с изощрённой жестокостью приводит в исполнение приговор, было уже невозможно. Елизавета робко шепнула — простите — и опустила глаза.

Илорен отпустил её и, сев в одно из кресел в другом конце комнаты, стал глядеть в окно. Вскоре подали завтрак, за которым к ним присоединились несколько членов Совета. Все обсуждали намечавшийся суд над бунтовщиками и сходились на том, что людей надо бы отпустить, но при этом найти для них приемлемое наказание, загвоздка состояла в том, что из-за беспрецедентности события придумать равнозначное проступку воздаяние никак не получалось. Елизавета никак не участвовала в общей беседе и рассматривала карту Мира Теней, выложенную на мозаичной столешнице, также и Илорен совершенно не интересовался ничем, лишь пытливо поглядывал на свою невесту, словно пытаясь угадать, о чём она думает.

— Ваше Величество, а какую кару вы предложите тем, кто посягнул на спокойствие будущей королевы? — Спросил один из министров, уже некоторое время наблюдавший за пристальным вниманием своего монарха к будущей супруге и, видимо, найдя эту страсть чем-то оригинальным.

— Я приказал бы повесить половину мерзавцев, чтобы остальным неповадно было нападать на людей, тем более свою будущую королеву.

Фраза эта не имела никакого значения и была сказана в сердцах, необдуманно. Однако каким-то образом она разлетелась по всему королевству с маленькой поправкой: «Илорен готов перевешать пол Мира, лишь бы угодить своей новой королеве».

После завтрака министры ушли на очередное совещание, которое не требовало присутствия правителя, а все остальные отправились в тронный зал, где к этому времени собралось всё значимое дворянство, съехавшееся во Фьелу к празднествам в честь новой королевы и на последующие свадебные торжества. Молва разнесла вести о том, что в этот раз случилось что-то из ряда вон выходящее и даже свадьбу собирались сыграть раньше положенного срока, а испытания отменить вовсе, но теперь, когда всё немного прояснилось, все почувствовали облегчение, так как полюбившиеся традиции не были нарушены. Ожидая появления Елизаветы, все уже обсуждали её необычное воздействие на Мир, а также то, как приняла её неприступная Терхенетар и пристальное внимание Илорена, давно не

проявлявшего по отношению к суженым ничего, кроме холодной вежливости, и приписывали ей самые невероятные магические способности. Также всем щекотала нервы история с нападением, старость Госпожи Ведьмы и преобразование Мира.

— Я вам, Ваше Сиятельство, точно говорю, что эта ведьма подсидит Терхенетар. Эта непутёвая веда притащила нам кого-то посильнее наших. И может это нападение их рук дело. — Сказал граф Каспол.

— Может это и так, да только Илорен, говорят, оживился и больше не смотрит на всё отчужденно, а наоборот — весьма пристально и только на один объект. — Ответил герцог Орего. — Так что вряд ли у недоброжелателей, кем бы они ни были, будет много шансов этому объекту навредить.

— Простите, что врываюсь в ваш диалог, но от верного лица во дворце слышала, что король назвал девушку другим именем, а потом сделал вид что обознался. Может Урсула как раз самая путёвая из вед и привела, наконец, кого надо. Может новая королева прекратит эту чехарду с межсезоньем и заживём как в старейшие времена. — Внесла свою лепту в коллективную сплетню маркиза де Руало.

— Ну, её способности мы скоро сможем увидеть, скоро нам расскажут, какими будут испытания. К свадьбе, думаю, об этой Елизавете мы уже будем знать достаточно. — Подытожил граф, глядя в сторону тронного возвышения.

А жертва этих сплетен шла по правую руку Илорена, глядя прямо перед собой. Она ощущала поддержку короля, но это скорее тяготило её, чем успокаивало, ведь виной такого внимания было всего лишь сходство с возлюбленной, которую он так и не смог забыть и к ней настоящей не имело отношения. Процессия дошла до входа в анфиладу изысканно декорированных комнат, каждая из коих была посвящена отдельной местности Мира, где толпились придворные, расположившиеся по рангу от мелкого дворянства в начале пути правителей к высшей знати, находившейся в тронном зале. Когда Илорен займёт своё место на троне, а герольд произнесёт стандартную речь и назовёт задания, которые должна пройти девушка прежде чем сможет претендовать на право стать королевой, она выберет себе двух помощников и церемония представления двору таким образом свершится. Перед тем как первые двери распахнулись перед ними, Урсула шепнула на ухо Лизе:

— Не робей и выбери нас с Мортон, когда спросят кого ты хочешь в помощники. — Её слова потонули в громогласном провозглашении герольдом появления короля и его невесты. Движение это заметила только Лорана, пришедшая следом за Лизой по разрешению Терхенетар и пристроившаяся в хвост процессии на правах будущей камеристки.

Илорен нежно пожал руку спутницы и повел её вперед. Герольд, шедший перед ними, оповещал на пороге каждой залы:

— Его Величество Король Илорен, Создатель и Повелитель Мира Теней и его невеста Елизавета.

Придворные склонялись в реверансах и поклонах, но, как только король и будущая королева проходили мимо их ряда, поднимали головы и тысячи глаз, ожидавших появления скандальной претендентки с нетерпением, почти неприличным, впивались в проходившую мимо девушку. Многие напирали на первые ряды, создавая давку, пытаясь разглядеть хотя бы её спину. Но Елизавета ничего не замечала, она просто ступала, крепко сжимая руку короля и не глядя по сторонам. Так они дошли до тронного зала, превосходившего все предыдущие по размерам и красоте. Живописные плафоны, лепные орнаменты, высокие окна по обеим сторонам и небольшие круглые в потолке, всё создавало эффект воздушности, словно зала

размещалась внутри облака. Подобное ощущение создавал и солнечный свет, щедро лившийся через многочисленные оконные проёмы, но при этом не ослеплявший, так удачно было спроектировано помещение. Последние шаги и за спиной шорох одежд, распрямляющихся вместе с владельцами. Одиннадцать ступеней на тронное возвышение, за которым, на стене, роспись с изображением из легенды о сотворении этого Мира, ставшей гербом Королевства, и Илорен неохотно выпускает её ладонь, шепча:

— По традиции ты должна остаться здесь, лицом к придворным. Сейчас герольд произнесёт торжественную речь и расскажет о заданиях. Это не долго.

Он улыбнулся, взял снова её руку и поцеловал, затем пошёл к своему месту.

В этот момент по залу прошелестел шум голосов, и взоры всех устремились к боковой двери, ведущей из внутренних покоев сразу к тронам. Оттуда вышла Терхенетар в сопровождении Ульриха. Не привыкшие к виду старости, придворные поглядывали на неё намного чаще обычного. Ведьма, ни с кем не здороваясь и не отвечая на поклоны, подошла к Елизавете и поцеловала, тихо сказав:

— В старости есть и положительные моменты, например, обилие внимания. — Она улыбнулась и отошла к своему креслу, стоявшему по правую руку от Илорена.

Эта сцена тоже вызвала неподдельный интерес. О ненависти ведьмы к королевам было сложено немало шуточных песен и леденящих душу историй.

Герольд развернул свиток и оглядел зал, убеждаясь, что все готовы ему внимать. Ничто не предвещало, все замерли и устремили заинтригованные взгляды на тронное возвышение, с которого приятным баритоном полился древний церемониальный текст, слышанный всеми присутствующими уже неоднократно, но переписывать который никому не приходило в голову.

«Сегодня мы собрались в этой тронной зале, чтобы приветствовать юную девушку, избранную в суженые нашего правителя, Короля Илорена. Она уже прошла через многие испытания, чтобы стать одной из нас и влиться в счастливое сообщество, лишённое всех тех ужасов, о которых хранят предания мудрые веды. Все мы знаем, что наш идеальный мир лишён таких, до сих пор ещё не изведанных нами, несчастий, как голод, когда нет пищи; болезней, когда что-то в теле постоянно напоминает о себе неприятными ощущениями; войн, когда многие дерутся против многих ради выгоды малых числом; катаклизмов, когда природа восстаёт против людей; даже старости — неизбежного недуга, который касается абсолютно всех и убивает каждого. "По залам пролетел лёгкий сквознячок недоумения, Лиза взглянул на Терхенетар, та улыбалась. Герольд запнулся, но лишь на секунду и продолжил: " Мы, племя бессмертных, великий и неуязвимый народ Мира Теней, не можем отдать право владеть нами простой незнакомке. Елизавета, смертная дочь мира людей, мира скорби и юдоли обречённых, сегодня просит у нас права на трон. Согласны ли вы, благородные жители королевства, допустить эту девушку до испытаний, позволить ей подтвердить это право?» Все устремили оценивающий взгляд на Елизавету. Сказать, что она была возмущена, это покривить против истины, Лиза пылала от гнева. Подобной высокопарной ереси вытерпеть было трудно, но ещё труднее было поверить в то, что эти неупокоившиеся выставляли её попрошайкой у своих ворот, а не спасительницей рассыпающейся сказки, которую так восхваляли. Она понимала, что это просто глупый и устаревший церемониал, лишённый логики и снова обернулась, чтоб взглянуть на ведьму, та уже откровенно посмеивалась, глядя прямо на Лизу. Тем временем, из толпы раздался голос молодой женщины, крикнувшей что-то одобрителное, и весь зал подхватил её порыв, в свою очередь,

выражая такую же позицию. Когда гул голосов стих, Герольд обратился к Елизавете:

— Елизавета, дочь смертного мира, готова ли ты выслушать, что ждёт тебя в испытаниях, которые опреде...

— Нет! — она даже не сказала, а как-то неистово рывкнула это слово. В тот же миг массивная люстра, висевшая в центре зала, сорвалась и, пролетев со свистом вниз, рассыпалась пылью прямо над головами испуганных аристократов. Лиза стремительно вышла в ту дверь, из которой на церемонию пришла Терхенетар. Последняя, продолжая посмеиваться, отправилась за ней следом под руку с хмурым Илореном.

Елизавета побежала по коридорам дворца в поисках лестницы, ведущей на выход. Она в сердцах решила во что бы то ни стало добраться до башни ведьмы и сбежать отсюда. Но очень скоро путь ей преградили двое слуг и вежливо попросили отправиться с ними. Девушка послушно пошла следом, понимая, что отсюда так просто незаметно не выбраться, тем более днём, да ещё наделав такую шумиху. К тому же искать эту башню в Долине Туманов, даже не предполагая, где она, попросту утопично.

В зал, где собрались министры, пропустившие представление, Илорен, Терхенетар и ещё несколько влиятельных особ, Елизавета вошла со словами:

— Я не буду больше ни слушать этого самодовольного бреда, ни участвовать в испытаниях. Я отказываюсь от великой чести стать одной из вас и даже вашей королевой. — Ей хотелось добавить «может быть вернусь, когда умру», но она вовремя остановила этот неблагородный порыв.

Возмущению аристократов не было предела, они говорили о невероятности подобного поведения. Даже Жозефина исполнила свои обязанности, а она была герцогиней. А здесь подобное неуважение. Посыпались предложения послать за новой претенденткой, но этот поток прервала Терхенетар, заявив о том, что менять что-либо слишком опасно, так как народ и без того устраивает нападения посреди города, а если устроить ещё одно межсезонье, то что станет с Миром?

— Но что с ним станет из-за неё? В этот раз рассыпалась люстра во дворце. Раньше это было невозможно, может, нас подводят веды или магия? — этот прямой выпад заставил всех на минуту замолчать.

— Я понимаю, — медленно проговорила Терхенетар — ваше недовольство и опасения, но позвольте Совету решать подобные вопросы или может у вас есть разумное решение?

— Да, новая Госпожа Ведьма, нынешняя единственная не смогла восстановиться с межсезонья, может это в тебе, Терхенетар, больше нет магии, и ты стала для всех нас обузой? О чём ты говорила с девчонкой? Может, ты умираешь, и решила нас всех с собой прихватить? — говоря это, вельможа приблизился и навис над ведьмой.

— Довольно! — крикнул Илорен и подошёл к ним. — Как вы смеете разговаривать в подобном тоне с той, которая создавала этот мир на моих глазах? — ярость, овладевшая им, заметно охладила пыл большинства аристократов, но всё же они остались при своём мнении и ушли из зала советов, затаив серьёзную обиду.

Министры, не участвовавшие в споре, но внимательно его наблюдавшие, предложили всем занять места. Премьер начал заседание совета следующими словами:

— Они не будут сидеть, сложа руки, и станут распускать слухи, а это ещё больше встревожит народ. Вообще барон весьма активен, может быть нападение на будущую королеву это его рук дело? Но об этом мы поговорим несколько позже, а теперь о вас, Ваше строптивное Высочество, к чему такие эскапады, что возмутило вашу душу?

Сложно представить себе более безразличное лицо, чем лик премьер министра Вёльфа. Маленькие, глубоко посаженные глаза, серыми льдинками пронзающие объект его внимания, тонкие ноздри и ниточки губ, высокомерно сложившиеся раз и навсегда в сухую усмешку. Сейчас он буравил Лизу насмешливым взглядом и ждал глупого ответа капризной девчонки. Да и сама она чувствовала себя такой в окружении этих важных и мудрых людей, но при воспоминании о том, как её вырвали из собственного дома без согласия и принуждали исполнять какие-то средневековые ритуалы, да ещё снисходительно посмеивались, прежний гнев моментально вонзился ей в разум:

— Эскапады!? Вы вырываете людей из привычного мира, лишаете их свободы, родных, дома ради сомнительной радости жить среди вас, да при том с таким видом, будто это вы мне делаете одолжение этим, хотя без меня весь ваш идеальный мир превратится в труху, бессмертные. — Она вложила в последнее слово всё презрение, на которое была способна.

— Хм... Ждал чего-нибудь более вдохновенного, хотя бы несчастной любви, оставшейся на далёкой родине. Веды уже давно не хватают первых попавшихся девушек, Елизавета. Они берут только действительно никому не нужных и глубоко несчастных и умеют их различать, мне очень жаль. — Мышцы лица Вёльфа дернулись в немошной попытке сложиться в гримасу сочувствия, но не справились и приняли снова свой отчуждённо-презрительный вид.

На некоторое время воцарилась тягостная атмосфера и вся эта тяжесть обрушилась на Лизу, словно морской вал, пригвоздив к месту взглядами присутствующих. «Одиночество это же хорошо, я люблю его, я не несчастна, это просто ложь. Теперь у меня совсем не осталось союзников и даже Илорен, наверное, возненавидит меня...» Голос Терхенетар тёплый и спокойный зазвучал для Елизаветы музыкой:

— Не стоит корить девушку, а уж тем более обижать. Она права, с тех пор как мы нуждаемся в королевах, а не они в нас, мы могли бы и забыть об этих дурацких испытаниях. И переписали бы речь. — Последнюю фразу она проговорила уже ворчливо.

— Но как объяснить всё народу? Гостей с трудом удаётся сдерживать в душных залах, развлекая и успокаивая, иначе они бы уже давно разбежались, сея сплетни по всему Миру.

— Сказать, что претендентка просто смутилась окружающего величия, но теперь она готова к выполнению всех необходимых церемоний. — Предложил министр культуры.

— Да, только Елизавете лучше не идти туда больше, пусть герольд прочтёт задания, я подтверждаю верность его слов, а потом введу её в курс дела. — Предложил Илорен.

— Не вызовет ли это недовольство? — спросил министр внутренних дел.

— Не думаю, Терхенетар права — некоторые традиции пора менять.

— Но то ли сейчас время, чтобы экспериментировать, Ваше Величество?

— Сейчас самое время этим заняться, Вёльф. Люди хотят перемен, наш Мир пришёл в движение, так почему бы и нам не влиться в этот поток?

— Потому, что он мутный, Ваше Величество, при всём уважении.

— Мы всё равно в него попадём, так или иначе.

— Мы уже в нём. — Подытожила Терхенетар. — Мы хоть и не толпа, но всё, что составляет её жизнь составляет и нашу намного больше, чем жизнь аристократов, разбросанных по закоулкам королевства. Книга уже запечатлела страницу нынешнего дня и переменить что-либо невозможно, ступай Илорен и исполняй, что должно, мы будем ждать у тебя. Совет окончен. Подай мне руку, дитя, пойдём.

Опираясь на Лизу, Терхенетар пошла в апартаменты короля, за ними пошёл и Вёльф.

— Терхенетар, мне нужно поговорить с тобой, наедине — сказал премьер-министр.

— Хорошо, Генрих, мы обязательно поговорим, только давай сделаем это в замке.

Приходи завтра утром, мне бы тоже хотелось с тобой посоветоваться. — Ведьма улыбнулась и, положив руку ему на предплечье, сжала его в доверительном жесте. Вёльф накрыл её руку своей, а затем склонился и поднёс к губам для поцелуя. Не говоря ни слова больше, он удалился в один из коридоров дворца.

— Не дрожи так сильно, Елизавета, ты поступила смело, хоть и опрометчиво.

— Неужели до меня никто не поступал так? Не пытались сбежать, отказаться?

— Нет, с тобой всё наперекосяк, я же тебе говорила это, да и Урсула, думаю, тоже. Не притворяйся большей дурочкой, чем есть и не надо снова напрягаться и злиться, ты не сможешь сбежать без посторонней помощи, а никто здесь не хочет, чтобы всё рухнуло в одночасье. Да и зря ты так драматизируешь, ты очень скоро сможешь привыкнуть к своей роли, как и Илорен.

В кабинете в этот раз никого не было. Терхенетар села к столу и указала Лизе место напротив.

— Как уже упоминалось, ты не была подготовлена к церемониалу и, проснувшись, сразу отправилась к нам, да и встреча оказалась не столь радужной, как у предыдущих королев. Церемонию я торопила, желая вернуть себе молодость, пока меня видели лишь приближенные. Книга почти не давала ответов до вчерашнего нападения.

— Ты сказала, что этот день записан в Книге о нашёптывании. Что будет, ты можешь открыть?

— Нет, там написано как мы сегодня поступим, но не сказано что из этого выйдет.

— Ты знала, что я откажусь.

— Нет... Точнее не была уверена, в книге было сказано, что ты сделаешь выбор, от которого зависят последующие действия всех остальных. Ты его сделала, теперь я знаю, как поступит Илорен, но вот дальше всё сложнее.

— Сложнее в чём?

— В действующих лицах. Книга пишет про поступки, но не называет имён тех, кто их совершает. Но довольно об этом.

В коридоре послышался шум, состоящий из жаркого многоголосого обсуждения и топота ног. Илорен ворвался в комнату и захлопнул дверь перед носом сопровождавших его аристократов, пытавшихся перекричать друг друга, что-то доказывая. Шум моментально прекратился, но лишь на мгновение, затем звенящий голос произнёс из-за дверей:

— Ваше Величество, не стоит делать опрометчивых поступков, мы — ваши верные слуги и просто хотим предостеречь вас.

Илорен стоял, прислонившись к дверям с выражением мрачной сосредоточенности на лице. Услышав обращение, он глубоко вздохнул и немного расслабил мышцы лица, чтобы выглядеть спокойным. Затем повернулся, открыл двери и мягким голосом сказал:

— Поверьте, я бесконечно ценю вашу заботу о благе нашего Мира и преданность лично мне. Сегодня, после обеда, я проведу собрание, на котором будут присутствовать все самые значимые люди королевства и там Совет ответит на все ваши вопросы. Точное время слуги передадут вам позже.

— Служим Вашему Величеству, — с поклоном ответили аристократы и разошлись.

— И эти не довольны, всё равно не довольны — сказал Илорен, когда шум за дверями

окончательно стих.

— Они не будут довольны, мы им надоели. — Ответила Терхенетар.

За окном мелькнула молния, и вместе с громом пришёл ливень, заставший окно и скрывший ещё недавно такое светлое небо за чёрной тучей, в комнате стало сумрачно.

— Так может просто отказаться от своих ролей и стать простыми придворными, ведь тщеславие не туманит твой ум? — сказал со смехом Илорен.

— Нет, не тщеславие, но Башня и моя лаборатория. Я никому не могу их отдать, но и запретить новой Госпоже Ведьме выгнать меня оттуда, тоже не смогу. А твоя королевская ноша боится громко дышать, сидя в кресле у тебя за спиной, — рассмеялась в свою очередь ведьма. — Новый король также должен будет брать в жёны смертную королеву, а у нас она пока одна. И зря ты так боишься, от меня ей не будет вреда, я слишком стара, чтоб ревновать. К тому же она потомок твоей Софии, последний. Так для вас сошлись звёзды.

Илорен повернулся к Елизавете, а Терхенетар удалилась со словами:

— Не буду вам мешать.

— Наверное, ты ненавидишь меня за то, что у тебя отняли право на нормальную жизнь в своём мире?

— Наш мир — юдоль обречённых — попыталась отшутиться Лиза, про себя размышляя о том, какая из её пра-пра-прабабушек оказалась на мысе самоубийц в далёком прошлом. — К тому же меня выбрала Урсула.

Он даже не улыбнулся, только закусил губу и, поморщившись, тихо произнёс:

— Елизавета, я могу помочь тебе сбежать. Для меня невыносимо держать тебя здесь против воли, хотя выносить вечность без твоего лица...

— Не нужно, Вёльф прав — меня ничто не ждёт в том мире, здесь у меня появился шанс стать нужной.

— Необходимой.

«А может это просто уловка, чтобы я не металась больше и не создавала им проблем?» Но одного только взгляда на Илорена было достаточно, чтобы увериться в серьёзности его слов. Он любил её образ, перешедший по наследству сквозь века, в этот раз никакая сила не могла отнять его, ничто не омрачало счастья, вновь приобретённого после множества столетий. Ничто, кроме законов этого Мира, по-прежнему беспощадных к смертным.

— Елизавета, я совсем позабыл сказать об испытаниях. Их не будет.

— Почему? Из-за этого всполошились придворные? Я могу их пройти, если нужно, — выпалив это, Лиза смутилась и подумала, что упустила момент, когда стала готова на всё, ради спокойствия Короля. «Благодарность» — соврала себе девушка, «страх перед придворными и Советом» — убедительно добавила она, «всё равно мне некуда деваться». И конечно во всех трёх был смысл, но всё же истинная причина была глубже и намного приятнее, но про неё Елизавета решила подумать, когда останется одна.

— Нет, не стоит тревожиться на этот счет. Всё уже решено.

В дверь постучали, Илорен не сразу крикнул:

— Войдите!

Вошёл слуга и доложил, что обед подан в малой столовой, как приказали Его Величество.

— Хорошо, благодарю. Пойдём, Елизавета — он подал ей руку и повёл по коридору, рассказывая об обитателях дворца. В основном это были совершенно обычные люди, без роду и племени, которые бродили по всему королевству и гостили там, где их пригребут, но

не долго. Пожив в очередном замке, дворце или усадьбе, они снова отправлялись странствовать, собирая новости, песни и предания. Илорен знал каждого и восхищался ими, их свободой и образом жизни.

За обедом собралась та самая активная группа аристократов, с которой Лиза уже встречалась в зале Совета. После церемониальных раскланиваний и обоюдных излияний в искреннейшем уважении и симпатии, исходивших от Терхенетар, Илорена и Елизаветы с одной стороны и барона с его товарищами с другой, все приняли вид друзей, забывших глупую и мелочную ссору. Извинения даже не требовались между такими простодушными, но лишь несколько вспыльчивыми людьми. Обед прошёл при общем оживлении и шутках, время пролетело незаметно и вельможи, поблагодарив короля, отправились в тронный зал, где было обещано собрание.

Пришла Урсула и сказала, что Морт уже подал экипаж и можно отправляться.

— Куда? Испытаний не будет, вам сказали? — удивился Илорен.

— Да, Ваше Величество, но нас ждут портнихи. — Ответила веда.

— А к ним обязательно ехать, почему они не могут всё сделать здесь, во дворце или в замке?

— Обычно это делают ещё в старом дворце, но в этот раз мы не успели.

— Я еду с вами.

— Но собрание, мой дорогой. — Обратилась к нему Терхенетар. — Не тревожься, с ней отправятся гвардейцы и Кармила. Я вызвала её пораньше, специально для этого.

— Спасибо.

Он поцеловал ведьму в щёку, взяв её за плечи. Со стороны казалось, что это мать и сын, настолько прочной выглядела их связь, и такое тепло было во взглядах, обращённых друг к другу. Затем Илорен так же поцеловал и Лизу, но ещё некоторое время держал руки на её плечах, вглядываясь в черты девушки, так что Урсула пару раз кашлянула и, не вытерпев, произнесла:

— Ваше Величество.

— Да-да, пора. Берегите себя.

Когда они ушли, а Илорен всё также смотрел им вслед, Терхенетар мягко дотронулась до его руки и, посмеиваясь, сказала:

— Они скоро вернутся, а нам предстоит долгий и трудный разговор со своими подданными. Не стоит затягивать с этим сомнительным удовольствием.

— Я потерял веру в то, что смогу найти похожую на неё и вот она передо мной. Но это не София.

— Ну, это естественно, она совсем другая, как и время которое её породило и место, где она росла.

— Я знаю, это всё так. И душой она так же прекрасна, но...

— Софию ты спас, а эту погубил. Это тревожит тебя? Самая смелая мечта принесла не разочарование, но чувство вины и раскаяния. Ты предлагал ей бежать?

— Да, она отказалась.

— Вэльф прав...

— Ах, он всегда прав, из-за этого он всех и раздражает, кроме тебя, ведь ты тоже всегда права, Госпожа Ведьма.

— Ну, далеко не всегда, мой милый. Но даже это не спасает меня от нелюбви твоих подданных.

— Ты стала говорить как добрая старушка, Терхенетар.

— Я стала старушкой, Илорен, и, кажется, подобрела. Елизавету ничто не держало, она отправилась совершенно налегке и здесь эта девушка не случайно, здесь ничто не бывает случайным. Лучше расскажи мне, что ты натворил, когда отправился в тронный зал во второй раз? Как произошла размолвка?

Они шли по одной из галерей дворца, где редко бывали люди. За окнами по-прежнему лил дождь. Илорен остановился и присел на диванчик, жестом предложив Терхенетар сесть рядом.

— Когда мы вошли, все были возбуждены до крайности. Герольд никак не мог добиться тишины и со всех сторон на меня сыпались вопросы, жалобы и что-то напоминающее угрозы, но ещё не оформившиеся даже в головах произносивших их. Стихийность и масштаб недовольства опьяняли собравшихся. Каждый говорил о своём, но чувствовал себя в общем ключе, передо мной была толпа. Я не предпринимал ничего, просто смотрел на то, как они, распаляясь, растравливают друг друга, к тому же моё безразличие явно вызывало в них ощущение моего бессилия, а не спокойствия. В конце концов, толпа расступилась, и вышел барон Рондорф, который стал говорить о том, что потери этого межсезонья не восполнились, люди приходили к нему за хлебом со всех окрестностей, его слова потонули в гуле одобрения. Затем он стал продолжать рассказ о злоключениях, которые всё больше напоминали о мире людей. Наш Мир стал обычным, больше мы не защищены ничем. Давным-давно ты говорила мне о пророчестве, которое обещало нам конец серебряного века, оно сбылось?

— Сбывается, должно случиться что-то по-настоящему жуткое, но Книга не говорит конкретно. Самое страшное то, что новой книги нигде нет, а старая подошла к концу. Вчера, когда я открыла её, последние страницы оказались пропитаны чем-то красным, я так и не смогла разобрать, что там написано.

— Что может быть ужаснее участи Анны и Магнуса?

— Это был в некотором роде их выбор...

— Он был сделан из страха, разве можно считать это свободным выбором?

— Нет, но здесь совсем другой случай. Скоро будет ужасная буча, а в самом центре может оказаться и девочка.

— Отчего ты вдруг стала так добра к ней?

— Есть одна часть пророчества, не влияющая на общее течение событий. Это счастливое пророчество и связано оно напрямую с её появлением. Что было, после того как поток жалоб иссяк?

— Начался поток брани и, в свою очередь, досталось и Елизавете за её «тщеславие» и тебе за то, что слишком много рассказала ей и теперь смертная считает себя нашей спасительницей, а не наоборот, как принято. Тогда я и сказал, что больше не будет никаких испытаний и оценивания, что Елизавета будет моей женой, а те, кому это не по душе могут жить своим домом и навсегда забыть дорогу во дворец. После этой вспышки присутствующие слегка остыли, а я вышел. Чуть позже меня догнали герцог Гурбе, князь Литковский и ещё кто-то и начали убеждать в том, что... — король замолчал.

— Илорен?

— Они предлагали тот же вариант, что и барон: новую Госпожу Ведьму и отправить веду за новой королевой. Думаю, этот план нам будут предлагать и сейчас.

В коридор вошли министры и все отправились в тронный зал. По пути Илорен повторил

свой рассказ. Больше никто не проронил ни слова. Вскоре они вступили в тронный зал и все склонились при виде правителей.

На возвышении, рядом с тронном Илорена и креслом Терхенетар выстроился ряд кресел для членов совета. Когда все заняли свои места, и наступила тишина, король поднялся и обратился к присутствующим со следующими словами:

— Впервые в нашей истории проводится подобное собрание. К этому нас подтолкнули беспрецедентные события, которые начались не вчера или сегодня и не с Елизаветы. Много лет назад пропала королева, а Привратник был найден растерзанным. В Мире уже умирал один из нас. И вы все знаете об этом. Тогда и было положено начало переменам. После межсезонья, вызванного исчезновением Анны, Терхенетар не вернула свой прежний облик, а опьяневшая толпа набросилась на новую королеву и чуть не растерзала её. И вы все знаете об этом. Мир изменился, теперь мы уязвимы, это было предсказано ведами. И об этом тоже вы все знаете. Так ответьте мне на вопрос: как можно изменить миропорядок, меняя местами простых смертных?

Минуты хватило бывшим бессмертным на осознание того, что они услышали. Так должно быть отреагировали бы люди, которым сказали о близкой кончине от смертельной болезни, люди разных нравов, возрастов, ума, выдержки и достоинств, если бы кому-нибудь взбрело в голову собрать такое количество смертельно больных в одном зале, чтобы сообщить им диагноз. С обеих сторон от Илорена кто-то жалобно всхлипнул, кто-то упал в бесчувствии, король повернулся и увидел, как Ульрих приводит в чувство герольда. А затем паника, крики, слёзы, мольбы неизвестно кому и на пике всего этого гвалта, мощный бас барона всё-таки смог возвыситься над всеобщей какофонией, чтоб в исступлении прокричать:

— Я же говорил — эта ведьма хочет нас всех прихватить с собой в могилу! Это дело рук Терхенетар!

Этот крик направил мысль толпы в другое русло. Они перестали спрашивать «за что» и стали интересоваться «с кого спросить за происходящее». Все потихоньку замолкали и снова оборачивались к тронному возвышению, на котором восседал совет. Илорен сел и предоставил слово Вёльффу. Премьер-министр поднялся со своего кресла и произнёс:

— Сложно выступать после такого блестящего оратора, как наш король, умеющего найти верные слова, чтобы тронуть каждое сердце. — После этого вступления, он церемонно поклонился Илорену, который бросил на него неприязненный взгляд. — Я прошу вас всех не предаваться отчаянию и не хоронить себя заживо. Никто не знает, сколько нам уготовано и действительно ли изменения необратимы. На данный момент ясно только то, что всякое зло, принесённое или содеянное, будет разрушать наш Мир, а вместе с ним и наше бессмертие. Поэтому, барон, не стоит призывать проклятья на наши головы, так как оно неизбежно ляжет и на вашу. Все жалобы и новости из регионов Совет выслушает и обсудит. Никакое дело не останется без рассмотрения, приём начнётся с завтрашнего дня в городской ратуше, куда вы все сможете обратиться. Для нас важно абсолютно всё, что происходит в это переломное время в государстве, ведь только обладая этими знаниями и, осмысливая их, мы сможем научиться жить по-новому. Вам будут разосланы приглашения на повторное собрание, которое состоится перед отъездом короля и королевы в путешествие по Миру Теней, на нём вам уже будет представлен отчёт обо всем, что мы смогли узнать, а также план выхода из кризиса. А пока не стоит нагнетать атмосферу. В конце концов, нас всех ждут любимые празднества, ради которых многие проделали огромный путь до столицы.

— А что насчет испытаний, они состоятся? — спросил граф Морель.

— Нет, распоряжения уже сделаны, и все локации переоборудованы в аттракционы. Напомню, что эта традиция носит исключительно светский характер и не продиктована необходимостью.

— Однако когда претендентка дала отказ, на нас рухнула люстра — сказали сразу несколько голосов.

— Она отказывалась от правления, а не только от испытаний. Никогда ещё обстоятельства вокруг претендентки не складывались столь неудачно. И мы все должны помнить о том, что действительно остро нуждаемся в ней. Но, учитывая сомнения ряда придворных, веда Марго была сегодня отправлена в мир людей, чтобы привести сюда другую претендентку.

Мнения разделились, кто-то считал эту меру излишней и видел в Елизавете сильную, смелую и перспективную правительницу, кто-то мнил её могущественной ведьмой, которая всё исправит, когда вступит на престол, а кто-то был уверен в том, что все беды в той или иной степени происходят из-за Лизы. Количество гипотез было огромным и пестрело разнообразием, как товар на праздничной ярмарке. Сочиняли самозабвенно, вралли убеждённо, в общем, интеллектуальная жизнь кипела как никогда в этом сонном царстве. Глядя на очередное оживление обычно такой респектабельной и чинной знати, Илорен с мрачной решимостью начал подниматься, но Терхенетар удержала его и прошептала: «рано, потом всё само сойдётся». Он неохотно подчинился и перехватил насмешливый взгляд Вёльфа, заметившего эту сцену. Премьер-министр поднял руки, призывая всех к тишине и, дождавшись, когда все смолкнут, произнёс:

— Надеюсь, Совет ответил на все ваши вопросы?

— Что будет с нападавшими, их казнят?

— Нет, мы не собираемся прибегать к крайним мерам, однако наказание будет весьма строгим.

— Пусть Госпожа Ведьма скажет своё слово. — Сказала молодая графиня Алсуфьева.

Вёльф обернулся к Терхенетар, которая, одобрительно кивнув, выпрямилась во весь свой невысокий рост и сказала:

— Единственное, что я могу добавить к речам предыдущих ораторов, это просьбу, которую они косвенно уже озвучивали, но, боюсь, не акцентировали на ней достаточно вашего драгоценного внимания. Итак, просьба эта — не допускать зла, только так мы сможем остаться неуязвимыми и даже возможно вернуть наш золотой век. Есть пророчество, которое обещает нам превращение в мир такой же жестокий и столь же горестный и несправедливый, как мир смертных. Оно сбудется тогда, когда в нашем королевстве произойдут чудовищные события, прольющие кровь на площадях, именно насилие и агрессия делают нас смертными, а не моя магия или её недостаточность. Когда-то я видела рождение этого мира, который стал нашим общим счастливым домом, сегодня я смотрю на то, как он умирает для меня. Скоро я уйду со своего поста, свою преемницу я назову после того, как из путешествия вернутся король и королева.

Терхенетар села в полной тишине. Даже те, кто раньше хотел её отставки, сейчас испытывали страх при мысли, что создатель их покинет. Только сейчас посмотрели на неё не просто как на одного из правителей. В легенду никто не верил, все думали, что это просто пафосная сказка для возвеличивания неизменных Короля и Госпожи Ведьмы. Однако сомнения всё же закрадывались в умы людей, и тогда благоговейный трепет перед Илореном

и Терхенетар пробежал по их телам. Но чем старше становился Мир Теней, тем меньше люди задумывались об этом. Старость, обрушившая престиж ведьмы, приводилась теперь как доказательство слабости Терхенетар и опровержения её даже малейшего участия в создании всего, что окружает их.

В противоположном от правителей конце зала поднялись удивлённые возгласы, и волнуемая толпа стала расступаться перед человеком, плетущимся к тронному возвышению. Поначалу было невозможно разобрать кто это, так как лицо было всё в крови и изуродовано побоями. Одежда, испачканная и порванная во многих местах, не давала возможности определить даже то, к какому сословию принадлежит несчастный, одна рука которого безвольно висела вдоль туловища, придерживаемая второй, с виду здоровой. Он шёл, еле переставляя ноги, и кто-то, пристально взглядевшись, крикнул: " Это Морт, это же Морт, королевский пёс! ». Пришелец обернулся на голос, но ничего не ответил и продолжил путь. Все были настолько ошеломлены его видом, что не сразу догадались помочь и поддержать, но зарождающуюся суету прекратил властный окрик короля, приказавшего гвардейцам помочь Привратнику. Когда его буквально донесли на плечах к возвышению, Илорен безжизненным голосом спросил:

— Что случилось, ты можешь говорить?

— Да, — слабо отозвался Морт — на нас снова напали, но эти были в масках и приготовлены.

— Где Елизавета?

— Забрали и Урсулу. Кармила и гвардейцы мертвы. С ними был воин.

Его силы иссякли, и Морт потерял сознание. Казалось, по бледности, что Илорен близок к тому же. Он вышел из зала вместе с гвардейцами, понёсшими Морта в замок Терхенетар. Из передних рядов, слышавших всё, всколыхнулась волна новостей, потерявшая правдоподобность уже на втором гребне, разбившись о рифы придворной фантазии.

Вэльф своим всегда спокойным и безразличным голосом сказал:

— В связи со сложившимися обстоятельствами, празднества отменяются. Мы настоятельно просим всех вас оставаться в столице или её окрестностях и, как уже сообщалось ранее, посетить ратушу для личной беседы с Советом или его представителями. Приглашения, с назначенным для каждого из вас временем приёма, будут доставлены уже сегодня. Всех, кто узнает что-либо о похищении, просим обращаться в канцелярию Совета незамедлительно. Каждого, кто попытается скрыть информацию об этом, ждёт суровое наказание. Собрание окончено. Благодарим вас всех за участие.

Все, кто был на трибуне, вышли через ту же дверь, в которую вошли. Не говоря друг другу не слова, они прошли в приёмную Илорена. Король стоял над столом с выложенной мозаикой картой Мира, в ветвях деревьев, висевших по углам, горели свечи, освещавшие всё до мельчайших деталей. С ним рядом расположились высшие гвардейские чины и обсуждали план поисков Елизаветы и Урсулы, а также возможных свидетелей нападения. Обсуждения уже подходили к концу и, получив задания, военные расходились, когда министры и Терхенетар вошли к правителю. Илорен вопросительно посмотрел на них, но ничего не сказал, а пошёл в свои покои, где пробыл всего пару минут, спустя которые он вышел в охотничьем костюме.

— Зачем вы пришли ко мне? Хотите принять участие в поисках? — спросил он, собираясь уходить.

— Нет Илорен, мы хотели бы отговорить тебя бросаться на поиски. Возможно, и тебе

грозит опасность за стенами крепости. — Ответила Терхенетар.

— Предлагаешь сидеть здесь и ждать, когда их растерзают или сожгут, как грозились это сделать? Я не стану трястись от страха, да ещё неизвестно перед кем.

С этими словами он вышел.

— Пожалуй, на сегодня с меня новостей предостаточно — сказал Министр Информации и тоже покинул приёмную, а за ним потянулись и все остальные, кроме Вёльфа и Терхенетар.

— Ну, вот и всё. Свершилось. Теперь мы официально перешли в режим неконтролируемой паники. Завтра новости распространятся по всему Миру. — Проговорил премьер.

— Всё не так страшно, как ты думаешь. — Усмехнулась ведьма.

— Действительно? — приподнял бровь министр.

— Нет, всё и впрямь паршиво. — Устало засмеялась Терхенетар. — Пойдём в замок, там, за ужином, мы более комфортно сможем обсудить создавшееся положение и пути спасения.

— Да, здесь и впрямь ужасно неуютно. — Согласился Вёльф. И они покинули апартаменты Короля.

В замке их ждал верный Ульрих, встретивший господ низким поклоном и очередной ошеломляющей новостью — израненная веда Марго ждала Терхенетар в приёмной. Конечно, она выглядела намного лучше Морта, но её лицо было сильно исцарапано, на голове запеклась кровь, а в глазах стоял ужас и всё тело била крупная дрожь. Оказалось, что когда она пришла в Башню Ведьмы, чтобы отправиться на поиски новой королевы, то не обнаружила саван на привычном месте, да и все остальные предметы, которые обычно лежали в своих тайниках, исчезли.

— Я хотела уже вернуться, но тут услышала как буквально в пяти шагах от меня, в тумане, кто-то неверно ступил и камни посыпались из-под подошвы. Воришка скатился с насыпи, собравшейся у стены, и упал, вскрикнув. Это был голос молодой девушки или ребёнка. Я кинулась к нему или к ней и успела схватить за мешок, болтавшийся за спиной у грабителя. Потянув за него, я остановила бегство, но оказалось, что это человек очень выносливый и сильный. Вырвать из цепких лапок награбленное было просто невозможно, но со временем моя всё-таки взяла и я вырвала мешок. Однако сбежать с ним мне в свою очередь не удалось, этот негодник запрыгнул на спину и стал царапать, оставляя глубокие следы, тогда я с разбегу припечатала его к стене и сбросила ослабевшее тело с себя. И здесь произошло самое жуткое — из тумана на меня вышел Воин... — даже сейчас повествуя об этом, она судорожно всхлипнула и, подвинувшись поближе к очагу, обхватила себя руками за плечи. — Он не пытался предостеречь и выглядел ещё чудовищнее, чем на тропе, если такое вообще возможно, только потянул ко мне свои руки. Не знаю, упала ли я в обморок сама или меня ударил тот вор, воспользовавшись моим замешательством. Когда очнулась, то первым делом, несмотря на страх, осмотрела всё вокруг ещё раз, чтобы убедиться, что из Башни забрали всё. Ну, а затем отправилась обратно и по дороге встретила крестьян, бежавших из столицы. Они нехотя рассказали мне о том, что произошло в моё отсутствие, и я расстроилась ещё пуще, так как теперь уж точно никакой надежды нету и мы все превратимся в серый пух.

— Тебе уже отвели покои в замке, Марго? — спросила Терхенетар.

— Да, спасибо.

— Ступай, отдохни. Мои слуги-травники позаботятся о тебе.

Глава 7. Похищение

Лиза сидела на тюфяке с соломой в подвале какого-то здания и ждала возвращения Урсулы, отправившейся раздобыть для них еды и узнать можно ли попробовать вернуться во дворец. Суматоха, поднявшаяся в городе, доносилась вниз глухим шумом, но разобрать в нём нельзя было ни слова. Сегодня днём, когда карета выехала в город, Елизавета порадовалась дождю, смывшему любопытных зевак с улиц столицы. Даже в окружении гвардейцев она страшилась возможных беспорядков, но всё проходило весьма благополучно до тех пор, пока делегация не вошла в здание гильдии мастеров. Началось с того, что холл оказался совершенно пустым, что в преддверии праздников, при наплыве провинциальных гостей и, учитывая грядущие выходные, было не просто маловероятным, но невозможным. Несмотря на необычность происходящего, Кармила решила пройти дальше, и посмотреть, куда все делись. Взяв с собой двух гвардейцев, она пошла к двери, ведущей во внутренние помещения. Когда они скрылись, в холл вбежали люди в чёрных полумасках, один из нападавших был огромного роста и выглядел просто чудовищно.

— Воин — с ужасом произнёс один из гвардейцев.

Дальнейшего Елизавета уже не видела. Урсула схватила её за руку и потащила вслед за Кармилой. Когда дверь за ними закрылась, оказалось, что это ещё один холл, из которого ведут несколько коридоров, но ни веды, ни гвардейцев, ни в одном из них не было. Девушки побежали в ближайший справа, за спиной уже отчётливо звучали тяжёлые шаги монстра, и пришлось свернуть наугад в первую попавшуюся дверь. Комната, в которую они вбежали, оказалась кабинетом. Урсула попыталась сдвинуть один из книжных шкафов, чтобы закрыть проход, но он не поддался даже тогда, когда к ней присоединилась Лиза. И всё же их труды не пропали даром: в тот момент, как шаги преследователей уже приближались к их убежищу, веда положила руку на одну из полок и та ушла вниз, открыв проход за портретом, висевшим на одной из стен. Она схватила со стола подсвечник и девушки вбежали в укрытие, закрыв потайной ход. Урсула зажгла свечи и повела Лизу вниз, а затем по лабиринту катакомб расположившихся под Фьелой, прямо в этот подвал. Из него наверх вела длинная лестница, заканчивающаяся массивной дверью. Елизавета хотела пойти вместе с Урсулой, но веда сказала, что это слишком опасно, так как сейчас наверху верно бесчинствует разъярённая толпа. Самая неудачливая претендентка на престол Мира Теней ждала уже около часа, хотя для неё это время тянулось намного дольше. Но вот, наверху закрипели ржавые петли и чьи-то шаги застучали по каменной лестнице. Как бы ни было жутко ждать, пока пришелец спускался, но окликать Лиза не решалась. Вскоре из темноты до неё донесся голос Урсулы:

— Лиза, ты ещё тут?

Девушка с облегчением вздохнула и снова зажгла свечи, которые потушила, как только скрипнула дверь.

— Да, я здесь — откликнулась она.

С тех пор как им пришлось бежать, Урсула снова стала вести себя с ней так же небрежно и немного насмешливо, как и на тропе немёртвых. Конечно, будучи целиком в её власти, Елизавета считала, что такое обращение вполне соответствует ситуации, но аналогия с тем состоянием неопределённости и одиночества усугубляла её настроение.

Веда протянула Лизе большой ломоть белого хлеба и кусок сыра, на пол между ними она поставила кувшин с вином и проголодавшиеся беглянки принялись за скудный ужин, заменявший им праздничный пир. Будущая Королева размышляла о превратностях своей судьбы и том, что сейчас её влекло к Илорену ровно с той же неодолимой силой, с какой прошлой ночью она мечтала о сумрачной башне, затерянной в бесконечном тумане ведьминой долины. Она, разумеется, ещё не успела узнать его, но очень хотела это исправить, независимо от того ждало ли её разочарование или блаженство, на которое она начинала втайне надеяться.

— Что там, наверху?

— Всё намного хуже, чем я думала. Улицы полны людей, там настоящий бунт. Все одержимы и хотят идти к замку, чтобы требовать отставки Совета и отказа Илорена от престола. Там очень много пьяных и одурманенных. Даже не знаю, как мы сможем выбраться отсюда, но о возвращении в замок сегодня не стоит и думать. Я достала тебе плащ с капюшоном, когда наступит ночь, мы выйдем отсюда, проберёмся к гостинице, возьмём коня и поскачем в Гирфентейн, город детей. Там нам окажут помощь.

— Может, просто переночуем тут. Завтра нас, наверняка, начнут искать. Нужно будет лишь дожидаться, когда проедет кто-нибудь из гвардейцев. И почему бы не попробовать ночью пробраться во дворец?

— Я слышала, как люди говорили о засадах на дороге к дворцу, они собирались там охотиться на богатеев и ведьм. А все гвардейцы сейчас заняты охраной резиденции. В нашем королевстве нет армии.

— Ах, конечно, как я могла забыть, ведь оно слишком благополучное — ехидно проговорила Лиза. — Чем же тогда горожанам не угодили богатеи, ведьмы и королева?

— Простолюдины верят в то, что это мы причина межсезонья, ну а королев выбираем мы, значит, тут присутствует сговор, может быть даже целый магический преступный синдикат, раскинувший свои жуткие щупальца на просторы других миров и вселенных. — Говорила это Урсула по всем законам драматургии, повествующей о злодейских кознях, но потом продолжила неожиданно серьезно. — Кстати, в это верят и многие аистократы, поэтому сейчас возвращаться во дворец слишком опасно, там не меньше врагов, чем снаружи. Особенно, если учесть, как ты умудрилась огорошить своей спесью и без того нерасположенных к тебе вельмож. Ну, а сами богатеи давно забыли о главных принципах нашего Мира, как собственно и все остальные, включая нашего любимого короля, что и приводит к неприятным последствиям, часто встречаемым в иных мирах, а теперь ставших обыденностью и в нашем.

— Какие принципы?

— Принципы равенства, братства, свободы и любви к ближнему. Принципы, которые предали люди по отношению к тем, кто попал сюда через смерть. Их забыли. И тот хаос, что вышел на улицы, это тоже часть великого забвения наших истоков. Просто, чтобы начать действовать, всем нужна несправедливость, хоть какая-то, они обрели её в межсезонье, тем более что в этот раз оно далось нелегко.

— Это можно исправить?

— Нет, это никто не сможет исправить. Время в нашем Мире уже запущено.

— Что это значит?

— Это значит, что все мы теперь станем смертными и Мир Теней больше не спасительная обитель для мучеников, а такая же юдоль обречённых, как и наша малая

родина.

— А межсезонье?

— Больше не будет, как и вечного лета.

— Значит, королевы больше не нужны? — у Лизы, видимо, не получилось равнодушно задать этот вопрос, так как Урсула, засмеявшись, задала ответный:

— Значит, королева уже готова к бракосочетанию? Ненадолго же хватило твоей изначальной неприступности.

Елизавета лишь приподняла бровь и презрительно сморщилась, давая понять, что на подобную грубость даже не собирается отвечать. На это Урсула рассмеялась ещё веселее, и на какое-то время разговор прекратился. Каждая задумалась о своём. Из оцепенения они вышли только, когда последняя свеча зашипела, догорая. Шума не было слышно уже давно, и этот звук прозвучал как сигнал. Девушки закутались в свои плащи, и пошли по лестнице к выходу. Перед тем как открыть дверь, Урсула повернулась к Лизе и прошептала:

— Не пытайся ни с кем заговорить, даже если увидишь гвардейца. Иди за мной, будем действовать по плану.

Елизавета коротко кивнула, и они вышли в ночь. Первое, что бросилось Лизе в глаза, это чистота и порядок, невозможные после бунта, шум которого угас не больше часа назад. Всюду горели фонари и освещали аккуратные мощёные улицы достаточно хорошо, чтобы видеть всё вокруг.

— Урсула... — потянув веда за руку, прошептала она, но та зло посмотрела на девушку и приложила палец к губам.

Они были единственными прохожими в этот поздний час, кругом не было ни души и Елизавете стало бесконечно жутко, с каждой минутой её доверие к спутнице таяло, сомнение это не успело развиться во что-то решающее только потому, что очень скоро показалась гостиница. Около неё стоял человек, держа под уздцы лошадь. Урсула пошла к нему и потянула за собой Лизу, не говоря ни слова. Сначала незнакомец помог взобраться девушке, затем веде и так же, не произнеся ни слова, скрылся в тени. Звон подков по мостовой показался ужасно громким после той неестественной тишины, которая лежала на этих, будто не жилых, улицах.

Урсула везла их по маленьким улочкам, избегая открытых пространств и площадей, что немного удлинило выезд из города. Когда один из переулков, на которые выходили только витрины магазинов, сейчас закрытые ставнями, закончился тупиком, она слезла с лошади, подошла к стене, сложенной из грубых камней, надавила на некоторые из них и часть преграды повернулась, открыв небольшой проход.

— Пригнись к крупу — приказала она Лизе и провела лошадь под уздцы, затем закрыла тайную дверь и снова села позади девушки. — Тебе страшно? — прошептала она.

— Да.

— Ты ещё веришь мне? — говоря это, она положила голову Елизавете на плечо, заглядывая в её лицо, освещённое луной.

— Нет.

Урсула резко убрала голову и, не говоря больше ни слова, пустила лошадь в галоп, торопясь скорей скрыться в лесу. Веда везла их по малозаметной тропе, стараясь двигаться как можно быстрее, насколько это позволяли сделать цепкие ветви и узловатые корни. То тут, то там появлялись огни и порой до их слуха долетали крики. Лиза мало верила в вероятность засады в этом направлении, потому что они ехали в противоположную от замка

сторону. Но всё же кричать она не решалась, слишком далеко находились люди и слишком зыбкой в этом Мире была любая почва, да и подозрения её вполне могли оказаться ложными.

Вскоре и огни, и крики остались далеко позади, и Урсула направила коня на дорогу. Они скакали всю ночь, иногда на пути попадались деревни, но ни одного огонька не было видно в них. Находясь в объятиях веды, Елизавета, лишённая всякого дела и видя, порой, в чаще островки тумана или игру лунных лучей в прогалинах, вспоминала балладу, и дрожь пробрала её от воспоминания последних строк:

««Родимый, лесной царь созвал дочерей:
Мне, вижу, кивают из темных ветвей».
«О нет, все спокойно в ночной глубине:
То ветлы седые стоят в стороне».

«Дитя, я пленился твоей красотой:
Неволей иль волей, а будешь ты мой».
«Родимый, лесной царь нас хочет догнать;
Уж вот он: мне душно, мне тяжело дышать».

Ездок оробелый не скачет, летит;
Младенец тоскует, младенец кричит;
Ездок погоняет, ездок доскакал...
В руках его мертвый младенец лежал. "

Чтобы оторваться от непрерывного повторения грустных стихов, захвативших её расстроенное воображение, она решила обратиться к единственному живому существу, которое было рядом. Урсула как раз пустила лошадь шагом, чтобы дать животному отдохнуть.

— Скоро мы приедем?

— Да.

— Насколько?

— Стоит ли спрашивать что-либо у того, кому не доверяешь?

— Да, если это единственный источник информации.

— Ты уверена, что именно это имела в виду? Готова слушать заведомо искаженную информацию, лишь бы тебе хоть что-нибудь говорили?

— Сейчас тебе нет смысла врать, ведь я увижу — правду ты говоришь или нет.

— Но увидишь ты это не сейчас, поэтому, что бы я не сказала, ты ещё долгое время можешь оказаться во власти заблуждения. К тому же пространство вещь относительная и что для тебя огромное расстояние, для меня всего лишь промежуток времени, коего у меня теперь очень много.

— Ты просто пытаешься меня запутать. Через сколько мы будем в городе детей? Если, конечно, мы туда едем.

— Нет, не туда. Мы будем дома к рассвету. Тебе там понравится, ты же не хотела быть королевой, вот и не будешь.

Елизавета на некоторое время смутилась, боясь говорить следующую фразу, но в итоге

всё же решилась и негромко, но твёрдо произнесла:

— Я передумала, я хочу быть королевой, и даже согласилась пройти испытания. Давай вернёмся во дворец, восстания же не было. В лесу искали нас?

— Да, восстания не было, и искали нас. Но во дворец я тебя не могу отвезти, Илорен не может защитить тебя. То, что ты сейчас со мной, а не с ним подтверждает это. Да тебя бы растерзали, если бы не я. Ты просто ужасно неблагодарная. Ты не... я... У меня есть своя башня, она затеряна в лесу и там никто не живёт. Когда-то там бытовал одинокий рыцарь, но не долго, очень скоро он стал паломником и никогда не возвращается. В ней мы будем прятаться первое время.

Лиза очень пожалела, что не может смотреть в глаза Урсулы, способные выдать ложь. Она перестала выпытывать и снова погрузилась в мрачные раздумья. «Опять какая-то ересь и как она не любит Илорена, почти как Терхенетар королев. Но ко мне ведьма добра. Хоть это, верно, оттого, что знала, какого мне придётся здесь. Может в книге об этом написано. А может это затеяли потому, что раз мир и без свадьбы ожил, то меня можно запрятать где-нибудь на всю оставшуюся жизнь».

Тем временем Урсула снова пустила лошадь в галоп и, не замедляя ход до рассвета, алой полосой занявшегося над миром. С первыми лучами, веда свернула в лесную чащу и повезла их тропинкой через заросли. Когда деревья расступились, открывая перед взором высокую башню, окружённую цветущим садом, у Лизы захватило дух от красоты этого места. Круглое пятиярусное строение из белоснежного камня, оканчивающееся крытой галереей, с которой просматривалась вся округа, начиналось глухой высокой стеной без малейшего признака украшений, даже бойниц не было в них, но эта скупость была возмещена верхней частью. На первый взгляд даже казалось, будто здание было, подобно резиденции, сделано разными людьми, но всё же это изначальное решение архитектора задумало его таким.

— Его ремонтировали недавно?

— Нет, здесь никто не бывает. Просто всё становится ярче и моложе после межсезонья, но только снаружи.

— Кто-нибудь знает, что ты здесь живёшь?

— Нет, тем более что я здесь не живу, а бываю. Все веды живут в городе детей, кто-то должен смотреть за ними. У нас здесь нет ни жилья, ни ремесла, как у других. Конечно, мы можем уйти, но никто не станет иметь с нами дела, каждый встречный будет презирать отступницу.

— Но вас же не могут знать в лицо повсеместно.

— Если кто-то из нас пропадёт, то приметы и портреты оповестят о тебе даже самые неизведанные уголки. Одна из нас сказала Терхенетар, что не хочет ползать по лесу в поисках бесполезного сена, которое она выдает за целебные травы, чтобы запугивать полудохликов, верующих в своё бессмертие. Тогда Госпожа Ведьма предложила ей выполнить всего лишь одно условие, после чего та становилась абсолютно свободной жительницей королевства и могла идти, куда ей хочется. Этим условием было облиться отваром, приготовленным ведами специально для этого случая, в центре столицы. Это будет её освобождением от долга. И, знаящие её как веду, после обряда не станут корить её отступничеством.

Больше книг на сайте - Knigolub.net

Урсула замолчала и какое-то время они ехали молча, освещённые заспанным дымчатым

рассветом. Он лениво потягивался бесконечными лучами во все стороны света и проникал на эту аллею, усыпанную розоватыми лепестками, слетающими с ветвей редким, но непрекращающимся дождём. Когда до конца дорожки оставалось уже немного, Урсула остановила лошадь и спешила.

— Что было дальше с той ведой, она согласилась? — спросила Лиза, тоже слезая с седла.

— Да, она согласилась, но не без внутренней дрожи, конечно. Ты, наверное, уже поняла, что здесь нельзя быть уверенным ни в чём, хотя, как и везде, я думаю. Она, в назначенный час явилась на главную площадь и перед ней поставили кувшин с зеленоватым отваром. Мы все кинули по веточке той травы, которую должна собирать, по уговору, каждая из нас. Моей является полынь, она самая нужная в зельях. Самра, так звали ту девушку, медленно подняла кувшин над головой и на некоторое время замерла в нерешительности. Терхенетар громко предложила ей остаться среди нас, говорила, что мы не можем отпустить её с теми знаниями, которыми наделили, имея в виду, конечно, знания о мире людей, с которыми все мы попали сюда, поэтому память о прошлом покинет её. Но, услышав эти слова, Самра громко рассмеялась и назвала Терхенетар шарлатанкой, а потом громко произнесла, чтобы слышали все на площади: " Смотрите, как я развенчаю первый миф нашего Мира — миф о могуществе Госпожи Ведьмы, я сейчас вылью на себя это деревенское варево, и со мной ничего не случится. А затем, я расскажу вам о других глупых сказках, которыми пичкают вас правители. "Самра облилась нашим зельем и стала такой, какой ты видишь её теперь.

Смотревшая до сих пор себе под ноги, Елизавета, на последних словах, подняла взгляд и увидела молодую девушку, чья голова — единственное, что выглядывало из вороха грязных, потрёпанных одежд, была совершенно лишена волос. Большие, утомлённые бессонницей, глаза с янтарной радужкой в сердцевине покрасневших белков, отстранённо смотрели на Лизу, а кожа имела изумрудный оттенок из-за того, что все вены в её организме светились этим ярким, переливающимся на солнце, цветом. Но это видение заинтересовалось гостьей лишь на мгновение, затем подошла к Урсуле и зашелестела в буквальном смысле этого слова. Из уст Самры исходил звук, полностью копирующий шум листвы на ветру, характер которого менялся в зависимости от той эмоциональной окраски, которую она хотела придать своей речи. Закончив говорить, она трогательно раскинула в стороны руки и, видимо непривычные, уголки губ несколько раз дёрнулись, прежде чем вымучили робкую полуулыбку на её красивом, несмотря на наказание, лице. Урсула умилённо сморщилась и, крепко обнимая бывшую соратницу, сказала:

— Спасибо, спасибо тебе милая Самра, без тебя мне было бы очень худо.

Видимо, это было высшей радостью и наградой для создания, так как она, что-то прошелестев, бодро пошла в заросли деревьев, звеня цепью на ноге, тянувшейся из башни.

— Ты держишь эту несчастную на цепи? За что?

— Как ты любишь утирывать. Ни за что, а зачем. Проклятье Терхенетар действует так, что, уснув, Самра забывает всё, что было с ней до этого. Она помнит людей, но не по именам, а по лицам и ощущениям — нравится или не нравится, а кроме этого ничего. Кто-то пустил слух, что если она коснётся человека или животного, то можно навлечь на себя подобное проклятие. А так как её наказание отметило облик несчастной, то все знают, кто перед ними и редко помогают, чаще всего её гонят, и она совсем не понимает за что. Люди же не знающие о том, как зелье подействовало на неё внутренне, думают, что она просто

прикидывается, чтобы вызвать жалость. За оскорбление Терхенетар, как бы настороженно к ней не относились в народе, всё же никто не похвалит. Однажды я увидела, как её прогнали из конюшни на постоялом дворе, в нескольких километрах отсюда. Был поздний вечер, собиралась гроза. Мне не хотелось ехать дальше, но, увидев, как эта беспомощная сумасшедшая стоит босиком на дороге и плачет, глядя своими большими, чуть выпученными глазами, в ярко освещённые окна, за которыми весело болтают люди в тепле, сытые и довольные. Как она мнёт край бесформенного тряпья, заменяющего ей одежды, как по-детски дрожат губы и подбородок от непонимания, обиды и щемящего душу одиночества. Увидев всё это, я посадила её, так же как тебя, перед собой и привезла сюда. Здесь есть огород, сад, много запасов в кладовых башни, которые я постоянно пополняю, так что тут Самра в полной безопасности пока цепь всегда подсказывает ей обратный путь, если вдруг она захочет подремать где-нибудь в лесу, а она действительно любит так делать. Я показала ей, как ухаживать за огородом, так что она мне даже помогает и следит за всем пока я в отлучке. Поначалу мне думалось, что она захочет уйти отсюда, но никакого беспокойства Самра не выказывала и за то время, что мы вместе, она успела очень ко мне привязаться. Зелье Терхенетар сделало эту веду намного лучше.

Урсула поставила лошадь в конюшню, где корм для неё уже был готов и они пошли в башню. Поднимаясь по лестнице к входу, она спросила:

— Надеюсь, тебя не надо запирают в сырой темнице или приковывать к спинке кровати? Ты не станешь предпринимать никаких глупостей, вроде побега?

— Не в ближайшие несколько часов, во всяком случае, — зевая, ответила Лиза, глаза которой закрывались на ходу, не оставляя ни возможности, ни желания сопротивляться.

В её голове была полная неразбериха: с одной стороны нападения были, и Урсула её спасла, с другой стороны она обманом увезла её из города. Ради чего нужно было запугивать Лизу? Почему Илорен не смог бы их защитить? Серьёзная расправа у них редкость, но всё же она может обрушиться на любую голову.

Они поднялись на третий этаж, и там веда открыла перед Елизаветой круглую дверь в отведённую для неё комнату. В умывальнике налита тёплая вода, рядом лежали полотенце и сорочка, постель была готова. Их, очевидно, ждали. Всё было приготовлено ровно к назначенному заранее времени. Урсула закрыла ставни на больших круглых окнах, рамы которых были выполнены в форме двух змей и, пожелав своей гостье приятного отдыха, ушла, заперев за собой дверь. Так Лиза снова уснула на новом месте в этом Мире, жители которого так отчаянно сопротивлялись её присутствию, но не желали отпустить.

Глава 8. Мира больше не будет

Ночью скончалась веда Марго. Когда она вышла от Терхенетар, то упала в обморок, ведьма поспешила на шум и сопровождала слуг, отнесших несчастную в отведённые покои. Там веда провела в бреду несколько часов, не приходя в сознание. Сначала ещё предпринимались попытки вернуть её в чувство, но очень скоро стало ясно, что здесь действует яд, противоборствовать которому невозможно, он уже проник в организм слишком глубоко с того времени, как были получены раны, смазанным им оружием. Вэльф, всё это время не отходивший от Госпожи Ведьмы, старался её поддержать, зная как она ненавидит бессилие. Но в этот раз не только оно терзало Терхенетар. В этот раз погибли её помощницы. Те, на кого она готова была положиться. Те, чистоту и преданность которых она берегла и воспитывала, даже если для этого приходилось быть строгой до жестокости. Но каждая из вед была тем дороже, чем больше глупостей совершала, ведь эти шаги и падения давали ей возможность заботиться о ком-то. Кармила и Марго были мудрыми и сильными. Каждая из них была самостоятельной и в мире людей, потому для Терхенетар они являлись надёжной опорой. Эти веды стали замечательными наставницами для младших девушек. Когда в столице поднялась суматоха, а очередная претендентка настороженная, не готовая ни к чему и подвергшаяся нападению, появилась в холле, пытаясь принять смелый и независимый вид, Терхенетар почувствовала к ней прилив симпатии, который до этого испытывала только к своим наперсницам, когда они впервые являлись к ней для представления. Отведя девушку в комнату, Госпожа Ведьма пригласила к себе Урсулу, единственную бывшую в столице веду, и приказала ей отправиться за Марго и Кармиллой для помощи в Фьеле. Никто не внушал большего почтения толпе, кроме самой Терхенетар. И вот, в одночасье, оба столпа рухнули, любимую непоседу Урсулу похитили, а сама она была немощной старухой. До рассвета уставшая ведьма сидела в кресле, застывшим взором глядя на распростёртое безжизненное тело. Вэльф, стоя за спиной, утешительно поглаживал её плечо, но даже он был расстроен и не мог сказать ни слова, да и говорить здесь было не о чем. Когда заалел рассвет, Терхенетар медленно поднялась со своего места и отдала распоряжения о том, чтобы приготовили тела к церемонии, а затем вышла в коридор. Вэльф шёл за ней, поддерживая под руку, так как от усталости и душевного смятения, она едва переставляла ноги. Так, не говоря ни слова, они дошли до комнат, отведённых Морту. Слуга, сидевший у дверей, рассказал о его самочувствии:

— Поначалу был бред и сильный жар, но со временем состояние стабилизировалось. Сейчас он крепко спит.

— Хорошо, спасибо. — Это были первые слова ведьмы с тех пор, как она начала хлопотать над Марго.

Немного отойдя, чтобы слуга не смог их услышать, Вэльф, с состраданием глядя на неё, сказал:

— Терхенетар, я соболезную всей душой и понимаю как трудно тебе сейчас. Но нужно думать о себе и Королевстве. Тебе необходимо отдохнуть.

— Дождусь Илорена.

— Он может не вернуться сегодня...

— Я уже тут, Генрих.

Премьер-министр обернулся на голос короля и поклонился ему, приняв свой обычный отстранённый вид.

— Ваше Величество, Госпожа Ведьма не спала последние сутки и теперь нуждается в отдыхе.

— Оставь нас Генрих. Мне нужно поговорить с Илореном наедине, — мягко, но настойчиво произнесла Терхенетар и посмотрела в глаза своего советника, взглядом извиняясь за то, что отсылает его, — мы увидимся позже, тебе тоже нужно отдохнуть. Спасибо за заботу и поддержку.

Он хотел что-то ответить, но присутствие короля мешало это сделать. Вёльф приложил к губам руку ведьмы и, поклонившись Илорену, ушёл.

Его место по правую руку от Терхенетар занял уставший правитель. Они шли в апартаменты Госпожи, не говоря ни слова друг другу, обдумывая каждый свои новости и их влияние на жизнь Мира Теней. Наконец, когда слуги принесли кофе, ведьма поведала королю о том, что произошло с Марго.

— Ещё один воин. Как они смогли пробраться сюда, и кому понадобилось обворовывать ваши тайники?

— Может кто-нибудь хочет занять моё место, боюсь, это была веда. Больше никто не знает местоположение башни и едва ли посторонний смог бы преодолеть все препятствия и обереги, которые мы там расставили, да и тайники найти в густом тумане невозможно. Это могли быть только те, кто отправлялся за королевами.

— Но кто из них смог бы решиться на убийство себе подобных? Да и зачем им Елизавета, ради шантажа?

— Возможно. Но гипотезы мы будем строить позже, когда совет опросит людей, и мы будем знать хоть немного больше о происходящем. Кто-нибудь кроме Морта выжил?

— Нет, известно только что главы гильдий за час до приезда Елизаветы отпустили всех в приказном порядке по домам, сославшись на то, что до празднеств новую королеву не должны видеть простолюдины. А сами пропали. Мы обыскали весь город, но в домах очень много тайных проходов, комнат и подземелий о которых имеют представление только их хозяева. Скорее всего, они либо в одном из тех, что мы не осмотрели, либо похитители каким-то невероятным образом сумели вывезти их через все кордоны, которые мы разместили на каждом выезде из города. К тому же в самой Фьеле было достаточно добровольцев, следивших за улицами.

— Если в этом действительно замешана веда, которая действует по собственной воле, а не по принуждению, то она знает намного больше ходов в городе, чем любой гвардеец или даже житель. Да и где гарантия, что добровольцы не принимают участия в заговоре.

— Вы должны были рассказать об этих ходах. Может она сейчас в одном из них. Ты сможешь показать мне их на карте?

— Нет, я не знаю где они. Я слышала о них от Урсулы. Сейчас нам всем нужен отдых, а затем мы составим чёткий план действий.

— Как можно спать, когда Елизавета находится в руках у сумасшедших, разгуливающих по Миру с воином.

— Да, воин. Как они контролируют этих тварей? — Терхенетар нахмурилась и потёрла лоб. — Ночью я попробую провести гадание, но не уверена, что стоит в него верить. Последние мои толкования были неправильны. Я потеряла свой дар и не могу никому

помочь. А сейчас позволь угостить тебя ещё порцией кофе.

— Да, спасибо.

Ведьма налила Илорену чашку ароматного напитка и незаметно высыпала в него немного порошка. Принимая её, король заглянул в осунувшееся лицо и сказал:

— Прости, что так нажимаю на тебя. Твоя потеря невозполнима, ушли самые верные и сильные твои помощники. Вёльф прав, мне не стоило тревожить тебя.

— Не стоит, дорогой, для тебя у меня всегда найдется минутка. К кому тебе и идти, кроме твоей первой королевы. Пей, пока горячий.

Илорен одним глотком осушил небольшую чашку и, выронив её, уснул прямо в кресле посреди приёмной Госпожи Ведьмы. Терхенетар вызвала слуг и приказала отнести его в апартаменты, которые всегда были готовы принять правителя, если ему понадобится комната в замке. Такие же апартаменты во дворце были отведены для ведьмы, но до сих пор в них никогда не оставались. Сегодня же смена обстановки понадобилась даже Терхенетар и она, опираясь на трость, отправилась во дворец, чтобы поспать на новом месте и хотя бы ненадолго выкинуть из головы всё произошедшее. Сейчас думать об этом было уже невыносимо, а после пробуждения кошмаров наяву всем хватит с лихвой.

Ведьма шла, низко опустив голову, мановением руки она отпустила Ульриха, который хотел последовать за ней. Нелюбовь к дворцу и его обитателям сейчас притупилась под грузом переживаний, которые пришлось вынести за последние сутки. Прохлада раннего утра, ощутимая в галерее, ведущей во дворец, немного освежила мысли и прибавила бодрости шагу. Даже в такой час лёгкий гул витал в коридорах, которыми она шествовала в непривычном одиночестве, беспокойные жильцы собирались группами в удалённых от королевских апартаментов залах ради азартных игр, выпивки и сплетен. Вскоре Терхенетар заметили, отделаться от провожатых она смогла только под предлогом, что ей пришлют Лорану. Девушка быстро нашлась и с удивлением и почтением проводила свою госпожу в её покои. Несмотря на привычную для дворца беспорядочность, комнаты Терхенетар всегда содержались в идеальном состоянии. Когда-то, проектируя их специально для неё, Джованни вложил в интерьер все своё почтение к Госпоже Ведьме и неоднократно приглашал её посмотреть на то, как движется работа, но она так ни разу и не была здесь за всё это время. Сейчас ей стало жаль, что она не поблагодарила мастера за его труды. Многие хотели бы пожить в этих апартаментах, но любые попытки преодолеть запрет предупреждались очень жёстко, даже по отношению к королевам. Когда Лорана открыла дверь, то не смогла сдержать удивленного вздоха — перед ними как будто открылся вход в другой мир. Из пышного дворцового интерьера они шагнули прямо в лесную чащу, в сердце которой размещалась самая настоящая юрта. Как ни была утомлена Терхенетар, она в удивлении оглядывалась по сторонам и говорила на своем родном языке слова благодарности доброму гению Джованни, разбившему этот висячий сад в самом сердце дворца. Всё здесь было таким, каким она описывала Илорену свой дом, ещё будучи королевой. Окружённый со всех сторон высокими стенами, сад был не виден даже с замковых башен. На ветвях, в траве, у подножья камней были разбросаны тут и там небольшие фонари из толстого матового стекла зелёного цвета, освещавшие всё приглушённым светом. Невысокие деревья и камни, покрытые мхом, и даже шум водопада в глубине смягчили горечь и вызвали слёзы, которых никогда не лилось из этих глаз в Мире Теней. Возвестили о своём пробуждении птицы и это напомнило Терхенетар, что нужно отдохнуть. Лорана смущённо смотрела на госпожу, восхищение сменилось недоумением, так

как видимая тропинка была лишь одна и вела она в неприглядную юрту. Поняв её затруднение, ведьма отпустила девушку и, подождав когда дверь за ней закроется, пошла в обтянутый пёстрыми шкурами дом, хранивший тепло благодаря заботам прислуги. Она с удовольствием легла на скромную кровать и вдохнула запах диких трав, развешанных под потолком. Конечно, всё вокруг было лишь имитацией и это бы чувствовалось достаточно явно, чтобы не дать раствориться в атмосфере, но слишком долго Терхенетар убегала от своих воспоминаний и сейчас память дополняла прорехи, которые по незнанию допустили создатели этого оазиса. Кам улыбалась и, не пытаясь остановить текущие слёзы, закрыла глаза, проваливаясь в глубокий сон.

Яркий свет заливал всё вокруг, и ничего не было видно. Терхенетар не чувствовала своего тела и не могла пошевелить даже головой, смотревшей прямо вперёд. В какой-то момент боковое зрение уловило перемену цвета, справа и слева пространство было просто белым и стало понятно, что свет исходит от одеяний того, кто стоял перед ней, закрывая проход. От этого существа, возвышавшегося над Терхенетар и бывшего по ощущениям втрое выше, исходили волны подавляющей энергии, именно она обездвиживала ведьму. Мысль зародилась, но не в словах, объединённых в фразу, а в форме вопросов ничем не выраженных и не произнесённых, словно сами выражения слишком тяжеловесны и бесполезны здесь, таким же был и ответ. Так в нашей голове возникают из запасников памяти базовые знания, в которых мы абсолютно уверены. Так в мыслях Терхенетар проходила эта беседа:

— Ты?

— Да.

— Я могу взглянуть?

— Нет.

— Ослепну?

— Да.

Ведьма всё же скорее инстинктивно, нежели из дерзости или любопытства попыталась поднять голову и, к её удивлению, ей это немного удалось, но в тот же момент сияющая фигура отошла, открывая лесной пейзаж. Тело Терхенетар полностью освободилось от чар, сияние и белизна исчезли. Теперь всё вокруг было в предрассветных сумерках, мягкие голубые краски покрывали спокойную реку, медленно несущую свои прозрачные воды. Через неё был перекинут белоснежный мостик на противоположный берег, на котором широкая песчаная полоса окаймляла густой хвойный лес, тянувшийся стеной ввысь и вдаль, насколько хватало глаз, а за ним в облака вонзались синие пики гор. Сначала не было заметно ни просвета, ни движения, но когда Терхенетар решила перейти на другой берег, в лесу появилась тропинка и женщина в белой одежде шла по ней. Сосредоточив на ней внимание, кам не заметила, как огибая лес по песку, к мостику идёт мужчина, одетый так же во всё белое. То тут, то там стали появляться фигуры, они собирались по другую сторону моста, и смотрели на своего потомка, ласково улыбаясь. Дедушка привычно кивнул головой. Желая броситься к ним на встречу, перейти ленивую реку и занять своё место среди предков, Терхенетар смогла лишь податься вперед и тут же образы родных затуманились, хотя глаза её были сухи. Снова вернулся ослепляющий свет, который постепенно стал раскалено-красным и ухнул в полную черноту. Госпожа Ведьма лежала в кровати с крепко зажмуренными глазами. Она открыла их и, почувствовав себя обманутым ребёнком, тут же снова сильно зажмурилась, пытаясь провалиться обратно в тот же сон. Даже мысленно попросила: «Пожалуйста, заberi меня обратно. "Ещё некоторое время она надеялась и

неподвижно лежала в той же позе, но тщетно.

— Терхенетар — тихо позвал Илорен.

— Да, я не сплю — упавшим голосом ответила ведьма. Она встала, набросила халат и вышла из юрты.

— Тебе здесь не понравилось? Мы с Джованни подумали, что это единственное, чем можно тебя удивить.

— Это одно из лучших мест в Мире. Жаль, я не сказала этого вовремя и не смогла раньше этого осознать.

— Что с тобой? Ты на что-то решилась?

— Нет, просто мне приснился сон, очень хороший. Смена места мне на пользу. Ты, надеюсь, будешь не против моего переезда?

— Едва ли эта юрта вместит даже твой гардероб, родная. — Улыбнулся Илорен. — Но я буду безмерно счастлив, зная, что ты неподалеку.

— Гардероб развешу на деревьях, если ты не против, родной. — В тон ему ответила Терхенетар. — Я рада тому, что ты можешь улыбаться. Ты уже сделал какие-нибудь распоряжения?

— Начальник королевской гвардии набирает добровольцев, готовых служить престолу. У нас появится армия. Если по Миру бродит хоть пара воинов, а, скорее всего, их больше, то мы обязаны защитить жителей королевства. Так что наш внутренний двор на некоторое время превратится в ристалище. Смельчаков будут распределять по родам войск.

— А как же революционные настроения? Не обернутся ли вооруженные и обученные добровольцы против короны?

— Вот и посмотрим.

— Не слишком ли ты беспечен?

— Есть предложения? Нам срочно нужны люди, каждая минута промедления терзает меня. А на их обмундирование и обучение даже самым примитивным навыкам и без того уйдет уйма времени. Я надеюсь на то, что у кого-нибудь из них всё же будет подготовка, достаточная, для того чтобы разослать хоть несколько групп в разные стороны. Может, деревенские жители видели что-нибудь подозрительное. А я завтра же отправлюсь проверить то направление, которое укажет твоё гадание.

Разговаривая, они шли по тропинке, ведущей от юрты вглубь сада, туда, где шумел водопад.

— Ты заметил жёлтые листья?

— Осень. Её приближение уже многие заметили. Но сейчас это не важно, все сидят на сундуках, в буквальном смысле, в дрожащих лапках все держат приглашение от Совета с датой и временем приёма.

— Откуда такая ответственность?

— От маленькой приписочки внизу листа: «Тот, кто не явится в назначенный час в ратушу для дачи показаний Совету, будет признан предателем и посажен в тюрьму, до суда».

— Ты не думаешь что это жёстко? Хотя других способов я не вижу, но всё же это не прибавит людям любви к нам.

— А мне никогда не нужна была любовь всех, только одной. Да и ты никогда не верила в то, что люди способны на добровольную преданность, без личной привязанности, помнишь? Сейчас, я склонен с тобой согласиться.

Они подошли к воде и в то время, как Терхенетар умывалась, Илорен перешёл по

каменному мосту, возвышавшемуся над потоком на противоположный берег. Госпожа Ведьма последовала за ним.

— Здесь есть потайной ход прямо в замок. Его делали параллельно с системой для водопада. Только я, Джованни и Магнус знаем о нём, ну и конечно рабочие, которые следят за садом и юртой. Вход в тоннель прямо за падающей водой. Также здесь есть и менее экстравагантное жилище для тебя, где уже готова ванна, одежда и трапеза.

С этими словами Илорен спрыгнул с причудливо изогнувшегося корня могучего дерева прямо на плиты каменного пола террасы. Он помог спуститься Терхенетар и повел её к заросшей лианами стене, в которой лишь в редких просветах можно было разглядеть застеклённые двери в ярко освещённую солнцем комнату и только благодаря тому, что вся терраса была в тени от разросшихся растений.

Король распахнул двери, и они вошли в дворцовый интерьер, который хоть и продолжал тему леса, но всё же в привычном барочном стиле. Воспоминания о произошедшем, ещё пять минут назад казавшиеся чужими заботами, снова овладели Госпожой Ведьмой и чувство свободы вернулось в искусственный лес без хозяйки ещё до того, как Илорен закрыл створки.

Горячая ванна окончательно вернула Терхенетар на землю, которая спустя очень долгий срок, впервые требовала от них настоящего правления, а не номинального присутствия на важных мероприятиях. И в то время как сама она уже проявляла волю и жестокость по отношению к ведам, порой участвовала в принятии и составлении законов по просьбе Вёльфа, то Илорен неопит в этом неблагодарном и неблагородном деле. "Если он лишится любви подданных, пропадём мы все. Вёльфа ненавидят, Елизавету, даже если она ещё найдётся, мечтают сжечь, я — немощная старуха. И моим ведам, единственным мученицам этого Мира, тоже несдобровать. Из всех нас любят только Илорена, только он стоит между мной и аристократами. Успокоить бы толпу, а там отказ от всего и куда-нибудь в лес, доживать последние годы».

Терхенетар вошла в приёмную, где уже ждал накрытый стол, но Илорена здесь не было. Один из лакеев, стоявших у дверей, объяснил отсутствие короля:

— Его Величество просил вас дождаться его. Барон Магор настоятельно добивался встречи с правителем.

В это время с улицы донёсся разъярённый возглас. Ведьма подошла к окну и, распахнув его, увидела, как трое гвардейцев тащат куда-то вырывающегося вельможу, а Илорен стоит перед растерянной, но готовой к защите своего господина группой рыцарей, с безразличным выражением лица. Затем громко и чётко выговаривая каждое слово, он произнёс голосом, звеневшим сталью, готовой обрушиться на всякого, кто посмеет ослушаться, следующие слова:

— Барон Магор, ваше поведение оскорбляет звание дворянина и жителя нашего Мира. Сейчас, когда Королевство нуждается в объединении людей, в котором наше единственное спасение, вы сеете панику, вражду и врываетесь в мой дом, отвлекая меня от государственных дел.

Присмиривший было в руках гвардейцев барон, смотрел исподлобья на короля и, фыркнув с презрением на последних словах, крикнул, брызжа слюной от ярости и снова пытаясь высвободить руки:

— Государственных дел? Каких, Илорен? Ты никогда не был настоящим правителем, марионетка этой чокнутой шаманки, которая не давала нам заменить тебя на кого-нибудь

посамостоятельной, а теперь, с твоей помощью, тащит всех нас за собой подыхать. Или после пропажи твоей новой наложницы и тебе захотелось отправиться на тот свет?

— Ты прав, Магор, — прервал его Илорен — я не правил до сих пор. Обо всём думала Терхенетар, которую ты напрасно оскорбляешь. До сих пор мы жили относительно мирно, если не считать, конечно, твоих постоянных интриг, прежде казавшихся мне не важными. Теперь я убедился, что это было моей ошибкой. Ты и вся твоя свита, бряцающая оружием у меня во дворе, будут отправлены в тюрьму. Я, Правитель Мира Теней, Король Илорен, обвиняю тебя, барон Магор и всех вассалов, пришедших с тобой, в организации антиправительственного заговора, оскорблении Госпожи Ведьмы, являющейся создателем нашего Мира, оскорблении короны и сеянии паники. За каждый из этих пунктов мерой наказания, я объявляю смертную казнь в виде отсечения головы от туловища. Отныне так будет с каждым, кто осмелится вести себя подобным образом. Надеюсь, барон, вы гордитесь теперь своим монархом, ибо не было в моём правлении поступка более осмысленного и решения более самостоятельного, чем это. Уведите всех в темницу, в случае сопротивления убейте.

К этому моменту гвардейцев было уже вдвое больше чем вассалов, сопровождавших барона. Ошеломлённые дворяне побросали своё оружие, и даже их сюзерен не сказал больше ни слова. Вскоре терраса опустела.

— Ты сошёл с ума? — спросила у Илорена Терхенетар, когда он вернулся и приказал подавать еду.

— Это давно напрашивалось, ты же видишь все поблажки и попустительства ни к чему хорошему не приводят. Зло совершается ежедневно, кровь пролилась, и мы этого уже не остановим. Я не хотел, чтобы так было, но уверен, что поступил правильно.

После того как на стол накрыли и слуги вышли, тяжело вздохнув, ведьма начала:

— Ради меня, Илорен...

— Да за что мне всё это! — в ярости отбросив от себя приборы, крикнул король. — Сколько можно шантажировать меня, Терхенетар? Ты хоть посчитала те века, которые я тут хожу твоей болванкой и развлекаю своей персоной народ? Неужели ты думаешь, что ехидные усмешки нашего государственного мужа Вёльфа не унижают меня изо дня в день? Я — ловец жемчуга и никогда не мечтал о троне, я не искал ни власти, ни богатства. Мне не нужны парчовый халат и мягкая перина, да и вообще весь этот искусственный мирок мне опостылел. Впервые я нашёл ту, что окрылила меня здесь надеждой и даже поговорить с ней толком я не смог. Твои советы не помогли нам найти и удержать здесь то, что мы потеряли, когда были людьми. Ты так же несчастна, как и я, народ устраивает заговоры и мятежи, кто-то спокойно бродит в тумане и обчищает все твои тайники, а ты опять хочешь потянуть время? Может мне, действительно, раньше надо было очнуться от своей летаргии.

Он помолчал, не глядя на собеседницу, потом встал и удалился, не говоря больше ни слова.

У Госпожи Ведьмы тряслись морщинистые руки с зажатыми в них приборами, словно она пыталась найти в них какую-то опору. Она беззвучно рыдала. Такой её нашел Вёльф, вошедший в комнату сразу после того, как вышел Илорен. Генрих медленно приблизился к Терхенетар, вытащил приборы из рук, сел рядом и обнял, привлекая к себе. Никогда прежде он не позволял себе ничего подобного, да и ведьма едва ли поняла бы подобный жест раньше. Два человека, которыми во всём Мире Теней пугали детей, сидели, обнявшись перед столом, уставленным нетронутыми яствами, и молча утешали друг друга. Лишь иногда одна

из них, более грозная, всхлипывала, а другой целовал седую голову, глядя жёсткие волосы.

Глава 9. Урсула

Лиза сидела в своей комнате и смотрела в окно, в ожидании веда. Когда она проснулась и стала звать Урсулу и Самру, чтобы отперли дверь, то ответом ей был лишь дробный стук шагов по деревянной лестнице в нижних этажах, едва слышимые здесь. Вскоре на улице раздался шум копыт, узница попыталась открыть окно, но не смогла. Веда держала под уздцы коня и что-то говорила Самре, которая при каждом её слове с готовностью кивала, наклоняясь при этом вперед. Урсула обняла её напоследок и ускакала, оставив наперсницу зеленеть на солнце посреди двора. Елизавета застучала по стеклу, пытаясь привлечь её внимание, но то ли звук не долетал до девушки, то ли ей было приказано не обращать внимания на пленницу, Самра не подняла головы.

В отсутствие своей тюремщицы, длившемся до самого вечера, когда вокруг стало темнеть, и первые звёзды начали проявляться на побледневшем небе, Лиза бродила по тем комнатам, которые не были заперты для неё. В одной из них оказался кабинет, заваленный книгами и свёртками. Письменные приборы были в хорошем состоянии, и ими кто-то постоянно пользовался, так же на столе лежали раскрытые фолианты, написанные на непонятном языке и разобрать над чем работал их хозяин девушка не могла. Здесь было несколько карт, развешанных по стенам, которые, видимо, изображали разные миры, большой телескоп, шкафы с различными приборами. В общем, это была обитель исследователя, часто проводившего в ней время. Здесь тоже была дверь, но она оказалась заперта. В другом помещении, доступном для Лизы, оказалась комната мальчика. Повсюду валялись вырезанные из дерева солдатики, стрелы от арбалета, брошенного тут же, детские стул и столик, на котором лежали пара книг и несколько листов с детскими каракулями. Дверь, ведущая из этой комнаты в следующее помещение, так же была закрыта на замок.

Полдня переходя из одной комнаты в другую, но боясь что-либо трогать, чтобы не навлечь на себя гнев хозяев, Лиза, в конце концов, села к окну и стала с тоской смотреть на подъездную аллею.

В комнате похолодало, да и в животе уже давно урчало от голода. Поэтому, увидев подъехавшую Урсулу, всё внутри Елизаветы затрепетало в надежде на перемену положения. Веда, войдя, первым делом бросилась на третий этаж и освободила узницу.

— Ох, Лиза, прости, что совсем забыла про тебя. Я просто не привыкла к тому, что в башне есть кто-то кроме нас с Самрой.

Не желая опять оказаться в заточении и выдавать своей экскурсии по соседствующим с её спальней комнатам, девушка тактично промолчала и про свои вопли, которые было невозможно не услышать и про явные следы присутствия ребёнка и кого-то, кто проводил часы в кабинете. Самра — полусумасшедшая, а Урсула редкий гость в этих краях, да и не похожа она на учёного. К тому же, ради чего вообще нужно было запирать Лизу, если она являлась желанной гостьей, а не пленницей? Вслух же она только посетовала на голод, холод и желание принять ванну, если это возможно.

— Конечно, дорогая, Самра сейчас всё приготовит. Пойдём, я провожу тебя в нашу общую гостиную, где мы проводим вечера. Каждый за своим занятием.

— Чем занимается Самра?

— Она не сидит с нами, ей не уютно в башне, поэтому для неё я обустроила комнату в

пристройке — последние слова Урсула растягивала, понимая, что глупо проболталась. — Ты не волнуйся, никто здесь тебя не обидит, и я не хочу тебе зла. Временами в башне бывает ребёнок — мальчик и один мой друг — учёный. Но они оба очень добрые.

— Зачем мы сбежали?

— Тебе больше нельзя было оставаться в столице, это было слишком опасно. Я... просто поверь.

— Чему? Ты ничего не говоришь, только сначала врёшь, затем проговариваешься и признаёшься во вранье, а в итоге просишь верить, я ничего не упускаю в своей логической цепочке?

— Довольно многое, но обсуждать это в подобном тоне я не намерена. Ты не королева, Елизавета и никогда не смогла бы ею стать, так что оставь свои претензии и постарайся хоть ненадолго смирить свою чудовищную спесь. Она рано или поздно тебя окончательно погубит.

Лиза потупила сверкающий взор и, закусив губу, покраснела, сознавая свою зависимость от хорошего расположения Урсулы, которая в этот раз была заметно раздражена. Видимо поездка её была неудачной, и теперь накопившееся неудовольствие прорвалось наружу.

— Располагайся, я скажу Самре, чтобы она приготовила для тебя ванну. Но сегодня последний вечер, когда тебя обслуживают, с завтрашнего дня придётся помогать по хозяйству, ваше несостоявшееся величество.

Веда вышла. Елизавета подождала, пока стихнут шаги и, осторожно ступая, вышла из гостиной и стала бесшумно спускаться по лестнице к выходу. Когда она подошла к приоткрытой входной двери, то услышала бряцанье цепи по каменному полу. Думая, что это Самра, Лиза просочилась между створками и, держась у стены, начала продвигаться к конюшне. Противный скрежет стремительно приближался поэтому, отринув всякую осторожность, девушка побежала со всех ног, не оборачиваясь, но вскоре кто-то крепко схватил её за лодыжку. Лиза упала, больно ударившись о камни мощёного двора. Она резко перевернулась на спину, собираясь отчаянно сопротивляться, но бороться было не с кем. От башни к её ноге тянулась точно такая же цепь, как и на ноге Самры, стальной браслет поблескивал в сумерках. Вышла Урсула, на ходу она грызла яблоко и посмеивалась над сидевшей на камнях пленницей.

— Это ты из-за «несостоявшегося величества» так взбеленилась? Ну, извини, только королевой тебе всё равно не быть, а Илорен может жениться только на королеве, в мир людей тебе тоже путь заказан, так что смирись. — С этими словами, она подошла и подала Елизавете руку, помогая подняться.

— Почему я не могу быть королевой или вернуться домой, раз не нужна здесь, что изменилось за эти сутки? — спросила, отряхиваясь, Лиза.

— Всё изначально получилось немного неправильно, только это слишком интересная история, чтобы обсуждать её на голодный желудок. И начну я, пожалуй, как наша древняя Терхенетар, издалека, с истории своего детства. Ты, должно быть, удивлена тем, что я знаю, как Госпожа Ведьма почтила тебя доверием? Не стоит ругать старушку, она действительно стала сдавать и впала в опрометчивую словоохотливость и ностальгическую расслабленность. Позже злилась на себя, видно почувствовала, что вас подслушали. Я уже давно подговорила Лорану мне помогать и следить за тобой и, надо думать, не я одна. Драконовские правила Терхенетар по отношению к своим приближенным — это прекрасная

среда для всякого предательства.

— Я у вас такая никчёмная, а столько возни и интриг, приготовлений, откровений...

— И главное не учишься ничему, хамишь тюремщику сразу после попытки побега. Ни минуты с тобой по-дружески нельзя — сразу расслабилась и давай права качать.

Елизавета немедленно поняла всю объективность претензии и прикусила язык. Урсула весело щебетала о том, сколько дел накопилось в башне. Лиза же, не особо вслушиваясь в этот поток сознания, едко размышляла о том, что каждая веда это всё-таки несостоявшаяся королева и некоторых комплексы могут преследовать веками, выливаясь в маниакальные формы с похищениями, интригами и прочими непотребствами большего и меньшего размаха. Но помимо желчных мыслей о природе психических расстройств Урсулы, её беспокоила собственная судьба и самое главное кем она здесь стала на самом деле.

Окунувшись в горячую воду, Елизавета прогнала все неприятности за двери ванной комнаты и остановила все мысли, оставив только наслаждение от телесных ощущений и шума летней ночи за окном. Но вскоре вода начала остывать, отодвинутая тревога, подобно дурному запаху, находила лазейки и забивала удовольствие, как хулиган ботаника, так что глубоко и, тяжело вздохнув, Лиза вынуждена была вернуться к реальности, да и голод явственно напоминал о себе.

В гостиной Урсула смеялась над чем-то, что рассказывала Самра, которая сияла не столько от успеха своего повествования, сколько оттого, что доставляет радость веде. У камина стояли полукругом три удобных кресла около небольшого столика на колесах, заставленного закусками, так же на нём помещались графин с вином и нетронутый прибор для Елизаветы.

— Входи Лиза, садись, мы начали без тебя, извини.

— Не страшно, над чем ты так заразительно смеёшься?

— Тебе это будет не интересно, это наши хозяйственные дела. Спасибо, Самра, ты единственная меня радуешь в последнее время. — Урсула крепко обняла девушку и та, смущенно посмотрев на Лизу, вышла из комнаты, оставив их наедине. — Она очень стесняется посторонних. Удивительно, что она смогла запомнить меня и так привязаться.

Ты, в некотором роде, права: ты у нас барышня уникальная и всем по-своему необходимая, но больше как наблюдатель и слушатель, нежели деятель. Я, как и обещала, расскажу тебе свой взгляд на этот мир, а также о том, кем были остальные девушки, которые не выжили при переходе и как они проживают свою вечную жизнь в этом «идеальном мире» по мнению Терхенетар. К слову, учитывая, что наша Госпожа Ведьма прожила в предыдущем полудиюю короткую жизнь, а этот сознательно приукрашала в своих фантазиях, сложно понять, на каком основании она заставляет нас всех называть это отсталое королевство идеальным. Главное доказательства её авторства Мира Теней это его ущербность по сравнению с другими. Мы чудовищно отстаём по времени, по развитию, по всему. Все хотя бы раз пытались сбежать отсюда, кто мог. Некоторые даже уходили в туман на тропе, так им опостылело всё это бессмертие. И если простые бессмертные просто из века в век живут своим бытом и ремёслами, не особо задумываясь об однообразно-нудной жизни, то мы, веды, должны заниматься бесконечными делами и заботами, к которым предыдущая жизнь нас не готовила: мы, по идиотской традиции, вынуждены собирать травы и особым способом засушивать, отваривать, делать одежду. При этом мы следим за хозяйством в Гирфентейне и устраиваем ежегодные ведические праздники, чтобы хоть немного потормозить это болото между праздниками в честь свадеб и похорон венценосных

смертниц, за которыми ходим тоже мы. Веды дают обед безбрачия и не могут принимать участия в увеселении простонародья, дабы избежать соблазнов и не проболтаться о том, насколько жалким выглядит наш настоящий мир по сравнению с тем, который мы покинули. Ты, возможно, думаешь, что я сгущаю краски, но скоро ты убедишься в моей правоте.

Урсула ходила по гостинной и, неуверенно жестикулируя, посматривала на Лизу, проверяя, слушает ли она. Девушка хотела не просто произвести впечатление, а убедить, найти в Елизавете сторонника своих взглядов. Пленница с тоской наблюдала за тщетой мук своей тюремщицы, тем более что временами веда казалась потерянной. Порой, создавалось впечатление, что это были не жалобы, а оправдания за что-то, чего уже не исправить.

— Давным-давно, я потеряла здесь самого близкого человека. — На этих словах Урсула села в кресло перед камином и, глядя в огонь, замерла. Только губы шевелились, когда она стала рассказывать о прошлом. Это уже были только её мысли, которыми веда вряд ли часто делилась с окружающими, но занимавшие её мысли, тщательно сохраняемые. — Я родилась в небогатой семье второй девочкой. Отец, говорили, жутко огорчился, я была поздним ребёнком и надежды на то, что они смогут сделать нам братика, не было. Но всё же меня безумно любили и вечно баловали, тем более что, будучи сорванцом, я постоянно умудрялась набить синяки, ссадины и подхватить любую заразу, от которой болел кто-нибудь в окрестностях. Непоседливый нрав, избалованность и невезучесть, а так же ставшая привычной необходимость ухаживать за мной, превратили младшего ребёнка в идола семейства. За любую, совершённую шалость всегда доставалось сестре, а я только смеялась над этим, не понимая, как горька для неё неблагодарность. Мою единственную, любимую, несчастную сестру, убитую во цвете лет Кармиллой, испугавшейся за свою никчёмную босяцкую жизнь и затащившую нас в этот мирок, звали Вероной. Никогда ни до, ни после я не видела такого сочетания достоинств в одном человеке. Она была красавицей, самой желанной невестой в городе, но ни на кого не обращала внимания и даже не замечала того почёта, который все оказывали ей, когда мы гуляли. На мои насмешки и замечания, она всегда одинаково отвечала, что люди просто добры и я тоже со временем это пойму. Она всегда оправдывала меня, всегда говорила на все мои глупости и гадости "ты просто ещё мала, поймёшь, когда станешь постарше и будешь намного добрее" даже не замечая, что сама в моём возрасте была образцом терпимости и сердечности. Только один раз на моей памяти она разозлилась и задала другому трёпку. Это был мой приятель, мальчишка из дурной семьи, с которым мне запрещали водиться. Он как-то начал кидаться камнями, я стала прятаться, но он гнался и продолжал меня обижать. Верона, заметив это и видя, что некоторые камни попадают в цель, выскочила из дома и надавала сорванцу пощёчин, приговаривая, что если он ещё хоть раз ко мне сунется, она его отметелит намного сильнее. Парень заревел и побежал жаловаться родителям, тогда его мать вышла и, схватив Верону за волосы, больно оттаскала. На следующий день, я уже опять гуляла с этим мальчишкой. Это было моё первое предательство сестры. — Урсула краснела по мере своего рассказа, слова давались ей тяжело, сказав последнюю фразу, она помолчала, видимо, пытаясь примириться со своей памятью, столько времени терзавшей веду. — Я ненавидела её тогда. Меня раздражала улыбка на её губах, блеск солнца в волосах и здоровый румянец. Мне казалось, она жалеет меня, смеётся над моим чахлым видом. Не было ужаснее пытки, чем гулять с ней по улицам, когда я уже достаточно подросла, чтоб сознавать разницу между нами. Отовсюду Верону окликали, все смотрели на неё с восхищением, и молодые красавицы завистливо вздыхали ей в след. Она же никогда не опускалась до гордыни, просто кивала знакомым с

самым простодушным видом и укоряла меня за неприветливость. Когда я заболела чахоткой, и врачи отмерили мне не больше года, её заботы дошли до полного самоотречения. Даже родители, хоть и были поражены этой новостью, отдавая все накопления шарлатанам за моё лечение, но порой были вынуждены едва ли не силой заставлять сестру отдыхать, настолько сильна была её привязанность. Мне больно вспоминать ту степень эгоизма, до которой я дошла в обращении с ней. Маленький домашний тиран, в моменты обострения, лёжа в бессилии на постели, я верила, что имею право терзать всех вокруг потому, что, как я любила тогда повторять, "скоро вас освобожу". Нельзя передать словами, какое страдание искажало тогда родные лица и это утешало меня в моей бесконечной злобе на то, что мне суждено умереть, а все остальные будут развлекаться и жить дальше, без меня. Когда обещанный год прошёл, то вместо ухудшения, я стала заметно крепче и постепенно стала даже выходить на прогулки, как прежде. В одну из них мы встретили юношу, который обожал Верону, но не смел подойти к ней, хотя в детстве они часто играли вместе. В этот раз Арман, так его звали, встретил нас прямо у дома и предложил пройтись всем вместе, но я не захотела идти с ними. А за ужином сестра сказала, что согласилась стать его женой. Даже я была рада в тот вечер, это могло бы избавить меня от назойливой любви Вероны. Ночью у меня случился сильнейший приступ, и на неделю я оказалась прикованной к постели, а сестра ко мне. Мои просьбы, уговоры и откровенная площадная ругань, чтобы прогнать её и заставить уже жить собственной жизнью и оставить меня в покое, дать хоть умереть без её «щенячьих взглядов», всё было бесполезно. Но, спустя какое-то время, я снова окрепла, и снова мы отправились на прогулку. Арман, истомившийся по возлюбленной, пока она сидела у моей постели, хотел составить нам компанию, но я ответила решительным отказом, и им пришлось смириться. А в одном из тихих переулков мы увидели старую потрёпанную цыганку, она была совсем не похожа на своих товарок. У этой был испуганный взгляд, блуждающий, словно она искала кого-то, но кого сама не знала. Чувствуя, как разгорается болезненное пламя у меня в груди, я решила спросить у неё, сколько мне осталось. Верона пыталась меня увести, но я только разозлилась и заупрямилась. Цыганка завела нас во двор мастерской, где в этот обеденный час никого не было, и набросила саван на наши головы. Я не продержалась и минуты, как болезнь доконала меня. Так мы познакомились с Кармиллой. Когда она привела нас к воротам, оказалось, что я чувствую себя превосходно, в то время как Верона еле идёт, так что нам пришлось буквально тащить её в старый дворец. Тогда привратника ещё не было, но в межсезонье дежурил небольшой штат прислуги, готовый принять претендентку на престол и проследить за её удобствами во время и после сна. Там мы уложили сестру спать, а сами отправились к Терхенетар. Мои силы тоже были на исходе, поэтому представление я помню смутно. Меня очень удивило богатство обстановки и необычная красота ведьмы, а так же те страх и почтение с которыми все обращались к ней, несмотря на молодость. Из гостиной меня уносил кто-то из слуг, после чего я на долгое время уснула. — Урсула повернулась к Елизавете и спросила — Ты, наверное, удивишься тому, что я так ругаю Терхенетар, из последующего рассказа, да и по тому, что она сама говорила тебе, станет понятно, что ничего кроме добра я не видела от неё. Я, действительно, сразу стала её любимицей. Она любит вед, считает нас единственными родными людьми в этом Мире, кроме Илорена и, с некоторых пор, Вёльффа. Просто её любовь дорого нам обходится, удручающая избранность.

Но, в прочем, суди сама об этом после моей исповеди. Через какое-то время я очнулась и была приставлена к Кармилле, жившей при дворе Терхенетар. В то время у нас не было

обязанностей, кроме помощи Госпоже Ведьме, а это требовало совсем немного времени, так что я наслаждалась здоровьем, молодостью и планами на будущую вечную жизнь, не подозревая о том, что через некоторое время на всех нас обрушится кодекс (свод правил, которому, под страхом сурового наказания, обязана следовать каждая веда). Иногда во дворце проходили балы для избранной знати, и мы могли принимать в празднествах участие наравне со всеми. Постепенно краски королевства восстанавливались, и всё вокруг оживало в ожидании Вероны, которую готовили к церемонии.

И вот день прибытия претендентки настал. Я ожидала встречи с сестрой с нетерпением, ведь всё сложилось так удачно — мы попали в мир бессмертных, где нет проблем и болезней и главное нет смерти, которая так долго сжимала меня в своих тисках. Я думала она бросится мне на шею с радостью и благодарностью, ведь ей суждено было стать королевой Мира Теней, я даже немного завидовала её участи, не зная тогда о том, что теперь она приговорена, только... Илорен, конечно, старается помочь и подбодрить, не знаю, что он тебе наплёл, чтобы отвлечь от мыслей о побеге, но твоё сердце свободно, а Верона любила Армана. Её встречали с огромными почестями, люди высыпали на пути следования открытого экипажа, в котором восседала моя красавица сестра с церемониймейстером, сопровождавшим её. Они бросали ей цветы и восхищались её грацией и скромной улыбкой, покорявшей сердца. Она была настоящей принцессой из сказок, которые обожают рассказывать Мириам, одна из вед. Верона прибыла во дворец и была представлена правителям, получив сухое рукопожатие от Терхенетар и положенный этикетом поцелуй руки от Илорена со словами приветствия и благодарности, представь себе подобный цинизм, за прибытие в наше королевство в качестве претендентки. После этого до вечера сестра была предоставлена самой себе в отведённых ей комнатах. Когда я счастливая и цветущая без стука вбежала к ней, то увидела, как она горько рыдает.

— Верона, что с тобой, неужели ты не рада?

— Ах, Урсула, сестричка! — с этими словами, она бросилась мне на шею и счастливая стала целовать меня и смеяться, сквозь всё не перестававшие литься слезы.

— Сестра, я теперь буду жить вечно, и моя болезнь навсегда отступила, а ты теперь моя королева — с этими словами я склонилась перед ней в шутовском реверансе и, выпрямившись, счастливо рассмеялась.

— Урсула, я бесконечно рада этому, для меня огромное счастье видеть тебя такой счастливой, но как же наши родители, друзья и Арман — она снова горько зарыдала, положив голову мне на плечо, но я зло оттолкнула её.

— Верона, перестань рыдать, неужели тебе не нравится этот дворец, почёт, который нас здесь окружает? Теперь, когда я так счастлива, ты грустишь, не желая порадоваться вместе со мной. К тому же ты сможешь всем этим замечательным людям, которые встретили тебя такой любовью.

— Нет, это не так, за тебя я бесконечно рада, но я не хочу выходить за незнакомца, а Госпожа Ведьма, кажется, невзлюбила меня с первого взгляда. Мне страшно здесь и до твоего прихода хотелось просто выть от одиночества.

— Ты утрируешь, Верона. Терхенетар очень добра, а Илорен просто рассеянный и к тому же знакомство — дело времени. Сегодня вечером будет бал в твою честь, и ты увидишь как замечательно, что мы подошли к Кармилле.

— Это та цыганка? Она тоже здесь?

— Да, она тоже очень добра и учит меня своим знаниям. Здесь я стала ведой и теперь

могу творить маленькие чудеса. А Терхенетар и Кармилла, бывшие ведьмами в мире людей, здесь стали ещё могущественнее.

— Я рада, Урсула, что ты нашла своё место. Теперь я буду смотреть более счастливо на своё положение, но всё-таки мне очень больно сознавать, сколько горя наша потеря доставит родителям. Ведь они уже так стары и нуждаются в помощи, это горе убьёт их.

— А если бы мы остались, то я уже была бы мертва, и сейчас наш священник читал бы надо мной свои унылые молитвы, а твой возлюбленный Арман утирал бы редкие слезинки с твоих глаз.

— Как ты всегда несправедлива. Да, я люблю Армана с детства и представляла будущее только с ним. Но тебе не понять ни скорби за близких, ни радости любви к другому человеку. Ты слишком любишь себя, чтобы думать о том, какое горе вновь причиняешь всем, кто готов был не есть и не спать, отказывая себе в самом насущном, лишь бы каждый твой день стал немного светлее. И теперь, когда ты здорова и счастлива, я могу, наконец, сказать, как с каждым днём во мне умирала надежда на то, что заботой и самоотверженностью кто-то сможет смягчить твой невыносимый нрав и капризы. Даже сейчас, когда ты сделала мое будущее бессмысленным, ты продолжаешь чего-то требовать от меня и не жалеешь наших родных. Твоя жизнь, безусловно, ценна для всех нас, но теперь оставь и мне право побыть недовольной, так как в моей больше нет смысла.

Что я могла ответить ей на это? Ничего. Просто ушла, заперев за собой глухие рыдания. Тогда мне казалось, что она просто ещё не привыкла к этому миру и всё образуется, ведь впереди у нас вечность.

Наступило время бала. Произнесены первые тосты, Илорен заявил о помолвке, придворные предложили испытания. Тогда всё происходило так. Верона продолжала улыбаться своей тихой доброй улыбкой, затаившей все горести и сомнения. Поначалу я не сводила с неё глаз, боясь, как бы не прорвались обуревавшие её чувства, но тогда нас воспитывали в послушании, страшно было представить, чем могло обернуться неподчинение. Это сейчас можно оскандалиться перед несколькими залами, забитыми титулованными особами и смело продолжать хамить Совету. *O tempora! O mores!*

Елизавета собралась возразить, но Урсула жестом остановила этот порыв.

— Знаю, знаю. Свобода, равенство, всё такое. Не набирай вновь воздух в легкие.

Итак, поначалу я посматривала на сестру, но вскоре стала отвлекаться на танцы и другие развлечения. Кармилла не очень одобряла увеселения, но Терхенетар только смеялась над этой строгостью и поощряла меня, говоря что бедное дитя и без того натерпелось в «юдоли скорби» со своей болезнью и может теперь позволить себе радость. Однако уже тогда её условием было не распускать язык о том, как и откуда я сюда попала, а так же обет безбрачия как-то подразумевался сам собой. Но ни то, ни другое меня особо не тревожило, так как о прошлом вспоминать и самой не хотелось, а влюбчивостью я никогда не отличалась.

Испытания первое время для всех были стандартными: танец — пантомима, это должно было показать грацию и ум претендентки, песня с аккомпанированием себе на музыкальном инструменте и рукоделие, в котором она прославляла бы наш Мир, которым намеревалась править. Всё это без чьей-либо помощи. Довольно скучные задания и всем они быстро надоели, к тому же далеко не все обладали воспитанием, позволяющим пройти испытания с достоинством, поэтому в какой-то момент решено было сделать из этого целое представление, которое делало бы из будущей королевы настоящее достояние. Родители

делали всё для того, чтобы мы были воспитаны в самых лучших традициях, конечно, в меру своих скромных возможностей и моей несчастной болезни, поэтому Верона с лёгкостью выполнила задания. В её танце нетрудно было угадать тоску по матери и отцу, оставленных в неизвестности, по возлюбленному, счастье с которым было таким близким и желанным и страх в чужом, совсем незнакомом мире. Песней она выбрала колыбельную под звуки лютни, которой укладывала меня спать, когда я была совсем ещё мала и не желала успокаиваться. Из рукоделья она вышила на плаще Илорена и Терхенетар, такими, как они представлены на воротах и в тронном зале. Работа эта так понравилась Госпоже Ведьме, что она приказала сделать такую же вышивку на ливреях замковых слуг.

Я смогла поговорить с сестрой только утром, перед отъездом в путешествие по королевству. Верона была бесконечно подавлена, хотя старалась скрывать своё состояние, не желая сильно меня огорчить. В ответ на мои настойчивые расспросы, она не сдержалась и снова стала плакать. Только со мной она могла облегчить душу. Она говорила о том, как нелюбезна с ней Терхенетар, как вежливо — холоден и отстранён Илорен. В этот раз серьёзнее отнеслась к её словам, так как от придворных уже прознала о нелюбви своей патронессы к королевам и о том, что король меняет своих суженых как перчатки. Придворные, не зная в ту пору истинной причины такого порядка вещей, разумеется, полагали, что девушек изводит своими травмами Госпожа Ведьма, которая ревнует к ним Илорена и всегда рада избавить его от очередной пассии. Я пыталась утешить её хоть немного, но и сама была очень подавлена, поэтому мои старания были неуклюжими и не достигли ничего, кроме ещё большего чувства безнадёжности в отношении будущего Вероны. Так, всё с той же тихой, доброй улыбкой, вводящей в заблуждение всех, кроме меня, королева уехала обозревать целый мир, лежавший у ног самого смиренного создания, которое я когда-либо знала. Проводы были пышными, Кармила и Терхенетар стояли в дверях дворца и шурились, глядя против солнца, на отъезжавших новобрачных. Они не заметили, как я возвращалась от повозки, у которой прощалась с сестрой и Кармила насмешливо произнесла:

— Бедный Илорен, ему, должно быть ужасно надоели эти путешествия, слишком часто он в них отправляется.

— Почему часто? — спросила я, подходя — Почему он меняет королев, Верона же будет жить вечно, как мы?

Терхенетар посмотрела на меня своими чёрными глазами, в которых всегда видна только бездна, недоступная для всех, кроме неё. Потом взяла меня за руку и повела в замок, попросив Кармиллу оставить нас, та сделала это с видимым удовольствием. Я понимала, что что-то нехорошее должно случиться с Вероной. Понимала, что сейчас мне будут объяснять, ради чего это нужно и всячески утешать, потому тащилась за уверенной походкой ведьмы, как телёнок на привязи, которого ведут на убой, стараясь отсрочить момент, когда мне придётся узнать какую доплату нужно внести за вечное моё здоровье. Она привела меня в свою любимую башню с витражным потолком, усадила рядом с собой, взяла за руку и стала говорить о том, что Мир Теней имеет только один изъян, принесённый в него смертные, которых привел по своей доброте Илорен. Госпожа медленно рассказывала мне о Паоле, первом межсезонье, о книге и её указаниях, о Жозефине и, наконец, о Кармилле и нашей встрече, которая была, разумеется, не случайна, «так как духи всюду и постоянно нами руководят, даже в малом, ибо из него творится великое».

— Но это значит, что я опять предала Верону — сделала я единственно верный вывод.

— Ты же не могла знать, тут нет ничьей вины.

— Почему же она забрала двоих, ведь к ней пошла только я.

Отчаянию моему не было предела, схватившись за голову, я начала метаться по комнате. Мне хотелось жить, но при этом не хотелось платить за это такую чудовищную цену. Терхенетар не пыталась остановить меня, просто смотрела в ожидании, когда иссякнут мои силы, и я снова сяду. Всегда и до и после мне было очень странно смотреть на это юное хрупкое тело, заключившее в себе столько силы и власти. В конце концов, я вынуждена была вернуться на сиденье рядом с ней и, заглянув в её непроницаемые глаза, спросила, что можно сделать, зная ответ, спрашивая от отчаяния.

— Скрасить своей заботой последние часы, проведённые Вероной среди нас. Здесь она стареет в год на десять лет. Мы не сможем ничего сделать, так для смертных здесь бежит время.

С этим я и ушла тогда. Конечно, сейчас мне кажется, что знай я о возможности Вероны вернуться к нам домой и я бы помогла ей бежать, но всё же сейчас я давно перестала бояться смерти, а тогда само воспоминание о чахотке, разъедавшей тело, вызывало волну паники. А ведь всякий раз, отправляясь в другой мир, мы рискуем жизнью. В любом случае, я не стала больше ничего предпринимать, просто жила себе дальше и ни о чём не думала.

Время здесь кажется бесконечным только по сравнению с миром смертных, а для обитателей королевства, оно спешит и пенится в водовороте мелких бытовых событий, которые прежде заменяли настоящую жизнь. Король с королевой в один прекрасный солнечный день вернулись из своего путешествия, а с ними и разъедающее чувство вины перед сестрой. Встречи с ней я страшилась и не зря: Верона была бледна, под глазами у неё залегли глубокие тени, но когда я поинтересовалась самочувствием королевы, то она, по своему обыкновению, лишь кротко улыбнулась и списала всё на усталость, попросив поводить её в апартаменты. Дождавшись, когда прислуга уйдёт, она сразу перестала сохранять видимость покоя и начала негромко жаловаться буквально на всё. И хотя в чём-то я могла её понять, но в основном мне казалось, что моя добрейшая сестра просто была бесконечно ограничена в своем человеческом счастье и вся эта заботливость и самопожертвование были тем единственным, что заложила в неё природа, единственной доступной ей радостью. Но, увы, рядом с ней больше не было ни жалких, ни ущербных, ни больных и Верона было отчаянно несчастна. И всё же я до сих пор помню окончание её рассказа, относившееся к супругу:

— Урсула, он едва ли не более несчастен здесь, чем я, только его судьба намного хуже, ибо вечна и променять её он ни на что не может, так как связан с жизнью постоянным ожиданием чего-то. Он искренне хотел бы облегчить мои дни здесь, но притворяться не умеет, да и мне бы это было оскорбительно, о чём я сразу же предупредила, видя тягостность той роли, которая ему отведена. Но зачем Илорену это? Он не похож на властолюбца, да и в делах не любит принимать участие.

Тут Елизавета вопросительно посмотрела на веду, давая понять, что также заинтересована нынешним мнением, сложившимся уже за столетия жизни здесь, Урсула поняла этот немой вопрос и, кивнув, продолжала:

— Его держит Терхенетар. Только ей выгодно, чтобы все правящие круги были на стороне ведьмы и вед. Люди склонны нас бояться, а это значит, что в случае любых потрясений мы станем первыми жертвами террора, как со стороны масс, так и со стороны элит, готовых на устранение любой организованной силы, способной им помешать в

стремлении к абсолютной власти. Знать давно пытается прибрать корону то в одни, то в другие руки, но выступать против Создателей здесь всегда считалось зазорным, несмотря на все сомнения в их подвигах. Добровольное отречение — это единственный путь, который мог бы удовлетворить абсолютно всех для того, чтобы можно было начать интриги, подкупы и предательства в борьбе за власть. Не знаю, правда, долго ли ещё все это выдержит.

Моя сестра потихоньку сдавала, не понимая, что с ней происходит. Она знала о том, что жизнь королевы не вечная, но не знала насколько. Со временем у неё ухудшалось зрение, слух, она всё чаще жаловалась мне на слабость и плохое самочувствие, но внешне она оставалась такой же юной красавицей. Однажды я пришла к Вероне перед сном, чтобы по обыкновению пожелать ей спокойной ночи, но она уже не узнала меня. Должно быть тоска, постоянно владевшая ей, довела до потери разума, которая случается в старости с некоторыми людьми. Я рассказала об этом Терхенетар и под покровом ночи её перевели в самую отдалённую от дворца башню замка. Там Верона доживала свой короткий век под нашим присмотром. Бедняжка просилась к родным и довольно часто она умоляла меня отпустить её к младшей сестричке, больной чахоткой, которая не может сама позаботиться о себе, на все мои попытки доказать что это и есть я, она приходила в отчаяние и чудовищно ругалась, призывая на голову самозванки и тюремщицы кару небес. В другие дни она могла слышать мужской голос, что-то прокричавший на дворе, и представляла, что это Арман пришёл спасти её из заточения, и начинала громко звать его, пытаясь добраться до высоко расположенного окна, ломая ногти. Верона билась в дверь, нанося себе травмы, которые я обмывала потом под звук её стенаний и проклятий. С каждым днём оставлять её одну было всё опасней. Что творилось в этом разрывавшемся от несправедливости и тоски сердце, когда она в бессилии смотрела в мои глаза и со слезами рассказывала обо мне же, умирающей без неё где-то там. Что творилось в моём сердце, когда я смотрела в эти глаза, полные слёз и недоумения и никак не могла помочь ей, прояснить помутневшее навсегда сознание, застрявшее в далёком прошлом. Через несколько месяцев этих мучений, когда за ней присматривал кто-то из замковых слуг, Верона смогла сбежать. Кто забыл запереть дверь, и почему она осталась без опеки выяснить так и не удалось. Я пришла утром, чтобы, как обычно, занять свой пост до самого вечера и увидела пустую комнату, бросившись вниз по лестнице, мне пришлось задержаться на распутье, размышляя, куда она могла отправиться и услышала её отчаянный крик, призывавший Армана. Голос раздавался с замковой стены. Когда я выбежала за ней, несчастная сумасшедшая, затравлено оглянувшись, бросилась вниз, не издав больше не звука.

Похороны были пышными, все приносили соболезнования не только королю, но и друг другу в связи с потерей правительницы. Терхенетар хотела избавить меня от обязанности помогать в устройстве церемонии, но я сама попросила — не хотела, чтобы сестру готовил к погребению кто-то другой.

Кармила отправилась за новой королевой, а Мир Теней снова замер в ожидании своей следующей жертвы.

Через какое-то время я окончательно утешилась и могла без слёз жгучего раскаяния вспоминать Верону. Признаюсь, тогда я ещё не ненавидела это королевство и всё его монотонное безумие, долго ещё верила, что оно действительно прекрасно.

Я совершенно непозволительно увлеклась рассказом о себе, прости. Смеялась над Терхенетар и так же как она не смогла устоять, чтобы не вывалить своих скелетов из шкафа. Мы засиделись и продолжение, если ты, конечно, захочешь его услышать, будет только

завтра.

— Захочу. Мне очень жаль твою сестру...

— Да, она была лучше меня. Завтра я буду более кратка, о других рассказывать не такое затягивающее удовольствие, по крайней мере, для меня. И о твоей судьбе тоже завтра. Спокойной ночи, Елизавета.

— Спокойной ночи.

Поднимаясь в отведенную ей спальню, Лиза размышляла об особенностях роли мирового слушателя, которым становилась. Грустно наблюдать за тем, как люди отдаляются друг от друга, чтобы не потерять или хотя бы сохранить видимость привычной близости. Даже мудрая Терхенетар готова открыть свои страхи и разочарования перед незнакомкой, лишь бы не показаться слабой тем, кто привык видеть в ней опору. Циничная и эгоистичная Урсула вынуждена изливаться в откровенностях, чтобы найти союзника в совершенно чужом человеке. "Не могу быть королевой... Илорен наплёл, чтоб не думала о побеге. Это правдоподобнее потомков замученных рабынь, явившихся через века." Кутаясь в одеяло, она уже чувствовала себя холодной и прагматичной и сердце своё свободным от любых глупых сожалений, но вместе с полудремотной расслабленностью всё же вторглось предательское «как жаль».

Глава 10. Такой будет эта судьба...

В тот же день в Фьеле Совет выслушивал граждан, спешивших выехать по своим домам из столицы, страшаясь воинов, разгуливающих по королевству. Несмотря на строгое предписание являться только в назначенное время, люди пытались прорваться в ратушу всеми мыслимыми способами, начиная с попытки перекупить более раннее время и подкупа чиновников ратуши, проверявших повестки и заканчивая буквальным влезанием в окна с целью сообщить о своей непричастности ко всему и совершенном довольстве родного края, хотя на подобные изыски шли в основном не родовитые люди и те, кому было назначено через несколько дней. Так же многие посетители старались отовратиться благополучием, чтобы побыстрее получить печать на своей повестке, разрешающей предъявителю сего документа покинуть город. Поначалу, кое-кто из дворян пытался подкупить гвардейцев, дежуривших вокруг города или попросту прорваться. Но ни то, ни другое пока никому не удалось, а после случая с бароном этот путь перестал казаться заманчивой перспективой, тем более учитывая значительный прирост добровольцев из среды небогатого люда, не питавшего особого пиетета по отношению к аристократии, особенно если выдавался шанс над ними покуражиться. Так что даже если их подкупить, что в принципе намного легче, чем подкуп гвардейца, то те же добровольцы потом догонят тебя, чтобы с хохотом бросить в темницу. Часть богатеев смутно чувствовала, что где-то что-то подобное с ними случалось, хотя и походило это скорее на какой-то гротескный кошмар, чем на реальность, но с другой стороны вокруг уже ничего не напоминало о той реальности, в которой они ехали на стандартные празднества в честь королевы.

Члены Совета, не выдерживая этого хаоса, по очереди менялись. Вёльф, сбегая из ратуши, сразу шёл к Терхенетар и пересказывал ей о том, что слышал, пытаясь отвлечь от тоскливых мыслей. В этот день она была похожа на простую усталую старушку. В какой-то момент премьеру даже почудилось, что она впала в старческое забытие и не понимает что происходит. И хоть на вопросы ведьма отвечало всё так же связно и чётко, но о происшествиях Мира слушала без привычного воодушевления, словно он был ей больше не интересен.

— Терхенетар, может мне не стоит рассказывать тебе всё это, ты не хочешь слушать?

— Не знаю. Вроде всё это важно, но такое сильное чувство, будто меня это уже никак не касается. Да нас это никогда и не касалось ни меня, ни Илорена. Всё, что мы могли делать — это не мешать никому и наслаждаться своим бессмертием, строить своё счастье, ведь это так просто, Генрих, так просто. — Она наконец-то ожила и посмотрела на него глазами, полными глубокого и неподдельного чувства, это была разочарованная уверенность, словно решение, пришедшее сразу после того как бесповоротно дал неправильный ответ и ничего уж не поправить. Крик, застрявшей в своих фантазиях, души, впервые вышедшей из подземелья расписанного лучшими живописцами, чтобы понять, что настоящая природа ничем не заменима, но знание это пришло слишком поздно. — Я здесь мстила людям, Илорен искал кого-то, ждал напрасно, а ведь нам дана была Вечность для того, чтобы простить себе своё несовершенство, забыть, что мы не сделали там, кого не уберегли.

— Я не понимаю тебя, откуда вы, что вы не сделали? Ты никогда мне не говорила о том,

как вы встретились и что было до этого, а ходят слухи, что рассказала даже этой девчонке, ради которой твой любимый правитель может втянуть нас всех в настоящую катастрофу. Ты можешь оградить от его вдруг распоясавшейся энергии мирное общество?

— Он больше не хочет прислушиваться ко мне, я пыталась. К тому же я стала слабой, а сейчас ему нужна сильная опора. В обиду нас он не даст, но делать всё будет по-своему.

— А как насчёт рассказа, это правда что ты наговорила этой Елизавете больше, чем нужно, о чём кричал барон?

— Да. — Терхенетар отвернулась и посмотрела в окно, на внутренний двор, где перекликались гвардейцы. — Впервые в этом Мире кого-то возненавидели больше чем меня. К тому же есть что-то, что располагает к ней, как к комнатному цветку, за которым не нужен уход. Рядом с ней не ощущаешь ни своего одиночества, ни её присутствия и страха проговориться не чувствуешь, пока не заглянешь в глаза.

— Что с ними, она действительно ведьма?

— Возможно, но дело ни в этом. В её глазах двойное дно, она кажется миловидной пустышкой, пока не вытянет из тебя всего, а когда поворачиваешься к этой простой и глупой девочке, то видишь в её взгляде, что она всё поняла, запомнила и сделала какие-то свои выводы. Молчаливость, терпение и фантастическая обманчивость. Я видела таких раньше, но не общалась с ними, а теперь вот попалась. Илорен прав...

— Терхенетар, все наши невзгоды из-за его самодурства. Ты же сама мне говорила, что не нужны здесь были никакие королевы, пока он не притащил себе невесту. У него нет никакого права оскорблять тебя и уж тем более кричать.

— Я стала старой и не красивой, всем неприятно на меня смотреть.

— Что за глупости одолели тебя? В замке предатель, который подслушивал тебя и передавал сведения барону, а может и кому-нибудь ещё. Что ты рассказала девчонке, может она в сговоре с кем-нибудь?

— У неё просто не было времени, с ней были только Морт и Урсула, да Лорана.

— Морт при смерти...

— Урсула моя любимица и веда, ей нет смысла предавать меня. Лорана полутень, да и тоже смысла нет.

— Но кто-то же предал тебя, кто-то обокрал Башню, получал информацию от этой Лизы.

— Оставь, нет сил даже думать об этом. Я больше не буду бороться, останусь во дворце и буду жить в своей юрте.

— Это правильно, в замке теперь небезопасно, но всё остальное блажь. Может, раньше и не было необходимости вмешиваться в ход событий, но теперь мы от них никуда не уйдём. Мне нужно в ратушу, но завтра я надеюсь услышать от тебя то, о чём ты столько лет умалчивала мне и о чём смогла рассказать первой встречной.

— Не сердись, если ещё ты начнешь точить об меня когти, я совсем расклеюсь.

— Прости, мне слишком дорого всё, что может касаться тебя. Старость не смогла испортить твоих черт или сломить духа. — На этих словах ведьма сощурилась, хмыкнула и второй раз за день обнял её премьер и на ухо прошептал — Терхенетар, твоё имя такое же горькое как пахучие травы, которыми ты вся пропиталась, я зависим от тебя и нет для меня страшнее проклятья, чем наблюдать, как ты оправдываешь вечную неблагодарность Илорена. Первые столетия, глядя на это и сталкиваясь с твоим суеверным недоверием, я думал, что при жизни попал в преисподнюю. Прошу, хоть сейчас, когда вокруг всё рушится,

доверься мне, забудь о нём.

Доверие — обоюдоострый камень, вонзающийся в кожу при любой неловкости между людьми, когда смотришь на бывшего друга и понимаешь, что между вами осталось столько связывающих правдивостей, которые не дают разойтись спокойно. Поэтому люди ищут для секретов тех, с кем не смогут поссориться, а лучше тех, с кем и общаться не намерены. Терхенетар не дарила своё доверие Илорену, она его нашла, спасла и с ней он смог жить в своё удовольствие вечно. Она ждала от него постоянной благодарности и восхвалений, как ни от кого другого, тем более что он знал намного больше других и потому восхвалял чистосердечнее. Также она не дарила своего доверия Елизавете, а просто избавлялась от груза воспоминаний, нахлынувших на той волне неприязни, с которой встретили несчастную, да ещё с таким знакомым окриком, которого она не слышала аж с момента смерти. Госпожа Ведьма стояла, обнимая Вёльфа и, прижимаясь переносицей к его плечу, думала: не признаться ли ему в том, что своё доверие она подарила всего однажды, там и оставила, да его, кажется, тогда же и потеряли на шумных улицах города. Она подняла голову и заглянула в глаза, полные грусти по своей слабости к этой женщине, оказавшейся в его объятиях только благодаря таким трагичным обстоятельствам, но даже за такую ущербную ласку от неё он готов был простить любое пренебрежение им прежде.

— Хорошо, Генрих, я расскажу тебе то, что говорила этой девочке.

Вёльф поцеловал её и пошёл в свою ратушу, проклиная про себя миропорядок, который ставит непреодолимые препятствия именно перед тем от чего ты не в состоянии отказаться. Ты готов отдать всё, что имеешь, забыть о собственной безопасности, выставлять себя на посмешище, плюнув на гордость, но всё вокруг будет только посмеиваться над тобой, держа желанное на том же расстоянии, а может и дальше, если твои манипуляции слишком явны и смешны. Вот чем была для него любовь к Госпоже Ведьме, тем же она и осталась, только старость, одиночество и непонятная привязанность короля к новой претендентке толкнули Терхенетар в его истомившиеся объятия. И теперь премьер-министр был счастлив и зол, вспоминая эти монгольские веки, скрывавшие под собой истинные чувства хозяйки.

Перед чёрным ходом, к которому он приближался, собралась толпа людей, желавших склонить кого-нибудь выслушать их вне очереди, охрана не могла совладать с собравшимися и только встречала министров и служащих, помогая им продираться к входу. Когда Вёльфа заметили, началась разноголосица просьб, посулов и нерешительных угроз примкнуть к восставшим. Надменно сморщившись, премьер с помощью гвардейцев решительно шёл, не обращая ни на кого внимания, но перед самой дверью, которую уже предупредительно распахнули перед ним, чья-то рука крепко вцепилась министру в рукав. Следом за своей конечностью появилась растрёпанная герцогиня де Брие и возмущённо заговорила, постепенно повышая тон:

— Я — герцогиня, представительница древнего рода, по какому принципу меня запихнули в очередь вместе со всяким сбродом, да к тому же завтра ночью. Почему премьер-министр постоянно отлучается, хотя ваша обязанность быть в курсе всех событий? Я не собираюсь отчитываться перед какими-то секретарями. Дела в нашем Мире идут всё хуже и хуже, скоро все примут сторону восставших.

Окружающие угрожающе загудели на слове «сброд», так как вокруг были люди преимущественно близкие герцогине по времени приёма. Вёльф галантно улыбнулся, отнял её руку от своего плеча и поцеловал, после чего почтительным голосом произнёс так, чтобы как можно большее количество людей могли его слышать:

— Господа! Министры, к нашему неимоверному сожалению, не могут выслушать всех вас лично, нам тоже нужны минуты отдыха, а чтобы как можно быстрее отпустить каждого из столицы, приём должен идти безостановочно. Но есть более короткий путь для тех, кто, как я тут расслышал, желает присоединиться к реформаторам — Его Величество с удовольствием примет всех вас и выпишет путёвку в лучший мир в попутчики к барону Магору и его окружению. А за вас, прелестная герцогиня, я, сегодня же, лично замолвлю слово.

Толпа суетливо подалась назад, незадачливая герцогиня всхлипнула и попыталась отнять руку, которую Вёльф по-прежнему держал, но премьер сжал её крепче и пристально смотрел на побледневшее прежде, а теперь наливавшееся румянцем лицо испуганной девушки с которой в минуту спал придворный пафос, когда повеяло наказанием и смертью. Она ещё пару раз попыталась освободиться, но министр был неумолим и прижигал взглядом и ядовитой усмешкой. Впрочем, вся сцена заняла не больше пары минут. В конце концов, он отпустил несчастную и вошёл в ратушу, где его встретили утомлённые коллеги.

— Генрих, я не могу больше слушать, они в основном говорят одно и то же: люди начинают испытывать голод, холод, кто-то даже заболел. Урожай во многих местах истлел, портятся продукты и люди стали возмущаться, часто во хмелю. В одном графстве стал пропадать скот. По поводу похищения никто ничего не знает, воинов никто не видел, многие в них до сих пор не верят, но домой, тем не менее, рвутся, хотя скорее боятся простого люда, после всего случившегося. В общем, сбываются жуткие истории, которые рассказывают веды о мире людей.

— Хорошо, на сегодня достаточно, встретимся утром.

Обратно он возвращался уже без помех, никто больше не решался высказывать недовольство премьеру. Погружённый в свои мысли, он пришёл домой и позвал собаку. Премьер-министр не мог выносить посторонних в своём жилище, а потому видел прислугу единственный раз в жизни — тогда, когда нанимал. Только Кашмир — здоровый добродушный пёс встречал его по возвращении, виляя лохматым хвостом. Однако сегодня он не вышел даже после оклика хозяина, с заднего двора донёсся лай и звук борьбы, Вёльф схватил кочергу и выбежал на улицу. Прижавшись спиной к забору и глядя на оскаленную морду собаки, рычащей и периодически отгрызавшейся на незнакомца, стоял Илорен.

— Зачем ты пришёл?

— Вёльф, я всё ещё твой король и имею право бывать там, где захочу, прикажи собаке перестать бросаться на меня.

— У меня дома король один, остальные лишние.

— Ты забываешься, министр.

Илорен раздражённо посмотрел на хозяина дома и, стараясь говорить примирительно, произнёс:

— Я бы хотел посоветоваться с тобой без посторонних, и чтобы никто не видел, что я приходил к тебе, пришлось перелезть через забор.

— Кашмир, — повелительно окликнул министр — фу!

Король оценил команду и, еле сдерживая прорывавшееся раздражение и кусая губы пошёл вслед за Вёльфом в его спартанские апартаменты, сочетавшие в себе минимализм и функциональность.

— Чем я могу служить Вашему Величеству?

— Я дорожу мнением Терхенетар...

— Она сегодня только об этом и твердит, — презрительно перебил премьер.

— Признаю, я был сегодня раздражён, но ты же знаешь, что значит любить до сумасшествия. Представь, если бы Терхенетар украли те, кто хотел сжечь её.

— Я бы не делился переживаниями, а искал, заставил бы искать весь Мир.

— Сначала надо набрать людей, я тем и занимаюсь. Много ли я найду, даже если буду скакать и день и ночь без отдыха. Не на дороге же они сидят, поджидая топот гвардейских коней.

Министр отвернулся, понимая, что невыносимый для него собеседник прав, но не желая подтверждать это.

— Что говорят люди?

— Всё то же. Никто ничего не видел. Главы гильдий нашлись?

— Нет, пропали, а перед этим распустили всех по домам, объяснив это приказом короля.

— Что это за девчонка, Илорен?

— Я же сказал, для меня она тоже, что для тебя...

— Не смей сравнивать нас, — у Вёльфа задёргалась щека, он смотрел с ненавистью в открытое красивое лицо короля, которое было любимо всеми, кроме него. — Сколько ты сменил жён за последнее время? Смог бы ты смотреть на то, как она не сводит взгляда с другого? Принимает все твои заботы и ухаживания как должное, и всякий раз бросает разговор с тобой, каждая секунда которого дорога для тебя как сама радость, чтобы раствориться в заботах о другом? Прощается, даже не глядя на тебя, только взмахом руки? Желаю тебе Илорен испытать всё это на себе и только после этого сравнивать свои чувства с моими.

— В чём же я виноват перед тобой?

— В своём существовании, не более. Я просто хотел бы понять с чего такие страсти именно по этой претендентке, чем она так подкупает вас? Впрочем, это не столь важно. Говори, чего ты хочешь от меня, только не рассказывай о своих чувствах, мне это неприятно.

— Ты излишне прямолинеен Генрих. Если хочешь прагматизма вот он — Терхенетар все ненавидят и стоит мне уйти из дворца, как ей будет несладко. Вас обоих ждёт мало приятного, и только я пока стою между вами, мои мудрецы, и толпой. Так что вернуть мне мою королеву это в твоих интересах в первую очередь, как бы не разьедали тебя желчь и злоба, ты и сам прекрасно понимаешь это. Подумай, Вёльф, а завтра приходи ко мне с ответом: остаёшься ли ты премьер-министром и собираешься ли выполнять свои обязанности советника или покинешь свой пост и избавишь нас обоих от неприятной необходимости видеться. И никогда больше не смей говорить со мной подобным образом, иначе даже ваши целомудренные объятия с Терхенетар ты сможешь видеть лишь в мечтах — единственной отраде заключённых. У нас отныне полная отмена статуса неприкосновенности. Я, вопреки твоим домыслам, тоже слишком долго ждал, только моя мечта не ходила живая и вечная передо мной, позволяя коснуться своей руки и развлекая меня разговором. Нам всем сейчас нужны проверенные люди, Терхенетар ослабла и больше ни о ком не сможет позаботиться, и только ради неё я прошу твою тихую истерику, надеюсь, больше ничего подобного не повторится. Я буду присутствовать на ближайшем совете, так что оповести меня о времени и месте.

— Конечно, Ваше Величество, благодарю вас за доброту. — Привычная маска безразличного спокойствия вернулась на лицо министра, и он проводил Илорена через

задний двор к неприметной дверце в заборе, выходявший в пустой переулок. На пороге король повернулся к Вэльфу и тихо сказал:

— Мне жаль, что мы не можем стать друзьями, Генрих.

— Ваше Величество, может вас проводить, в городе сейчас опасно? — оставив слова короля без ответа, спросил премьер.

— Нет, благодарю вас за доброту — резко ответил Илорен и, натянув на голову капюшон, пошёл к своей лошади, привязанной на соседней улице у трактира.

Людей в этой части города почти не было, все толпились ближе к ратуше, кто-то чтобы поскорее выбраться из Фьелы, кто-то, реализуя там свои товары и таланты, приготовленные для праздничных гуляний и грозившие хозяевам убытками и голодом, чувство которого привнесло очередную живость в мерное существование бессмертных.

Терхенетар готовилась провести ритуал, который помог бы ей определить местоположение королевы. Накануне представления Елизаветы, она уже проводила подобное гадание, желая узнать будущее девушки, и результат поразил её. Камни показали, что она находится в глухом лесу, в месте на расстоянии ночи езды от столицы. В тот раз ведьма даже приказала проверить: не сбежала ли претендентка, но та мирно спала в своей постели. Тогда, взяв фонарь, Госпожа отправилась в башню, где в последнее время хранила Книгу о нащёптывании, опасаясь предательства и похищения её главной реликвии, не считая савана. Фолиант, записи в котором никогда не прекращались, а последние страницы всегда были пусты, в этот раз оказался исписанным до конца. Прежде никто не видел книгу завершённой, лишь в библиотеке появлялись летописи, содержавшие все предыдущие страницы, не умещавшиеся в живой том. Более того последние, заполненные мелким почерком листы, были залиты красными чернилами. Вернувшись в замок, Терхенетар попыталась разлепить их, но они слиплись намертво, не позволяя проникнуть в свою тайну. На испачканных страницах ей удалось разобрать лишь одну фразу: " Судьбу Мира Теней изменит королева, претерпевшая...»

Сейчас, перед тем как гадать на местоположение Елизаветы снова, она достала Книгу и с удовольствием перечитала те строки, которые особенно понравились ей и были посвящены Лизе:

«И явится в Мир Его избранница и станет пыткой для того, чьё сердце давно иссохло, так как будет она Его ненавидеть и только силой, обманом и хитростью сможет Он владеть её мыслями, чувствами и телом. Трудным и горьким будет здесь её путь. Она будет отказываться от правления, однако её принудят исполнять свою роль. Звать девушку будут Елизавета. Такой будет эта судьба, если ничто не вмешается в её ход».

Но так же было и неприятное:

«Госпожа Ведьма разобьётся, бросившись с башни по просьбе веды. Такой будет эта судьба, если ничто не вмешается в её ход».

По сути, прежде Книга всего однажды выдала пророчество, в основном в ней были указания и записи происходящего, да и окончание этих новых предсказаний давало надежду на благополучный исход. Но сомневаться в ней не приходилось, и Терхенетар была порядком заинтригована и даже напугана. Никогда Илорен не был записан просто под местоимениями с большой буквы, всегда он упоминался под своим именем или титулом, но смена стиля и профиля Книги скорее радовали, так как теперь было более ясно чего опасаться и ждать. Хотя многие из предсказаний сложно было объяснить. Тем не менее Книга закончилась, а новой в библиотеке так и не нашлось.

Терхенетар не собиралась никого посвящать в то, о чём читала в своём фолианте. Хотя все в Королевстве Теней говорили на одном языке и веды, попадая в разные места человеческого мира, понимали всё, о чём говорят местные, те, у кого сохранилась память о прошлой жизни, помнили речь и письменность родины и могли пользоваться ей. А так как подобная память была отличительной чертой правителей и вед, то у жителей никогда не вызывало удивление использование ими непонятных терминов, считая это одним из магических навыков. Поэтому, Книга о нащёптывании была понятна только ведьме, что позволяло ей порой исказить написанное в ней.

Госпожа Ведьма вновь взяла в руки фолиант и попыталась выяснить значение слов, оставленных незримым покровителем этого мира на родном для неё языке. Но, как ни ломала она голову, не смогла ни разъяснить особенно туманные предзнаменования, ни разъединить слипшиеся меж собой последние листы. Сегодня ведьма решила называть королеву Елизаветой в надежде на то, что точность имени приведёт к точности гадания и прежних ошибок не повторится.

Терхенетар стала готовиться к ритуалу, который являла собой смесь различных знаний, принесённых в этот мир ведами. Ведьма кинула пучок трав на раскаленные камни. Поверх положила металлическую пластину, с вырезанной на ней картой Мира Теней. Дождавшись, когда металл раскалится докрасна, потрясла в руках кости, испещрённые рунами, и бросила их на карту. Всё это происходило под горловое пение, в густом дыму от горевших трав, проникавшем в самые тонкие щели реальности, и пропадавшем за её пределами из которых ему должно было принести знания для уставшей ведьмы. Но вновь кости пробежали по глухим лесным местам, вывернули на главный тракт и отправились в прежний путь до той же глуши, которую показали в прошлый раз.

Госпожа Ведьма вышла из задымлённой юрты и открыла пологи входа. Веснушки звёзд уже звенели в оглушительной тишине фиолетового полотна небес, и убывающая луна лила свой неверный свет на зелень сада, неясно чернеющую во мраке ночи. Вдыхая полной грудью свежий воздух, заметно упавший по температуре, Терхенеар произнесла, глядя в сторону поблескивающей сквозь заросли воды:

— Надо бы проверить это место. — Глубокий вдох. — Откуда только такая странная девчонка свалилась на меня?

Подождав, пока дым выйдет из юрты, она отправилась спать.

Глава 11. Веды

«Откуда только берутся подобные сны? Как после смерти очнулась». Елизавета почувствовала себя разбитым корытом, пролившим воду, так как после длинного и тяжёлого сновидения негодующая Самра пробудила её ледяной струёй. Судя по ярости, с которой она шелестела на своём альтернативном наречии, это была далеко не первая попытка пробудить Лизу от крепкого сна.

— Да, спасибо, я очнулась, — почти столь же невнятно, как зелёная собеседница, произнесла девушка и, приподнявшись, мучительно сморщилась и схватила голову руками. — Самра, у тебя от головы нет чего-нибудь?

Ответом была выразительная демонстрация ушата.

— Благодарю, не подойдет.

Лиза встала и пошла умываться. После утренних процедур, несколько посвежевшая, она вышла во двор, откуда слышался шум голоса экс-веды, складывавшийся в мелодию. Самра подбежала к ней и стала объяснять жестами обязанности Лизы на этот день. И девушка приступила к работе: сначала она нанесла в дом воды из колодца, вымыла посуду, прибралась в жилых комнатах, затем прополола огород, вычистила конюшню и подмела двор. Всё это время наперсница Урсулы ходила следом и показывала где взять инвентарь и куда что поставить. Пока Елизавета трудилась, Самра сидела поблизости и шелестела о чём-то своём. Когда все эти дела были переделаны, а план определённых на завтра работ не менее длинен и утомителен, в аллее послышался стук копыт, и счастливая Урсула вылетела из-под деревьев на камни двора, остановив лошадь лишь у подножия лестницы, ведущей к входу в башню. Узницы, позвякивая кандалами, вышли ей навстречу, при этом одна бросилась спешившейся веде на шею и стала счастливо рассказывать ей что-то, а вторая оставалась на пороге, утомлённо глядя на эту трогательную сцену. Потом развернулась и отправилась греть воду для ванны.

— Ваше мнимое величество, Самра рассказала мне о ратных подвигах на полях нашего неустроенного быта, которые вы совершили, моя подружка в истинном восторге, а, видят духи, бедняжка редко испытывает это чувство.

— Сегодня ты бодрее, хорошие новости? — без энтузиазма спросила Лиза, игнорируя издёвку.

— Зато ты не в духе, не привыкла приносить пользу?

— Не привыкла оказываться в рабстве. Свобода, равенство и всё такое, припоминаешь?

— А мне буквально сегодня рассказали о том, что твоим предкам к рабству было не привыкать.

— От кого, куда ты едешь?

— Не беспокойся, скоро всё прояснится, и мы вернёмся к людям. А пока пойду, приготовлю нам ужин.

И вновь все трое собрались в гостиной, и расселись в креслах. Самра сегодня уже с теплотой поглядывала на Лизу и осталась с ними, когда Урсула продолжила рассказ о ведах, разделивших с ней вечность в этом Мире.

— Итак, нас было пятнадцать. Пятнадцать слабых здоровьем душ, попавшихся в сети гуманистов Мира Теней, которые так любят рассуждать о своих достоинствах и чужих

недостатках, что ни один ритуал уже не обходится без упоминания о тех и других. Сначала, как ты уже знаешь, Илорен схватил цыганку Кармиллу. Что можно хорошего припомнить о человеке, втавившем тебя в такую передрагу? Во-первых, она спасла мне жизнь и подарила бессмертие, но совершенно нечаянно и это значительно принижает её подвиг в моих глазах. Она тащила на верную скорую смерть двух девушек, чтобы спастись самой. При жизни она путешествовала с табором и занималась преимущественно гаданием на ярмарках. Когда цыганка поняла что ей не сбежать, она целиком отдалась магии и не принимала участия в светской жизни, к этому старалась склонить и меня, несмотря на полное отсутствие дара. Так что мне перепадала в основном чёрная работа, связанная с подготовкой всяких трав и прочей посильной помощью. Они объединяли знания, так как Терхенетар не могла проводить привычные ритуалы, а Кармилла при жизни не относилась серьезно к своему ремеслу и её сила значительно преобладала над навыками. Были и попытки продлить жизнь королевам, и много стараний найти зелье способное стирать память, но при этом не наносить ущерба, такого как, например, Самре, но больше всего было попыток вытравить туман. Второй ведой была я, и у меня не было ни малейшей предрасположенности к мистическим талантам и все ухищрения, известные Кармилле и Терхенетар для выявления способностей, не смогли их обнаружить. О собственной персоне я рассказывала вчера. После меня появилась Абангу, чёрная как пантера и с такими же янтарными глазами, гипнотизировавшими меня своей пронизательностью. Абангу тоже очень сильная, но она не хочет принимать участие в деятельности Терхенетар, хотя знаниями делится, и очень многому научила нас. До того, как Кармилла её похитила, у новой веды была трудная жизнь, и наш Мир она до сих пор считает идеальным. В мире людей у неё не было близких, Абангу была изгнана из племени и жила отшельницей. Но Госпожу Ведьму и цыганку она не любила за их суетность, которая мешает им делать настоящее колдовство, так она говорит мне, по крайней мере. В какой-то момент Терхенетар перестала проводить свои опыты и, остановившись на том, чего они уже достигли в приготовлении всяческих зелий, передала знания нескольким слугам в замке, чтобы при необходимости все процедуры выполняли они, но это случилось уже много позже.

В один из дней врата распахнулись шире обычного, и в Мир Теней хлынуло самое чудовищное нашествие, с которым только можно было столкнуться — дети, они заходили по одному и по двое, но поток их был неиссякаем. В то время вместо слуг в старом дворце уже жил Магнус, Привратник, вместе со сворой псов, которые охраняли подступы к воротам от любопытных. Он был во дворе и играл с одной из своих собак, когда увидел, как от ворот к нему идут эти мальчишки, а там были только мальчики от пяти до шестнадцати лет. Старшие держали маленьких за руку, кое-кто посадил малышей на плечи. Все в белых саванах, подобные церковному хору, они шли в лучах солнца к первому зданию, которое увидели. Обычно те, кто входят в ворота почти сразу растворяются в воздухе, неподалёку от входа, чтобы занять готовое место где-то внутри Королевства, но эти дети явно не понимали где они и что им делать. Магнус разместил их в старом дворце и поскакал в столицу. Совет, под давлением Терхенетар, постановил основать для размещения детей город Гирфентейн. Следить за ними предложили ведам, сославшись на наши знания врачевания, и замковым слугам, которых тщательно отбирала сама Госпожа Ведьма. Пока строили город с рядами спальных зданий, игровых, учебных и так далее, мальчики продолжали жить в старой резиденции, сводя с ума угрюмого привратника, нас троих и прислугу из числа теней, преданность которой была несомненна.

Вскоре к нам прибыла Марго, четвёртая веда. Марго была образованной красавицей без малейших навыков и познаний в магии и боялась даже произносить это слово, так как видела однажды казнь ведьмы, и любое упоминание о волшебстве едва не лишало бедняжку чувств. Это вдохновляло меня на долгие беседы с ней о заклинаниях и вызове духов, в которых я значительно приукрашивала мрачность ритуалов и их последствия. Но постепенно она смирилась со своим положением и с большим энтузиазмом принялась помогать Кармилле и Терхенетар, открыв в этом для себя вполне научный интерес, так они и возились втроём со своими зельями. Марго мы были обязаны своим Кодексом Вед, она была большой любительницей всё записывать и упорядочивать, к тому же теперь мы стали носить униформу — зелёные платья, только Терхенетар неизменно ходила в чёрном. Четвёртая веда не любила рассказывать о доме и семье, но если вспоминала, то впадала в апатию на несколько дней и часто глаза её были красными и опухшими. После одного из особенно долгих периодов хандры, было решено тщательно выбирать девушек, а не утаскивать первых встречных. К тому времени, наши королевы уже проживали долгую жизнь, и перспектива стать правительницей целого Мира вдохновляла многих, про риски всё-таки не распространялись. Чаще всего мы гуляли по городу и присматривались к девушкам, которым приходилось нелегко, например, к работницам фабрик или жительницам бедных районов, не успевшим загрузеть в неказистой среде, и спрашивали об их жизни и семье. Многие соглашались уйти сразу. Ничто не держало этих девушек в человеческом мире. Некоторые из них прощались с близкими или оставляли письма. Конечно, они рисковали, уходя с незнакомками, обещавшими такую дичь, кое-кто думал, что это просто метафора, а на самом деле их зовут на хорошо оплачиваемую работу. Но из тех, кого мы забирали с приготовлениями и разговорами, почти никто не пожалел о своём выборе, так как их ждала жизнь настоящей королевы. Мириам называет их Золушками и часто повторяет, что с удовольствием поменялась бы с ними ролями.

В один траурный день, я удостоилась чести быть отправленной за будущей претенденткой. Меня снабдили всеми советами и предостережениями, которые только можно было придумать, так как мои предшественницы всё же никогда не задумывались над тем, что может случиться в пути и боялись ужасно, но я их уговорила. За всё это время мир людей изменился. Марго, которая была из страны, соседней с моей, рассказывала о невероятных нововведениях, а я ей описывала свою уже древнюю для неё бытность, чем приводила в неопикуемый восторг. Мне безумно хотелось посмотреть на произошедшие перемены, и в итоге я победила, пообещав выполнить всё в лучшем виде. Своё обещание я сдержала и моей первой королевой стала девушка Татьяна из очень холодной страны. Она была знатного рода, но жертва несчастной любви и бесконечно грустна и потеряна. По поводу знатности мне, конечно, предъявили претензию, так как было решено всё же помогать обездоленным, но новая королева была так мила и неприхотлива, что мне всё простили и стали часто отпускать за претендентками. Постепенно ходить «в люди» стали все веды, а кодекс и Гирфентейн создали нам заботы, так что появилось правило, по которому новая веда становится помощницей той, которая её привела, пока сама не вернётся с ведой. А, видят духи, как нам нужна порой эта помощь.

Следующую привела Абангу и звали её Самра. С этой девушкой ты знакома. Поначалу она была бесконечно скромна и предупредительна, со всеми соглашалась и помогала при первой возможности, но со временем стала всё чаще срываться. Абангу нашла её в госпитале и, видя, что та ужасно боится умереть и горящими глазами лихорадки смотрит из иссохшего

тела в жаркую ночь, подошла к ней и стала спрашивать, по нашему сценарию, о родных. Но Самра, резко обернувшись к ней, хрипло прервала: «забери меня в лучший мир или убей прямо сейчас, всё лучше муки, в которой я валяюсь разлагающимся трупом». Суеверная Абангу больше не раздумывала, а тут же, в темноте палаты, забрала умирающую. Разумеется, она понимала, что девушке не выжить, но бросить её там не смогла. Так что, когда Самра вдруг начала ругаться из-за того, что её заманили в этот полумирок, изумлению всех, а тем более Абангу не было предела. В конечном счёте, эта бунтарка заявила о том, что собирается стать свободной от этой ведовской рутины, убивающей её своим ущербным однообразием. Что вышло из этого маленького бунта ты знаешь.

Потом Марго привела Мириам, и в моей жизни появился настоящий лучик света, потому что она была ещё непоседливее меня, а это не просто талант — это Дар. Мириам оказалась созданием абсолютно отрешённым от действительности, больше всего на свете она любит сказки, которые знает в огромном количестве и постоянно рассказывает всем, кто хочет слушать. К сожалению, многие из них совершенно девчачьи и не нравились мальчишкам, но потом мы с ней стали их переделывать не от лица принцесс, а от лица их воздыхателей с приключениями и сражениями, без особой психологической драмы, свойственной всем этим отношениям с сёстрами, мачехами и прочими девичьими недоброжелателями. Пока остальные колдовали, мы рисовали картинки, изображающие сцены из сказок, а потом создали и свой кукольный театр, а мальчишки стали придумывать свои истории и создали настоящий театр для себя. У Мириам при жизни были маленькие сестрёнки, которых забрала чума вместе со всей её семьёй. Сама она чудом избежала гибели, но не радостным стало для неё это избавление. Ни дома, ни родных. Вся жизнь девушки состояла из забот о младшеньких, для которых она и собирала всевозможные истории, чтобы рассказывать им перед сном. Когда Марго увидела её промокшую под дождём, просящую милостыню у какого-то злчного места, то, не раздумывая, пошла к ней. Мириам потянула руку к проходившему мимо человеку неопрятного вида, заметив её, мужчина схватил девушку за подбородок и повернул к свету. Когда девушка высвободилась и отбежала, то вслед он крикнул что ей пора зарабатывать, а не клянчить. Марго догнала бедняжку в зловонном переулке, кишевшем крысами и, без труда уговорила её отправиться сюда.

Конечно, брать тех, чья жизнь висит на волоске от недоедания, болезней и хрупкого строения, это заведомо оттягивать срок межсезонья, но надо было видеть лицо Терхенетар всякий раз, как очередную замарашку с гибельной судьбой удавалось вытащить из нашей «юдоли». Всё же здесь были светлые моменты, но где их нет. Веды отправлялись обратно и уже наверняка, а мы плотней задёргивали шторы, и просили милости у духов. Никому больше не удалось привести двух девушек сразу, хотя попытки были. Это из-за ритуала, предваряющего переселение, чтобы королева прожила долгую жизнь. Должное воздействие мы можем оказать только на одного человека, а потом сразу надо кутаться в саван, порядком потрепавшийся за эти годы.

Следующая из нас звалась Алита и нашла её Мириам в лесу, когда она пряталась от злых людей спаливших её деревню, вырезавших племя и теперь рыскавших в округе в поисках спасшихся, чтобы сделать их рабами. Увидев веду, она закричала и кинулась с ножом на неё, едва не убив мою миниатюрную подругу. Пока Мириам уворачивалась от нападавшей, на вопль Алиты сквозь заросли уже пробирались её истинные враги. От веды испуганную беглянку отвлек грубый окрик мужчины, увидевшего девушку и, прицеливаясь, предложившего сдаться. Алита резко метнула в него свой нож и попала прямо в сердце.

Оставшись безоружной и оглядываясь на догонявших преследователей, она кинулась через бурелом, Мириам, держась немного в стороне, следовала за ней, боясь подойти пока погоня не отстанет и беглянка не успокоится. Но преследователи решили не тратить на поимку Алиты времени и начали стрелять, большинство пуль попало в деревья, но нашлась одна, которая вонзилась в спину девушки. Выгнувшись, жертва вскрикнула и упала на засыпанную иголками землю, по которой ребёнком бегал ещё её дед, играя с братьями и друзьями. А сейчас нога чужаков ступала по ней, чтобы добить последнего из выживших потомков людей, когда-то поставивших здесь своё первое жилище. Не дожидаясь развязки, Мириам подбежала к умирающей и забрала её. Последнее, что она увидела это недоумение на грубых лицах, перед которыми среди зимнего леса появилась легко одетая девушка, похожая на сильфиду.

Алита была более расположена к магии и шаманизму, чем я, но менее расположена к изобретательству новых зелий, чем Марго и тяготела к спокойным медитативным ритуалам Абангу, большую часть времени проводившей на природе. Так что наши практикантки от магии разделились на два клана, но занимались поисками одних и тех же ответов. Только для одной группы это было желанием сделать наш Мир немного лучше, а для другой дополнительным средством манипуляции и самовозвеличивания.

Мои королевы по-прежнему были живы-здоровы, а Кармила била все рекорды по смертности претенденток. Следующей её жертвой стала красавица Линг. Доброта, искренность и тонны терпения с бесконечным запасом любви к окружающим людям независимо от их поведения, в этом настоящая магия этой веды. Она помогает Абангу и Алите в ритуалах, но сама никогда не пробовала сделать что-нибудь волшебное. Кармила забрала её, когда очередные войны, развязанные людьми, разрушали Родину девушки и единственным аргументом, который склонил Линг уйти с незнакомой цыганкой это обещание мира. "Лишь бы без войны». Хотя поверить в мир, где совсем никто не воюет, она не смогла, но в то, что не может существовать более разрушительного пространства, чем то, которое она покинет, поверила сразу. Так нас стало восемь.

Девятой стала Махтаб, её привела Самра, тогда ещё вполне довольная своей новой жизнью. Эта веда стала нашей с Мириам хозяйкой, помогала смотреть за мальчишками и сделала наш довольно беспорядочный городок образцовым полисом. Наши магически одарённые веды часто оставляли всё хозяйство на нас, а мы оказались не очень приспособлены к этому, за нас обеих прежде всё делал кто-то другой. Махтаб же уже успела побывать матерью и потерять своих детей во время катастрофы. Узнав, что здесь целый город бессмертных мальчиков, за которыми присматривают веды и который она вольна посещать, когда захочет, эта добрая душа отправилась с Самрой и до сих пор считает себя счастливницей, так как нет для неё большей радости, чем забота об этих застывших в невинности душах. Магией она не занимается, только бытовой, что в наших рядах особая редкость. Вообще проект закрытого города, посещать который можно только избранным или в большие праздники, когда здесь устраиваются лучшие аттракционы в Мире (без ложной скромности утверждаю это), изначально выглядел странным, но впоследствии мы поняли всю гениальность такого решения. Гирфентейн самый лучший город, который я когда-либо знала и это не похвальба патриота, но освещение непреложного факта. Единственное место, которое не смогла затронуть деградация остальных только из-за нашей замкнутости от окружающих.

После Махтаб к нам в объятьях Линг прибыла Катарина. Гордая, сильная и

амбициозная. Наши детские шалости она презирала, шаманизмом Абангу и коспании не интересовалась, а вот замок Терхенетар сразу же вызвал у неё искреннее одобрение. Линг нашла её в бродячем цирке, где она, несмотря на юный возраст, уже звалась мадам и демонстрировала фокусы, выдавая их за волшебство. Дар к волхованию у неё был, и в компанию к Госпоже Ведьме она вписалась без особых хлопот. Катарина прибыла к нам, купившись на власть и богатство.

Одиннадцатая веда нашлась в лесу, она заблудилась в лютый мороз и уже коченела в ясную ночь. Ель, раскинувшая над девушкой обледеневшие лапки, почти скрыла Велесу. Абангу, никогда не бывавшую на холоде и не видевшую снега, а такого, как описывает свой край Велеса и я не видала, поначалу совсем растерялась и подумала, что попала в какой-то незнакомый мир. Веточка, под которой находилась девушка, тихо закачалась и при лунном свете Абангу смогла разглядеть тело и забрать его с собой. У нас оно отогрелось и даже осталось благодарным, но история Велесы, до того, как она потерялась, была очень счастливая, и уход из родного мира был для неё не менее тяжёл, чем для Марго, на том они и сдружились. К тому же эта девушка занималась врачеванием у себя дома и была из богатой и уважаемой семьи, славящейся своими знахарскими талантами, переходившими из поколения в поколение.

Двенадцатую привела Махтаб. Звали её Тереза, и она бежала от ужасной войны, захватившей по её словам весь мир. История этой веды была, по её же мрачному выражению «такой же, как у всех в те годы», то есть насилие, убийства близких из-за убеждений какой-то группы людей из соседней страны и рабство за колючей проволокой в нечеловеческих условиях, откуда Махтаб её и вытащила. Тогда мы, выхаживая Терезу и помогая ей всё это забыть, каждый день благодарили духов и, разумеется, друг друга за то, что далеки от мира, в котором творится этот кошмар.

Самой веселой ведой стала Агата, которую Велеса забрала из сумасшедшего дома. История Агаты до сих пор тайна для меня, да и для всех остальных, кроме Велесы и, может, Терхенетар. Она не любит рассказывать о том, как оказалась там, и остался ли кто-нибудь из близких ей в мире людей. Когда Велеса очутилась в коридорах, по которым блуждали пациенты, миролюбиво обтирая стены, то, не раздумывая, направилась к выходу из заведения, надеясь встретить грустную медсестру или просто выйти к нормальным людям, но тут путь ей преградила огненно-рыжая девушка с большими зелёными глазами, смотревшими в упор на растерянную веда. Вести в Мир сумасшедшую, к тому же, судя по виду, категорически счастливую, да и расспрашивать о желании покинуть этот мир ради другого, всё это казалось ей неразумным, и потому Велеса попыталась обойти Агату, но та вцепилась ей в руку. Глядя совершенно безумными глазами, девушка прошептала: «я абсолютно нормальная, ты меня уведи отсюда и я докажу». Веда попыталась отстраниться, но безрезультатно. Решение забрать несчастную созрело молниеносно, когда она увидела в конце коридора людей, громко окликнувших Агату и пригрозивших ей карцером за непослушание, тот ужас и беспомощность которые увидела Велеса, на только что улыбавшемся лице, поразили её, но ещё страшнее были попытки улыбнуться снова и шёпот «пожалуйста» дрожащими губами. Вглядевшись, веда поняла, что Агата просто пыталась выглядеть дружелюбной перед незнакомкой и понравиться ей, несмотря на сковывавший её ужас перед санитарями. О подобных заведениях наша посланница только слышала, но ничего хорошего о них никто не мог рассказать, и вскоре новая веда уже предстала перед Терхенетар. Не знаю, излечилась ли Агата на тропе или изначально была полностью

вменяема. Да и судя по тому, что рассказывала Тереза, гонения на нормальных людей вписываются в философию человеческого мира. Магия Агаты — нескончаемые волны счастья, щедро проливаемые на Гирфинтейн.

Последней, о ком я расскажу тебе сегодня, будет синеглазая брюнетка, появившаяся у нас после последнего путешествия Госпожи Ведьмы, решившей взглянуть на человеческий мир, перемены которого заинтриговали даже её, но ненадолго. Когда Терхенетар вылезла из безлюдного ущелья тёмных закоулков большого города, то не поверила своим глазам, как рассказывала нам потом. Наш наряд, если мы оказываемся среди людей в тёплую пору, не привлекает внимания, и ведьма смело гуляла по оживлённым улицам, всматриваясь в витрины и особенно людей. Судя по её рассказу, был выходной, так как взрослые шли с детьми, никуда не торопясь, и кафе были переполнены отдыхающими, а у зданий выстраивались очереди желавших купить билеты на представления, видимо кино и театр или цирк. Терхенетар призналась, что почувствовала искреннюю радость, глядя на этих счастливых людей, и подумала тогда же, что они добились настоящей свободы и процветания. Ведьма почти прониклась уважением к роду человеческому, которое потеряла когда-то. Вскоре наступил вечер. Она присела отдохнуть в парке и стала любоваться идиллической картиной, когда на дорожке появилась группа молодых людей, шедших за юной девушкой. Её звали Аврора, и она выглядела очень несчастной. Те, кто шли за ней явно говорили что-то неприятное, кто-то толкнул её в плечо, и девушка чуть не упала. Сгорбленная, зажатая, с неуместной полуулыбкой на лице, как будто ей тоже было весело всё происходящее. Терхенетар говорила, что никогда ни до, ни после не видела такого потерянного создания. Когда компания проходила мимо, она услышала что над девушкой просто издеваются. Очередной толчок достиг своей цели, и Аврора упала, больно ударившись, уголки губ дёрнулись и вернулись в состояние той же улыбки, то ли просящей, то ли понимающей грубую шутку. Вокруг всё так же гуляли люди с детьми, но эта ситуация оказалась незамеченной. Все радовались своему благополучию и прекрасной погоде. Терхенетар пошла следом за компанией и наблюдала за тем, какое искреннее веселье получают люди от унижения себе подобного, от того факта, что могут иметь власть над чувствами другого. Как убого и жалко распоряжаются этой властью, как в каждом своём жесте проявляют всё ту же безобразную животную суть, от которой сбежала шаманка много веков назад. В конце концов, молодые люди остановились перед ветхим, покосившимся домиком и под громкие крики и смех девушка вбежала в свой дом, компания ещё кинула в её жилище пару камней и пошла дальше. Терхенетар оставалась неподалёку и ждала, вскоре появился пьяный мужчина и в доме начался скандал. Аврора выбежала и, не глядя ни на что вокруг, помчалась в сторону парка. Когда наша патронесса догнала её, лицо девушки было опухшим от слёз, она направлялась к кладбищу. Аврора остановилась перед надгробием своей покойной матери и здесь Терхенетар решила поговорить с ней. Конечно, в такой момент, в таком возрасте, многие согласились бы сбежать хоть в загробный мир, но жизнь в месте, где тебя презирают за то, что ты беден. Ни глуп, ни зол, ни подл, а просто не имеешь возможности покупать больше, чем нужно, а в современном мире людей именно это стало называться бедностью. Стоит ли возможность отомстить такому миру десятилетиями жизни в нём? Так к нам присоединилась ещё одна веда.

Не знаю, звали ли все эти девушки нас в своих мыслях или этот Мир ждал именно их и направлял вед к ним на выручку. Но с тех пор, как было решено забирать лишь того, кто действительно готов уйти, мы оказывались рядом и всегда находили в толпе тех, кто был нам

нужен... и кому нужны были мы.

Урсула глядела на огонь, и лицо её казалось заметно повзрослевшим, словно неподъёмное бремя навалилось на эти хрупкие плечи.

— А пятнадцатая веда?

— Завтра.

— А моя судьба?

— Завтра. Сегодня уже слишком поздно, а у тебя впереди ещё множество подвигов на ниве нашего хозяйства, так что лучше отдохни.

— Неужели там рассказа ещё на целую ночь?

— Спокойной ночи, Елизавета.

— Ну...

— Завтра.

Лиза ушла в свою комнату, оставив Урсулу в одиночестве смотреть на пламя очага. «По крайней мере, быть ведой не так одиноко, как быть королевой и значительно дольше» подумала она перед сном.

Глава 12. Магнус и Анна

Ранним утром в Фьеле, в зал Совета подтягивались сонные министры. Зевая и корча друг другу плаксивые мордочки, доказывавшие солидарность собравшихся. За столом уже находились Вёльф, Илорен и Терхенетар, все трое выглядели усталыми. Собрание расселось по своим местам, и начало совещанию положил Илорен:

— Уважаемый Совет, сведения собранные нами неутешительны и хотя мы тщательно отбирали лишь видных деятелей регионов, но опрошена, несмотря на это, лишь четверть прибывших на празднества. О похищении никто не знает, воинов до сих пор никто не видел, но эти сведения всё же устарели, так как гости выехали задолго до последних событий. Путешественники, отдыхающие во дворце, так же рассказывали о малозаметных переменах, произошедших в Мире, но никакой опасности они не встречали на своём пути. Сейчас мы продолжаем набирать добровольцев во всех пределах Королевства, и кузнецы повсеместно изготавливают вооружение и доспехи для наших защитников. Гвардейцы будут обучать их основным навыкам. Какие ещё действия мы предпримем? Думаю необходимо назначить наместников в регионы, чтобы лучше контролировать ситуацию, но как об этом сказать аристократам, не привыкшим к дисциплине и надзору, да и как их выбирать, учитывая непомерную амбициозность каждого из домов?

— Никогда не думал, что буду вынужден заниматься своей непосредственной деятельностью в нашем Мире. — С грустью сказал военный министр. — Откуда свалилась на нас эта чума?

— Проникла следом за Магнусом и Мортотом после того, как они оставили дверь в Королевство нараспашку. — Ответила Терхенетар. — Сейчас тот, кто пришёл сюда вместе с воинами и освоился где-то в нашем Мире, строит планы по расшатыванию и захвату власти. Выявить очаг, из которого исходят волны этого хаоса невозможно. Так что, кто бы ни подначивал народ, он делает это без колдовства.

— Тогда как объяснить остальные перемены?

— Я не знаю. — Госпожа Ведьма ответила и твёрдо посмотрела в глаза спрашивавшего министра по связям с общественностью. Впервые она решилась на подобный шаг, но придумывать отговорки, как Терхенетар порой делала раньше, не желая признаться в своей беспомощности и при этом остававшейся один на один с загадкой и ответственностью за её решение, ведьма больше не желала.

— Гхм... — выразил общее мнение министр внутренних и, за неимением оных, но для полноты слога, внешних дел.

— Гхм... — подтвердил министр чрезвычайных ситуаций.

«Дай им волю, и они сожгли бы меня на ритуальном огне, в надежде на чудо, без малейших угрызений совести и уверенности в том, что это сработает» — закончила их мысль про себя Терхенетар.

— Госпожа Ведьма просто раздражена неуместным вопросом, так как это мы должны бы докладывать ей о результатах своих умозаключений, а не требовать и сведений и разрешения проблем только от вед, — сгладил общую неловкость премьер-министр. — Если вы помните, то на собрании в тронной зале уже было сказано, что причиной послужило пришедшее в наш Мир зло. Нет основания не доверять подобной версии. Все мы знаем, что

королевство наше хрупко, мы никогда не тревожили людей напоминанием о своде законов, а они почти никогда их не нарушали. Исключения были столь редкими, что можно сосчитать их по пальцам одной руки. Раньше это благоразумное невмешательство помогало всем сосуществовать мирно и любить правителей, но это время закончилось и каждый из нас должен всерьёз задуматься: остаётся ли он министром и собирается ли выполнять свои обязанности советника или покинет свой пост.

Договорив, Вэльф поморщился, поняв, что почти дословно повторил слова Илорена, сказанные ему накануне.

— Генрих, ты неверно истолковал нашу реакцию, никто не собирается бросать Королевство в трудную минуту, но мы прежде всегда оказывались не у дел. Наше присутствие было подчёркнуто номинальным, и глубокоуважаемая Госпожа Ведьма сама всегда ставила нас в положение статистов, занятых ерундой... — тоном оскорбленной добродетели начал министр информации Майвор Страусс, но Илорен перебил его.

— Драгоценный Майвор, мне даже в голову не могло прийти, глядя на ваше сонное, лоснящееся от аппетита лицо, что в глубине души вы стремитесь принимать активное участие в общественной жизни и алкаете настоящей деятельности. Ваше рвение и оскорбление, которое было вам нанесено нашим невниманием, должно быть немедленно исправлено. Сегодня же, по окончании совещания, вы отправитесь в экспедицию по королевству, и будете собирать сведения о том, где идеи бунтовщиков появились раньше и укоренились сильнее всего. Каждые несколько дней вы будете присылать отчёты о своём расследовании.

Сложно было не умилиться, глядя на растроганное до слёз королевской заботой лицо министра Страусса никогда не покидавшего пределы Фьелы и смертельно боявшегося лошадей и путешествий. Сейчас он готов был рыдать, как дитя, глядя в сияющие решимостью и верой в него глаза Илорена, речь которого продолжил Вэльф:

— Отныне ваше рвение, господа, найдёт себе применение. Так как поле деятельности, в связи с запущенностью государственных дел, необъятное, то, как вы сами понимаете, энтузиасты нужны правительству, как воздух. Если кто-нибудь ещё хочет высказать давно копившиеся идеи и пожелания, связанные с исполнением своего долга, пусть выскажется.

Госпожа Ведьма мысленно передала все дела этим двоим и впервые перестала притворяться сильнее, чем была. Она выключилась из общего обсуждения и стала просто наблюдать и слушать со стороны. Ей приятно было видеть, что сегодня Илорен и Генрих поддерживают друг друга, что министры всё больше включаются в обсуждение и уже не требуют ответов, но строят предположения и глаза их загораются интересом.

Мир Теней становился живым, но сложным или наоборот. Терхенетар так хотела сохранить его неизменным, вечным добром, пусть и застоявшимся во времени. Но вечность слишком много для обычного человеческого разума, привыкшего к монотонной работе и не умеющего развлекать самого себя ничем, кроме горячительных напитков, а это значит, что этому разуму необходимы перемены и срок, в который нужно успеть «прожить достойно», чтобы оправдать своё существование и сгинуть. Здесь же, в Мире Теней, бесцельность жизней большинства его обитателей должна была прорваться бунтом, но фантомность Королевства неизменно сглаживала все шероховатости и туманила разум своих жителей. «Магнус и Анна порвали мембрану реальности, и теперь нам предстоит либо попробовать затянуть её, либо наблюдать, как расползается дыра в этой хрупкой материи, превращая мою любимую обитель бессмертных в ненавистную юдоль обречённых». Последнее посещение

мира людей показало ей, что они стали жить веселее, проще. И в то же время она видела, как те же люди не устают находить поводы для уничтожения себе подобных не только физически, но и морально, что казалось ей даже более страшным. Они постоянно совершенствуют способы, придумывая такое оружие, которое унесёт больше жизней, ещё больше и пугают им друг друга. Вот почему она так страшилась перемен. Развитие в её понимании могло привести к соперничеству, а соперничество развязать войну.

Пока Терхенетар размышляла о будущем, совет подходил к концу. Настало время обсудить погребение гвардейцев и Марго с Кармиллой. Церемонию было решено провести на закате, прервав на это время допросы. Подводя итог, Госпожа Ведьма произнесла:

— Веды будут в столице сегодня днём, в Гирфентейн направили отряд гвардейцев и замковых слуг, чтобы присмотрели за мальчиками, пока девушки будут здесь. Завтра в это же время повторится совещание, мои помощницы примут в нём участие. Удачного дня, господа.

После этих слов все поднялись и разошлись выполнять свои обязанности. Илорен приобнял Майвора и повёл его выбирать экипаж для путешествия. Терхенетар и Вэльф пошли в дворцовые апартаменты ведьмы.

— Тебе здесь понравилось? — удивлённо приподняв бровь, спросил премьер.

— И сейчас я покажу тебе что именно.

С этими словами она распахнула перед министром двери таинственного сада. С заметным удовольствием ступил он на тропу, ведущую к юрте, а Терхенетар начала рассказывать предысторию создания Мира.

Тем временем король собрал в дорогу министра информации, посадил к нему в спутники пару весёлых путешественников, не устававших подтрунивать над дородным Страусом, и дал последние наставления о том, что хочет узнать из докладов Майвора. После этого Илорен прошёл напрямик в замковые подземелья, чтобы лично присутствовать на допросе арестантов. Все предыдущие попытки ни к чему не привели, все участники нападения на Елизавету упорно отказывались отвечать на главный вопрос — кто был зачинщиком беспорядков.

Илорен впервые решил участвовать в процессе допроса, и поэтому был мрачен, ожидая мучительных картин осунувшихся узников в холодном мрачном помещении. Тюремный начальник Рамси встретил его очень приветливо и отвёл в свой кабинет, сказав, что именно здесь он обычно проводит поистине тягостные для всех процедуры. Это оказалась неожиданно уютная комната, обставленная комфортной мебелью и всяческими безделушками. Хозяин кабинета был, очевидно, человек начитанный, гуманитарный склад ума Рамси смотрел и из очаровательных пасторальных пейзажей, в избытке развешенных по стенам, и из многочисленных статуэток, изображающих различных животных, и из массивного книжного шкафа, забитого увесистыми фолиантами.

— Где же сидят арестанты во время допроса?

— У меня всё предусмотрено, Ваше Величество, индивидуальный подход к каждому. Вы знаете, есть очень тактичные люди, а есть и такие с кем надо поостороже. Первых я принимаю вот здесь, за чайным столиком и мы беседуем о том, помнят ли они, кто был зачинщик, а вторые вынуждены обходиться без чая и уже за письменным столом вот на этом неудобном стуле.

— И каждая из встреч с бунтовщиками проходила таким образом?

— Все, кроме первой, тогда всем был предложен чай в уютном креслице за столиком.

Рамси был неприлично серьёзен, рассказывая о своём видении дознания. Илорен тоже не видел в этом ничего смешного, а вспоминал, как этот человек занял подобную должность и не мог.

— Собственно это не важно, — со вздохом прервал он свои размышления. — Есть ли помещения, предназначенные специально для допросов?

— Разумеется, Ваше Величество, но там сыро и не уютно, — поморщившись, пожаловался главный тюремщик.

— Придётся потерпеть, Рамси, потому что если эти люди не заговорят — я их казню.

— Ваше Величество шутит?

— Нет, проявляет милость. Твои методы заслуживают снятия с должности. Сегодня допрос будет неудобным и в моём присутствии. Начинаем прямо сейчас, надеюсь, ты не распустил всех на завтрак по домам?

Трогательно всхлипнув от сурового тона правителя, Рамси отрицательно помотал головой и посеменил давать соответствующие распоряжения, а король, опустившись на стул для плохих арестантов, обхватил руками голову.

Вскоре Илорен уже сидел в комнате с голыми стенами, вместе с Рамси и секретарём. Потянулись часы допроса. Начинал действие начальник тюрьмы, называвший имя, род деятельности и семейное положение арестованных, а вопросы задавал Илорен, заканчивая словами:

— Признаёшь ли ты себя виновным и раскаиваешься ли в своём поступке?

Большинство, робея перед королём, отвечали утвердительно и просили о помиловании. В основном это были незначительные люди, не приносившие обществу особой пользы, поэтому им и доставляло удовольствие куражиться в тюрьме, играя в революционеров. Но появление Илорена показало, что дело серьёзное и может вылиться в суровое наказание. Несколько человек признались, что их подговорили на это непотребство товарищи, других подкупили какие-то горлопаны из трактира, третьи не помнили, что на них нашло, и списывали своё поведение на следование за толпой и помутнение рассудка. Все простолюдины были отправлены по домам, в сопровождении гвардейцев, которым было поручено взять с них штраф и допросить близких. Отпуская каждого из подземелий, правитель напутствовал подданных словами:

— Следующее нарушение будет для тебя роковым.

После этой фразы бледный хулиган кланялся и уходил вместе с приставленным к нему солдатом, которому ранее было поручено сначала официально вернуть нарушителя домой, а затем, передевшись горожанином, тайно следить за ним. Король надеялся, что один из этих людей окажется связанным с похитителями и наведёт на их след.

Барона и его вассалов также допросили и некоторые из них были немедленно отпущены после заверений в преданности короне, и клятвенных обещаний не замышлять ничего против правительства, но сам Магор и несколько рыцарей из его свиты отнеслись с презрением к предложению короля извиниться, и были отправлены обратно в темницу.

Никто не думал, что тюрьма когда-нибудь пригодится, и отдельное здание так и не было построено, но из-за тех нескольких нарушителей, дело которых дошло до суда, были выделены замковые подземелья, а к ним и Рамси, живший там вместе с одним охранником. И никаких палачей, следователей и прочих служителей порядка.

Вымотанный и расстроенный Илорен вышел во внутренний двор в тот самый момент, как Агата спешила со своей лошади, следом из экипажей стали выходить веды, менее

любившие верховую езду. Не желая ни с кем разговаривать, король незаметно завернул в первую попавшуюся дверь и пошёл в свои покои, чтобы обдумать, как быть с теми, кто открыто собирается противостоять правительству. Но ему было не суждено остаться наедине с собой. Как только Илорен вышел в коридор, ведущий в его апартаменты, к нему бросился Ульрих и взволновано просил навестить Привратника. Поначалу король не понял, что стряслось, но затем, не дожидаясь любимца Терхенетар, бросился обратно в замок.

Морт, которого покидали последние силы, попытался приподняться на своих подушках, потянувшись к королю, но немедленно рухнул обратно и мучительно сморщился.

— Не надо, Морт. — Илорен присел к нему на постель и, внимательно всматриваясь в осунувшееся бледное лицо, всё-таки не удержался от банальности — Как ты?

— Не важно, Ваше Величество, во всех смыслах этого слова, — усмехнулся Привратник, — но, если не шевелиться, то ещё немного протяну без особых мучений. Спасибо что откликнулись на мою просьбу, я знаю сейчас тяжёлые времена в королевстве.

— Мы преодолеем невзгоды, не думай об этом. Что я могу сделать для тебя?

— Выслушать, поверить и не осуждать.

— Я всегда верил тебе, сам знаешь. Я слушаю.

Сейчас, когда король внимательно всматривался в его лицо, ожидая исповеди, Морт прикрыл веки и начал своё повествование слегка дрожащим от слабости и волнения голосом.

— Не все поверили тогда, что я не убивал Магнуса и Анну. Большинство решили, что меня послали вы и стали называть королевским псом и приписывать зверства, на которые мне не хватило бы ни смекалки, ни мужества. — Умиравший попытался усмехнуться, но только раскашлялся и, презрительно сморщившись на свою слабость, продолжил — Магнус был моим другом, я часто приезжал к нему во время отпуска, знал всех его собак по именам и характерам почти также, как их хозяин. Я весьма замкнут, что довольно необычно для гвардейцев Вашего Величества. Только с таким же нелюдимом, всю привязанность посвятившим своим четвероногим, я чувствовал себя комфортно. Наша дружба насчитывала не один век, когда веда привела к нам Анну. Поначалу ничего не менялось, только приятель мой стал раздражителен, невнимателен и искал одиночества, избегая даже меня. Я старался не тревожить его, чтобы не испортить отношения ещё больше, но со временем начал допытываться, что произошло и не могу ли я как-нибудь улучшить его настроение. И Магнус рассказал мне о том, что претендентку привела Урсула, буквально принесла на руках и сказала ему о том, что девушка может умереть в любой момент, так что нужно быть очень внимательным к её состоянию, а сама ушла, что является нарушением правил, ведь именно веда обязана следить за будущей королевой. Никогда прежде Магнуса не оставляли в сиделках, но спорить он не стал. Анна металась во сне, лепетала что-то непонятное на своём языке и долго не открывала глаза. Всё это время Привратник дежурил у её изголовья, поправляя постель, протирая тело, покрывавшееся потом в горячке. Каждая из девушек по-разному приходит в наш Мир, и для Анны это был очень утомительный путь. Не знаю заботы о ней или просто красота и беспомощность завладели сердцем моего горемычного друга, но когда претендентка очнулась и начала изучать этикет под руководством дворцового церемониймейстера, Магнус всегда находил повод быть неподалёку, и слишком часто девушка ловила на себе его задумчивый взгляд. Но вот её увезли в Селаркацу, и всё в старом дворце вернулось на круги своя, кроме покоя Привратника. Ни охота, ни починка медленно рассыпающегося дворца не могли отогнать навязчивый образ из мыслей. Так проходили

годы.

В одну из дождливых ночей, когда на улицах не было ни одной живой души, в двери дворца робко постучали, собаки, обычно рычавшие на всякого незнакомца, завиляли хвостами и бросились к входу. Магнус открыл и, промокнув насквозь, королева вошла в холл. Анна отклонила все расспросы, сказав, что прибыла по собственному желанию, без попутчиков и по важному для неё делу, о котором расскажет, когда немного передохнёт. Пока она согревалась в тепле у огня, Магнус старательно избегал смотреть в её сторону и, сосредоточившись на языках пламени в камине, ждал объяснения этого удивительного происшествия. Потом королева робко и неслышно подошла к нему и, бросившись на колени, стала просить о чём-то невероятном:

— Магнус, я вижу, что ты единственный кому я не безразлична в этом странном Мире, пожалуйста, не дай мне сгинуть здесь в нелюбви. Илорен не замечает меня, а Терхенетар ненавидит, моя жизнь стала пыткой. Век мой короток и даже прислуга не спешит ко мне привыкать, дни в этом удушливом безразличии и презрении к моей человеческой слабости невыносимы мне.

Ужас, сковавший его, был настолько сильным, что Магнус не сразу догадался поднять королеву. Но, опомнившись, он пообещал сделать для неё всё, что будет в его силах. И снова оказался в сиделках, когда беглянка забылась беспокойным сном.

Простите, Ваше Величество, что мой рассказ слишком длинен, но вы должны узнать, почему Магнус пошёл на подобный шаг, несмотря на то, что всю свою жизнь был предан вам всей душой.

Конечно, на следующий день, он привёз королеву обратно в Фьелу, хотя её решимость покинуть Мир любой ценой, была, казалось, ещё сильнее, чем накануне. Анна твердила, что веды рассказали ей о том, что она жива и может вернуться домой, если выйдет из ворот. Кто говорил ей об этом, она не призналась, только твердила, что это сработает, если она пойдёт с Привратником. Напоследок, когда он помогал ей выйти из экипажа, Анна шепнула что спрыгнет с замковой стены, если он ей не поможет. С тем он и вернулся домой.

Впоследствии Магнус стал наведываться во дворец по разным делам и узнал от одной из вед под большим секретом, что слова Анны правда и это смогло бы вернуть её в прежний мир. Так у них начал зреть безумный план. Меня мой друг посвятил в детали для того, чтобы я ждал у ворот и смог защитить королеву, если что-нибудь пойдёт не так. И я стал пособником во всей этой истории.

Когда день побега наступил и, стоя перед боковой дверцей, мы прощались, Магнус просил меня принять его должность и позаботиться о собаках, которые стояли за нашей спиной, страшась подходить близко к воротам. Потом они вышли и дверь с щелчком захлопнулась за спинами беглецов. Не выдержав, я открыл её и на меня сразу обрушился полный ужаса вопль Анны и крик Магнуса, звавшего её в тумане, клубившемся от самого входа. Я пошёл на его голос, выхватив палаш из ножен, но, к сожалению, он мне не понадобился. В этой белёсой мгле шла страшная борьба, до меня доносились глухие удары и крики Магнуса, звавшего королеву, но ответа не было, только собаки, услышав призывы хозяина, ринулись на помощь. Я нашёл тело Привратника и принёс его обратно в наш Мир. Когда я выбежал, чтобы найти девушку, туман отступил от ворот, и тропа вед чётко обозначилась в нём. Я звал Анну, но ни звука не было вокруг. Все собаки растворились в тумане, и я не пошёл на поиски, а вернулся к Магнусу. Там, с окровавленными руками и умирающим Привратником на них, меня и нашли. Последнее, что он прошептал, было имя

Урсулы, видимо это она сказала им обоим об этом способе, но мне грозила казнь за убийство, и тащить её с собой на эшафот я не хотел.

Возможно, именно тогда в Мир проникли их убийцы — воины, когда я блуждал в тумане, стараясь подкрасться к невидимым врагам.

Это я не рассказывал до сих пор никому, не желая запятнать имя друга. А вам я обязан жизнью, только вы поверили в мою невиновность и оправдали, когда толпа требовала казни. Надеюсь, вы не считаете теперь своё решение ошибкой.

Илорен, слушая Морта, вспоминал, как поведение Анны осуждали во дворце и замке как Магнуса начали сторониться, но он этого даже не замечал. Не заметил бы и король, если бы Терхенетар не посоветовала образумить эту парочку и заставить их хотя бы внешне соблюдать приличия. Если бы знать к чему приведёт его безразличие, насколько невыносима жизнь королев. И среди всего этого мрака правды, сходявшего лавиной на его беззащитную голову именно сейчас, когда было поздно и не нужно, Илорен чуть не взвыл от мысли о том, что доверил Урсуле Елизавету.

— Морт, если ты знал о том, что эта веда постоянно нарушает правила, то почему не сказал мне. Ведь она повинна в гибели твоего лучшего, единственного друга? А сейчас, возможно, губит самое дорогое мне существо — король схватился за голову, облокотившись на колени.

— Простите, Ваше Величество. Я всегда оправдывал Урсулу, да и как можно заподозрить веда в злом умысле? Для нас они как ангелы, которые жертвуют собой всякий раз, выходя в этот мрак, чтобы привести новую претендентку. А Урсула самая милая из всех них, неужели нельзя простить ей маленьких слабостей. Вряд ли она намеренно запутала Магнуса. Урсула единственная, кроме вас, кто не сторонился меня, не называл королевским псом, хладнокровно убившим друга и королеву.

Последние слова Морт вытолкнул из себя с большим трудом и, закатив глаза, трудно задышал, произвольно гримасничая от приступов лихорадки, сотрясавшей обессилившее тело.

— Морт, я прощаю тебя и очень благодарен за твоё мужество. — Илорен сжал руку Привратника и тот ответил на пожатие. Он попытался произнести что-нибудь ещё, но не мог. Тогда, умирающий начал трести головой из стороны в сторону, глядя в глаза короля склонившегося над ним, с трудом он выдавил из себя:

— Урсула... не виновата... пожалуйста.

— Не переживай, мы найдём их, и она сама всё расскажет. С ней не будут строги. — Илорен выдавил улыбку, надеясь хоть немного ободрить страдающего. И это ему удалось, Морт притих и безмятежно посмотрел на правителя своими синими глазами. Молчание длилось несколько томительных минут, спустя которые Илорен всё-таки закричал над мёртвым телом от боли, ярости и бессилия.

Глава 13. Странные гости

Елизавета тем временем отчищала нижние этажи башни. Засучив рукава и повязав голову платком, она бодро напевала, орудуя шваброй на лестнице, спиралью спускавшейся в недра земли. Самра дала ей факел, который она переносила от скобы к скобе, освещая себе пространство для деятельности. Так девушка спускалась всё ниже и ниже и ниже и наткнулась на дверь. Лиза сначала не хотела открывать её, зная, что любопытство небезопасное качество. Но убедить себя в том, что она обязана прибраться абсолютно везде, не составило для неё особого труда и вот дверь со скрипом отворилась внутрь и на девушку немедленно обрушился шквал ветра, потревоживший, правда, только слух. Из полумрака вышла ещё больше позеленевшая от гнева Самра и, топнув босой грязной ступнёй по камню, знаком показала Лизе, чтоб уходила отсюда. Не ожидавшая таких нападков, девушка привередливо ответила на все эти эмоциональные всплески пожатием плеч и словами:

— Сами указывают на работу, сами прогоняют, не давая её сделать, ещё и шипят в догонку. Пфф!

Самра догнала и примирительно показала Елизавете, чтобы та шла обедать, а она сейчас догонит и улыбнулась, что по замыслу предполагалось, видимо, мило, а по исполнению едва не довело Лизу до паники в тесном коридоре, освещённом лишь светом единственного факела.

Проходя мимо распахнутых дверей, Лиза остановилась подышать свежим воздухом, но, вобрав его полные легкие, так и замерла — по аллее к башне двигались мужчина и мальчик.

«Должно быть это друзья Урсулы, проживающие по соседству со мной» — подумала Елизавета и тут же смутилась и покраснела. В мужчине, который с отрешённым видом вёл за руку семилетнего на вид мальчугана, она узнала героя своих последних снов. "Странное совпадение и, тем не менее, это друзья моего тюремщика» — подумала Лиза, и встретила пришельцев лишь холодным взглядом, удалившись к себе, чтобы освежиться перед обедом. Знакомство не состоялось.

Умываясь, перед тем, как переодеться в одно из платьев, предоставленных ей Урсулой, Лиза слышала, как соседи поднялись следом за ней в свои комнаты. Ей стало неловко за своё поведение.

Чуть позже, накрывая на стол, она уже ругала себя последними словами за хамство и глупость, ведь у мужчины можно попробовать что-нибудь выяснить, а ребёнок тем более не заслужил такого отчуждения. Настроившись исправить свои промахи, Лиза добавила приборов и поднялась наверх, чтобы пригласить незнакомцев к обеду.

Первой к столу прибежала из подземелья Самра и, увидев дополнительные приборы, с удивлением посмотрела на Елизавету.

— Приехали мужчина и мальчик, которые живут в комнатах по соседству.

Урсула говорила, что бывшая веда не любит общества, но то, что отразилось на лице Самры сейчас скорее походило на ужас мунковского крика. Девушка пробежалась из угла в угол, схватилась за голову и подозрительно покосилась на Лизу, та отступила, готовая ко всему. С лестницы донёлся детский голос, громко и нечётко говоривший что-то и Самра выбежала из маленькой столовой, а чуть позже в неё вошёл сам малыш и его взрослый друг с интересом слушавший малопонятную смесь звуков. Уловив удивлённый взгляд Елизаветы,

незнакомец дружелюбно пояснил:

— Мальчик глухой и, судя по всему, от рождения. Сюда он попал со своим недугом, положенным природой, хотя порой столько наслушаешься от людей, что невольно позавидуешь ему, и несчастье покажется даром, не правда ли?

Лиза неуверенно кивнула и поспешила сгладить своё поведение в холле.

— Ваш приезд стал для меня такой неожиданностью, что я, возможно, была более неприветлива при первой встрече, чем желала. Всё же я здесь больше узница, чем гостя и ко всему отношусь настороженно. Как зовут вас и мальчика?

— Меня зовут Арчибальд, а этого малыша Гор. Самый искренний из всех, кого я когда-либо видел, даже для ребёнка в нём очень много от ангела. Вам незачем нас бояться, мы хоть и не узники, но и не тюремщики. Я простой учёный и прорицатель, а Гор всего лишь глухой мальчик, который путешествует со мной, скрашивая одиночество. Урсула была так добра, что позволила поселиться тут некоторое время назад. Отпустить вас мы не сможем, так как магию вед не может побороть простой человек, мне очень жаль.

— Меня зовут Елизавета. — Представившись, девушка пожала руку Арчибальду и, улыбнувшись более ласково, Гору.

— Я — Гор — громко представился мальчик, широко улыбнувшись Лизе, чем окончательно развеял все её сомнения о новых знакомых.

Узница, оказавшаяся за хозяйку, пригласила всех к столу и в немного напряжённой, но больше приятной обстановке, которую делал особенно тёплой мальчик, громко хваливший всё, что ел и постоянно благодаривший за угощение.

После обеда мужская половина вернулась к себе, а Лиза снова принялась за уборку. Так пролетел день, но Урсула в обычное время не появилась. Самра очень волновалась и постоянно выбегала во двор, гремя своей цепью. Лиза тоже сидела на лестнице и вглядывалась в сгущающиеся сумерки, но тщетно. Подходило время ужина. В этот раз трапеза прошла уже более непринуждённо, Лизу обещали научить жестовому языку, а Гор окончательно покорила её сердце, предложив помощь в уборке.

Самра, не дождавшись Урсулы, больше не выходила из подземелья и Елизавета решила спуститься к ней, чтобы узнать, не принести ли ей ужин прямо туда, но дверь оказалась заперта, а на попытки дозваться её, затворница не ответила, только цепь гремела где-то внизу.

В гостиной уже сидели Арчибальд и Гор, погружённые в чтение книг. Когда вошла Лиза, учёный поднял голову и, улыбнувшись, пригласил занять место рядом с ним. Девушка приняла приглашение и села в кресло, в котором обычно сидела Урсула.

— Вы очень понравились Гору, хотя он вообще дружелюбен, но редко заговаривает с незнакомыми. Многие звуки не даются ему, и речь мальчика порой звучит непонятно.

Елизавета посмотрела на увлечённого чтением ребёнка. Гладкие каштановые волосы не длинные, но с непослушной косой чёлкой, прикрывающей большой выпуклый лоб, тёмные, почти чёрные раскосые глаза, обрамлённые густыми короткими ресницами, курносый нос на круглом личике по бокам от которого размещались два больших немного оттопыренных уха. Гор даже не заметил её появления, детское личико было максимально сосредоточено.

— Мне малыш тоже очень понравился, да и кому он может не понравиться? — улыбнулась Лиза, зачарованно глядя на мальчика.

— В мирах достаточно существей, которые не любят детей. Рад, что вы не относитесь к их числу. Как вы попали в плен к Урсуле, и какая за вами вина? — пристально разглядывая

её, спросил Арчибальд.

Елизавета замаялась с ответом, не зная можно ли довериться незнакомцу. Ей безумно хотелось поделиться с кем-нибудь тем, что с ней произошло за последнее время, а к тому же спросить совета. Проницательно глядя на внутреннее противоборство девушки, учёный мягко улыбнулся и произнёс:

— Не терзайтесь, я могу рассказать вам о своём знакомстве с ведой, а потом, узнав, откуда я и кто, вы сможете лучше понять — достоин ли я вашего доверия. — Я встретил Урсулу, возвращаясь из одного древнего и очень несчастного мира по тропе среди тумана, держа на руках Гора, чтобы он не споткнулся и не потерялся в этой мгле. Урсула почти несла на себе какую-то девушку и совсем выбилась из сил, так как ноша была больше неё. Тогда я предложил донести девушку, если она понесёт малыша. Мы добрались до ворот, но что-то пошло не так и туман не рассеивался, как должно было быть, по словам нашей общей знакомой, так что мы не видели двери, в которую могли бы войти, а на ощупь везде попадалась скала. Тогда я решил попробовать уйти вместе с Гором, оставив обитательницу нового мира со своей ношей, и это сработало. Как только я отошёл, туман последовал за мной. Меня всегда интересовали новые места, особенно такие защищённые, не пускавшие в себя каждого встречного и уж тем более не затягивавшие в себя кого попало, как совсем пропащие миры. Тогда я крикнул Урсуле, чтобы она вернулась к нам, когда сможет, а сам приготовился ждать и стал думать о том, как преодолеть барьер. Вскоре дверь снова отворилась и мы с Гором пошли к ней, туман, как и в прошлый раз, окутывал нас с мальчиком. В проёме показались юноша и девушка, но стоило им сделать шаг наружу, как дверь захлопнулась за ними и мгла снова подступила к самому основанию скалы, скрыв всё окружающее пространство. Потом стали раздаваться крики и я пошёл в ту сторону, держа Гора позади. Мне никто не встретился по пути, но зато дверь оказалась открыта и мы спокойно вошли в неё. Урсула описала мне путь в свою башню, и я нашёл это место. С тех пор мы обретаемся здесь, лишь изредка покидая свою обитель для путешествий. Жаль только ту юную пару, что открыла нам путь. Время на тропе для нас движется очень медленно и я даже предположить не мог, что крики во мгле принадлежали той самой девушке, которую я нёс, помогая Урсуле, она сказала оба погибли. Ну, а теперь я требую откровенность за откровенность.

Елизавета всё же сомневалась в том, стоит ли говорить этому человеку о себе.

— Вы можете не бояться меня, Ваше Высочество. Ваши изображения и словесное описание уже во всех уголках королевства, так что даже если портрет кто-нибудь не заметит, то серые глаза, тёмно-русые волосы, прямой нос и пухлые губы заметит каждый и не потому, что подобное сочетание здесь редкость, а потому, что именно в вас это сочетание выглядит единичным. Таким, которое может искать король, таким, за любовь которого он готов потерять любовь всего остального Мира.

Говоря всё это, Арчибальд пристально смотрел на девушку своими чёрными глазами, в которых даже зрачки были не видны. Лиза потупилась и покраснела под этим взглядом.

— Я пока только претендентка и Урсула говорила, что я не могу стать королевой...

Яростный удар кулака по подлокотнику заставил Елизавету замолчать и, удивлённо глядя на собеседника, девушка пыталась понять, что могло так вывести его из себя. Арчибальд сидел, глядя в огонь, и молчал, не обращая внимания на неё. В этот момент к ней подошёл Гор и потянул за собой из гостиной. Когда они поднимались по лестнице, мальчик, стараясь говорить тише, произнёс:

— Думает, не надо мешать. Спать пойдём.

Спальни мальчика и учёного располагались напротив её комнат, туда малыш с серьёзным видом и отправился, пожелав девушке спокойной ночи и поклонившись на прощание.

Так закончился третий день Елизаветы в плену у сумасбродной ведьы. Перед сном она хотела запереться, но не смогла найти ключей, а спускаться в подземелье к Самре было бесполезно.

Глава 14. Похороны

В то время как Самра и Лиза ожидали во дворе Урсулу, она, облачившись, по традиции, в чёрный плащ с капюшоном, надвинутым на лицо и полумаску, заняла место в скорбной процессии, стараясь быть поближе к главным участникам. Узнать в толпе её было невозможно, а сама она очень хотела видеть ряд гробов и лицо Терхенетар.

В столице жизнь остановилась, и никто не сетовал на задержки. Часы заката были облачены в глубокий траур по убитым. По всему городу были развешены чёрные флаги, люди надели церемониальные одежды и вышли, чтобы проводить гвардейцев и вед. Все недомолвки и сомнения были забыты, так как к тем, ради которых они вышли на переполненные улицы, всё это уже не могло иметь ни малейшего касательства.

Во дворце Илорен облачался в белоснежный плащ, расшитый золотом и белую маску, его одеяние означало благодарность своим подданным, покидавшим его, их светлое прошлое и будущее. В замке Терхенетар и веды надели ярко-красные плащи и маски, символизировавшие память об ушедших, которая никогда не угаснет в Мире.

Первыми, на колесницах, ведомых пони, ехали четыре ребёнка. Огненно-рыжая девочка в алых одеждах стояла в красной колеснице с рыжей лошадкой, держа в руках плоску с трепетавшим на ветру язычком пламени. Мальчик, с копной тёмно-каштановых волос в зелёном облачении и коричневой колеснице с гнедым пони, держал в руках плоску с зелёным ростком. Девочка, с волосами цвета льна в светло-голубом одеянии, держала в руках плоску, в которой был только воздух, стоя в белоснежной колеснице с белой лошадкой. Русый мальчик, облачённый в тёмно-голубые одежды, держал в руках плоску с водой, стоя в синей колеснице, с запряжённым в неё светло-серым пони. Следом за ними на повозках везли закрытые гробы. Илорен под руку с Терхенетар ехали, стоя в коляске, за ними на колесницах парами ехали веды. Все остальные двигались полукругом по бокам и сзади на почтительном расстоянии. Гвардия шла вместе с народом, после долгого совещания было решено не выставлять охрану, чтобы не омрачать церемонию недоверием к гражданам ещё сильнее.

Все собрались. Процессия двинулась из города на кладбище, которое долгое время принадлежало исключительно королевам. Дети запели старинную песню, с которой хоронили ещё Паолу. Все сопровождающие подхватили её, только в этот раз каждый в ужасе представлял, как его понесут тем же путём, но без тех же почестей, если сбудутся пророчества, слухи о которых уже распространились по всему королевству. Ближе прижимались люди к своим родным, заботливей помогали споткнувшимся и впервые думали о том что ждёт их после смерти. Вся вера этого Мира заключалась в легендах вед, все они говорили о духах, которые смотрят на них, помогают или наказывают.

— Духи оставили нас! — высоким срывающимся голосом крикнул кто-то из толпы. Никто не одёрнул его, не сказал ни слова против, только ниже опустились головы бредущих вслед за свершившимся приговором. Злодейство свершилось, и кровь была пролита, процесс похорон стал пророчеством для каждого из присутствующих и они это понимали теперь и старались принять.

Когда все слова были произнесены и лучи заходящего солнца коснулись мёртвых лиц, обагрив их, людям дали возможность проститься с покойными. Среди небольшого числа

желающих Урсула подошла к гробу Кармиллы и, пряча под маской удовлетворённую улыбку, наигранно смиренно кивнула лицу, изуродованному в битве с воином, когда цыганка заслонила ему проход, ведущий в комнату, укрывшую Елизавету и Урсулу. Рядом раздались заглушаемые рыдания, осторожно повернув голову, веда увидела красное одеяние, но из-за капюшона она не могла понять кто это. Девушка наклонилась к лицу сначала Марго, а затем Кармиллы и зашептала молитвы на языке своей родины, положив ладони на их застывшие руки. Это была Мириам, Урсула подалась в неконтролируемом порыве, чтобы обнять и утешить подругу, но, увидев этот жест, кто-то из вед заслонил рыдающую сестру от незнакомца. Боясь разоблачения, беглянка быстро отвернулась и хотела уже уйти, но её внимание привлёк гроб, который обходили стороной все, кроме Илорена, стоявшего у него в самом начале церемонии, даже гвардейцы, прощавшиеся с товарищами, игнорировали это место. Урсула подошла к нему и чуть не выдала себя возгласом, но вовремя зажала рот рукой. Она в ужасе смотрела на бледное лицо и копну чёрных волос, которые впервые за всё время, что она знала их обладателя, были тщательно причёсаны и уложены. Этот тихий, спокойный и всеми нелюбимый человек, легенду о звероподобной жестокости которого она лично поддерживала, не заслуживал места в этом ряду. Впервые ужас от всего того, что она делала, ледяной волной окатил её сознание, а Мириам всё также плакала в нескольких шагах, и, повернувшись к кому-то, сквозь всхлипы полушёпотом произнесла несколько раз имя Урсулы и разрыдалась так, что её пришлось увести. Церемония прощания завершилась и, наклонившись к бедному Мурту, посмотрев в его безмятежное красивое лицо, она прошептала «прости меня», поцеловала и, не сдержавшись, взъерошила ему волосы.

Возвращаясь в башню, Урсула смахивала слёзы, не понимая, отчего они могли появляться у неё. «Это оправдается. Это такая же необходимость, как смерть Анны и Магнуса, как... Ах, Лиза, достанется же мне за тебя» — она съёжилась от последней мысли, но потом снова стала вспоминать похороны: возглас отчаяния, раздавшийся из толпы, и плач Мириам не только по мёртвым, но и по ней, ведь бедняжка думает, что Урсулу пытаются, а может уже убили». А Морт, сколько ненависти он выдержал, сколько недоверия и оскорблений. Как я надеялась, что смогу рассказать правду, когда всё закончится, смогу отблагодарить его за молчание. Бедный добрый Морт, всё это время бывший изгоем из-за меня. Но зачем убили Марго?» — Урсула недовольно сморщилась и уже не выпускала из головы эту мысль, затмившую все остальные.

В башне её возвращение заметила только Самра, всё это время не спавшая в ожидании друга. Она рассказала о прибытии Арчибальда и Гора, и веда, ещё не дослушав шелест доклада, стала стремительно подниматься, перескакивая ступеньки, на третий этаж и вбежала в комнату прорицателя, который явно этого не ожидал и мирно почивал, не заперев дверь. Зато Урсула, закрывая её за собой, хлопнула так, что все в доме, кроме маленького Гора, счастливо посапывавшего в своей постельке, подскочили и пробудились. Лиза, выглянув на шум, услышала только негромкое переругивание в комнатах напротив, но слов разобрать не могла, так что вернулась в постель и, свернувшись клубочком, засопела так же сладко, как Гор, так сладко, как может сопеть только по-настоящему честный человек с чистой совестью.

Утром она проснулась бодрая и отдохнувшая. Вышла на улицу и с удивлением обнаружила во дворе мальчика, который счастливо обнимал Самру и от волнения больше обычного искажал слова, так что понять его было практически невозможно.

— Доброе утро — бодро пропела Лиза и улыбнулась своим соседям.

Самра что-то прошелестела, а Гор вежливо поклонился и также пожелал ей доброго утра. Идиллия была нарушена и девушке здесь были не рады. Наверху распахнулось окно, из которого высунулась Урсула и крикнула:

— Лиза, приготовь мне ванну, а затем займись завтраком, хватит прохлаждаться.

Елизавета почувствовала, как жаркая волна зародилась внутри её слабого тела, волна которую невозможно вместить в такой оболочке и требующая немедленного выхода, независимо от последствий. Она влетела в комнату веды и прокричала:

— Я тебе не прислуга, так что не смей мне приказывать!

— Иначе что?

— Ни-че-го, — уже спокойнее ответила Лиза — ты не можешь заставить меня быть здесь чернавкой. Я не голодна, готовь сама.

Сказав это, она ушла в свою комнату и села у окна. Во дворе Самра и Гор стали играть в прятки, счастливый смех малыша долетал до девушки как из другого мира, в котором все, кроме неё дружны.

— Кхм — тихо раздалось за её спиной.

Лиза резко повернулась к двери и увидела там Арчибальда.

— Простите, что без стука, но если Урсула услышит, что мы общаемся, то станет ещё злее — заговорщицким шёпотом сказал он.

— Почему Гор стал вдруг таким отчуждённым, я его обидела? — задала она вопрос, который крутился в голове, когда учёный вошел.

— Он обижается на всякого, кто вводит меня в задумчивость, как произошло во время нашей беседы прошлой ночью. Я в такие минуты ни на что не реагирую, а он считает, что расстраиваюсь. Я скажу ему, чтобы не дулся. — Улыбаясь, прошептал Арчи. — Вы пойдёте завтракать?

— Нет, спасибо. Что из моих слов вас так поразило? Надеюсь, это не из-за моей нецарственности — с иронией прошептала Лиза.

— Нет, ваша царственность не нуждается в атрибутах, она уже заключена в вас — эту фразу он сказал уже нормальным голосом и снова обжёг Елизавету взглядом. — Только, боюсь, не натворила ли Урсула чего-нибудь непоправимого, у неё сложный характер, хотя она и добра, но всё интерпретирует по своему, надумывает себе обид и тяготеет к мести. Надеюсь, она не навредит никому, в том числе и себе.

— Ну, уж о ней точно не стоит беспокоиться, скорее она весь этот Мир по клочкам разнесёт. Она просто всех ненавидит за то, что ей здесь стало скучно. Зачем она меня приковала?

— Не знаю, но постараюсь выяснить. Только, очень вас прошу — не горячитесь, тогда я смогу всё у неё узнать и помочь вам, а если её раздражать, то добиться чего-либо от Урсулы будет невозможно.

— Я попробую, спасибо.

Арчибальд поклонился и вышел, прикрыв за собой дверь. Через некоторое время смех на улице стих, а на лестнице послышались шаги. Веда вошла без стука и с привычной ухмылкой встала в проёме, насмешливо глядя на Лизу.

— Сказочная принцесса откажется от добровольного заточения и спустится к завтраку самостоятельно или мне придётся тащить Её Высочество? — издевательским тоном спросила она.

— Не стоит утруждаться, моё высочество уже по горло сыто этой башней и смена мест

едва ли сможет это скрасить.

— И, тем не менее, из соображений гуманности, я вынуждена проследить, чтобы моя пленница хорошо питалась. Хотя бы за это меня нельзя будет судить. — Последнее прозвучало вполне серьёзно. Урсула примирительно протянула Лизе руку. В животе у девушки предательски заурчало и ей ничего не оставалось, кроме как взять протянутую ладонь и последовать за взбалмошной ведой. Самра в этот раз тоже сидела за общим столом рядом с Гором. Все были веселы и встретили девушек, которые вошли, держась за руки, радостными возгласами. Завтрак прошёл так, словно в этой столовой собралась любящая семья.

Елизавету на весь день освободили от всех забот в награду за предыдущие дни, когда она помогала Самре. Сегодня она была предоставлена самой себе и решила прогуляться по окрестностям, благо цепь позволяла ей отойти от башни на приличное расстояние, чтобы забыть о ней, а местный ландшафт не изобиловал корягами и прочими помехами.

Глава 15. Раскол

Фьела гудела от новой находки: тела глав гильдий были найдены в Долине Тумана. Двенадцать тел развешенных за ноги на деревьях неподалеку от Башни Ведьмы. Тринадцатым трупом была веда Катарина, пропавшая без вести несколько дней назад. Девушка отпросилась у подруг, желая помочь Госпоже Ведьме, и уехала в столицу, следом за Марго и Кармиллой. Сейчас она сидела прямо под трупом главы гильдии ювелиров. Их обнаружили веды, когда ранним утром отправились в Башню, чтобы проверить всё ли украдено и не оставил ли преступник каких-нибудь улики.

В городе царила паника, вечером намечались новые похороны, а Совет хранил молчание. Командировка министра информации в народных устах превратилась в побег, а наступающую осень многие считали началом очередного межсезонья, так как претендентка скорее всего тоже мертва, а новую ждать слишком долго, чтобы нынешнее поколение ещё смогло увидеть яркие краски Мира. О невозможности отправиться за новой королевой никто ещё не проведал.

Совет же заседал с тех самых пор, как веды вернулись во дворец и доложили о своей находке. Страх перед Долиной парализовал новобранцев, хотя никто из них не мог быть тенью, но зато все они были суевернее любой тени. Гвардейцы наоборот состояли на две третьих из теней, но рвались выполнить долг, не веря в возможность сгинуть в тумане. Рисковать же ими, да ещё усугублять панику исчезновениями, никто не хотел. Какое-то время пришлось тратить на отбор кандидатов и за телами отправились уже тогда, когда в зале Совета Терхенетар схлестнулась с Вэльфом и Илореном. На её стороне не было в этот раз никого, а министры хранили злорадное молчание. Тщеславие Терхенетар было так велико, что она не заметила, как умудрилась всех отстранить от себя. Даже веды в последние сотни лет предпочитали держаться вдали от Госпожи Ведьмы, в Гирфентейне. Но сегодня был тот день, когда она знала, что права, права как никогда прежде за все тысячелетия своей жизни. Сегодня она боролась за всех против кого-то невидимого, кто сводил её Мир с ума, прямо на старческих глазах, а слушать её больше никто не хотел.

— Хорошо, Генрих. Давайте позовём сюда вед, и пусть они тоже принимают участие в Совете...

— Нет! — рявкнул Илорен — Больше ни одной из этих лицемерных лгуний я не потерплю рядом с собой нигде, кроме похорон.

Все с удивлением посмотрели на него, а король продолжал:

— Магнус и Анна были введены в заблуждение Урсулой, которая многократно нарушала правила, Башню обокрала тоже веда. Веды знают все тайные ходы в городе и именно в одном из них исчезает претендентка, а сегодня они случайно находят трупы глав гильдий, а рядом с ними очередную веда и уверен она причастна ко всему этому. По мне, так этот список более чем достаточен, чтобы перестать сомневаться в ком наши проблемы.

— Илорен, опомнись...

— Нет, Терхенетар, ты опомнись. Когда ты видела их последний раз всех вместе до вчерашнего дня? Когда ты по душам беседовала с ними? Ты уже давно не знаешь этих девушек и не можешь ручаться за них. Я настаиваю на том, чтобы взять их под домашний арест и допросить. Уверен, что большинство из оставшихся не имеют никакого отношения к

происходящему, но кто-то готовил весь этот кошмар не один день и это не простые жители и даже не аристократы, это тот, кто «ведает» и ты это знаешь, но пытаешься не замечать.

— Хорошо, — опускаясь на свой стул, севшим после спора голосом, сказала ведьма — допроси вед, но не казни никого, прошу тебя, это же безумие.

Вэльф сел рядом с Госпожой Ведьмой, взял её руку и произнёс, стараясь говорить как можно мягче:

— Мы не можем оставить поведение этих людей без наказания, даже длительное заточение не может служить для них достаточной мерой. Они затевали смуту и не раскаялись. Если мы этого не сделаем, то это будет самой непростительной слабостью, которую мы совершили. Завтра же все станут жить по своим правилам, а, судя по тому, что происходит, это будут намного более кровавые правила, чем те, которые сейчас предлагаем мы.

— Как только первая голова слетит с плеч по вашему приказу, это место перестанет быть Миром, а станет банкой с пауками, которые первым делом сожрут всех нас, а потом примутся друг за друга. Оставьте всё как есть и ваши руки хотя бы будут не запятнаны кровью.

Илорен и премьер переглянулись за её спиной, она почувствовала единство присутствующих против себя. Шаманке захотелось стащить это проклятое дряхлое тело, как жестокий карнавальный костюм, даже если придётся распарывать его ножом прямо на себе. Терхенетар встала и усмехнулась тому, что ещё недавно её так радовала солидарность Генриха и Илорена, а теперь они говорят с ней как с впавшей в маразм дурой, с мнением которой можно не считаться. Госпожа Ведьма пошла к выходу, но у двери резко повернулась и выражение лиц, которые она увидела, ясно говорили о том, что её уход уже давно ожидается и, мягко говоря, ударом ни для кого не станет.

— Хорошо, господа, больше я не стану утомлять вас своим присутствием на Совете.

Терхенетар ушла. Больше о времени заседаний её никто не оповещал.

Ничего не подозревавшие веды были задержаны, как только въехали во внутренний двор. Им прочитали приказ Совета о домашнем аресте и допросе, который состоится завтра, затем конвоировали по комнатам. Терхенетар не разрешили поговорить с ними.

Перед церемонией похорон им было велено вести себя естественно, но не переговариваться, к девушкам приставили несколько стражей в обычных церемониальных костюмах. Слух о заточении вед разнёсся по городу и люди, выглядывая их красные плащи в окружении охраны, удовлетворённо вздыхали и приговаривали, что этих ведьм давно пора бы допросить, никто кроме них не мог протащить сюда воина. Кто-то возражал, что они же первые и страдают от всей этой кутерьмы, и это смиряло недоброжелателей, но ненадолго. Все были напуганы и очень хотели определить источник опасности, а колдуньи подходили на эту роль как никто другой.

Терхенетар не сказала Илорену ни слова, только перед расставанием, не глядя на него, объявила о том, что будет присутствовать на допросе девушек лично. Затем ушла в замок, куда вернулась после утреннего совета, не желая оставаться под одной крышей с ними.

Допрос вед вёлся министрами. Терхенетар встречала каждую девушку объятиями и словами поддержки, которые не смогла выразить ранее из-за приказа короля. Илорен и Генрих не посмели запретить ей этого, хотя было заметно, что Совет считает подобную встречу подозреваемых неприемлемой, несмотря на их статус. Веды были спокойны и вежливы, но отвечали односложно и все указывали на неосмотрительность их задержки в

Фьеле, когда в окрестностях города детей могут появиться воины. В их поведении угадывалось безразличие к делам Совета, которое они не могли скрыть, а, скорее всего, даже не старались. В доказательство своей непричастности все говорили о том, что не покидали Гирфентейн уже долгое время и тому есть многочисленные свидетели. На вопрос знают ли они кого-нибудь, кто мог бы подслушать их разговор о Башне и её тайниках, все отвечали, что никогда не говорили об этом даже между собой. Если бы речь шла о ком-нибудь другом, то можно было бы дать человеку настойку, заставившую рассказать правду, но просить её приготовления у главных подозреваемых никто не собирался. Когда комнату покинула Мириам, которую допрашивали последней, Терхенетар заняла её место и обратилась к удивлённым министрам и королю:

— Сегодня утром, когда я послала за Лораной, одной из моих горничных, оказалось, что она сбежала. В её комнате я нашла пузырьёк с красными чернилами, именно такими испачканы последние страницы моей Книги. Она могла подслушивать всё, что я обсуждала с ведами в замке. Я собрала всех, кто знал её в лицо, и отправила их на розыски, а если вы будете столь любезны, что вернёте ведам свободу, то все потайные ходы будут осмотрены.

Несмотря на то, что в поисках служанки участвовали все, кто мог, в городе и окрестностях её не нашли. Ещё один день тревог и волнений покидал этот Мир и женщины, перед сном всматриваясь в свои вечно молодые лица уже старательно находили изъяны, неизбежно наступающие с возрастом.

Терхенетар пригласила своих любимиц, с которыми так мало виделась в последнее время и повела их в свой висячий сад. Она показала им юрту, рассадила их вокруг себя и рассказала о своём доме и племени, в котором жила. Посмотрев на лица оставшихся в живых девушек, сказала:

— Я давно перестала уделять внимание вашим талантам и вашему труду, простите. Я получала подробные письма от Кармиллы и Марго обо всём, что происходило в Гирфентейне, и всегда видела в вас свою опору, хотя редко говорила об этом. Время в нашем Мире бежит быстрее, чем в других, но теперь оно замедляет свой ход. Несмотря на это, моё подошло к концу. Я не знаю, каким он будет, но весьма скоро я вас покину навсегда.

— Ты можешь поехать с нами в Гирфентейн. Лучше быть среди друзей в этот момент. — Предложила Махтаб.

— Я должна была сделать это намного раньше, а теперь уже поздно. Нет, родные, мой конец придёт не от болезни или старости, я умру насильственной смертью. — Веды удивлённо переглянулись и заговорили все разом, но Терхенетар продолжала, повысив голос. — И, чтобы вас не коснулась та же участь, я прошу вас уехать обратно в город детей и готовиться к осаде. Приготовьте максимум провизии и запасите воды, постарайтесь укрепить защитные сооружения. Мальчики скоро начнут расти, им нужно будет выйти в Мир, а вы должны сделать всё, чтобы из них не сделали изгоев, как из воспитанников ведьм и постараться выторговать свои жизни. Кто бы ни руководил всем этим кошмаром, он не хочет, чтобы в Мире остались свободные люди. Все теперь будут принадлежать к какой-нибудь касте или организации. Они дробят общество, раскалывают его, чтобы у каждого был свой интерес, лишь бы у всех не было ничего общего, кроме постоянных требований, сотрясающих воздух. Я узнала об этом не в книге, я увидела это вокруг. Схема слишком заманчива, чтобы могла не сработать. Сейчас, когда жизни обретают границы, всем хочется стать кем-то большим, чем прежде, более нужным и важным и все эти кружки по интересам дадут им иллюзию значимости, борьбы за те идеалы и ценности, отсутствие которых не

мешало им в вечности, но об этом люди уже не вспомнят. Мы сейчас не имеем авторитета, но это может быть только временным помутнением и вокруг вас могут сплотиться люди, а если вы выстоите, то сможете победить нашего врага, кем бы он ни был. Хотя это маловероятно, так что просто торгуйтесь за свои жизни и будущее мальчиков, больше вы не сможете сделать.

— Почему такие мрачные прогнозы, чего мы ещё не знаем? — удивилась Тереза.

— Совет собирается провести публичную казнь.

И вновь, ошеломлённые веды заговорили все разом:

— Это же окончательно всё разрушит, это именно то, что нужно для победы наших врагов. Кому в голову пришла подобная нелепость? Если людей убьют по приказу властей, мы окончательно скатимся к худшему, что было в нашем мире. Тогда мы пойдём по тому же пути. Это окончательное решение? Что теперь будет, книга пишет об этом?

— Книга пишет о том, что после пролития крови Мир потеряет своё бессмертие и станет таким, как тот, что покинули его обитатели. Но кровь пролилась уже не раз, а Совет уверен в том, что сейчас необходимы самые жёсткие меры, чтобы восстание не разгоралось. Такие люди как барон давно уже заскучали и жаждут власти. Если их сейчас отпустить они воспримут это как трусость, да и держать бешеную собаку на привязи, когда остальные уже замерли в стойке и готовы наброситься на правителей при малейшем послаблении, действительно глупо. Единственное, что охладит пыл толпы это демонстрация силы и воли короля, а так же равенства перед судом.

— То есть ты оправдываешь это безумие? — загнав брови под огненную шевелюру, спросила Агата.

Терхенетар с нежной грустью посмотрела на неё и отрицательно помотала головой.

— Ну, разумеется, я не одобряю это решение. За это была изгнана из Совета и больше не присутствую на заседаниях. Но я понимаю их логику, а своего варианта у меня нет. Я хотела попросить вас погадать на королеву и на Урсулу, где они могут быть. То место, которое выпадает мне, совершенно пусто, по крайней мере, мои гонцы говорят, что там ничего нет, кроме деревьев. Может, если Елизавета найдётся, это сможет хоть отчасти нормализовать ситуацию.

— А мне кажется ей лучше вовсе пропасть, все несчастья начались именно с неё. — Сказала Алита.

— Может ты и права, милая, даже, скорее всего и потому девочку действительно желательно найти как можно быстрее живой или мёртвой и убедиться в этом. Вы сможете выполнить мою просьбу? Завтра рано утром вам надо уезжать. Завтра день показательного суда и казни.

Девушки кивнули в знак согласия. Терхенетар оставила их, поцеловав каждую на прощание. Все свои ритуалы они проводили на природе, но рисковать и выходить за пределы резиденции Госпожа Ведьма им запретила, и для гадания выбрали висячий сад. Веды пошли к воде и там сели в круг, скрестив ноги и взявшись за руки. Девять молодых, красивых женщин в одинаковых зелёных платьях, расшитых растительным узором с изображением той травы, которую они собирали. Девушки смотрели друг на друга и крепче сжимали ладони соседок в сильно поредевшем кругу. Не сговариваясь, но, чувствуя, как усилилась за последнее время их связь друг с другом, они произнесли:

— Клянусь быть верной своим сёстрам ведам, клянусь защищать детей, клянусь не забывать никогда, клянусь сделать всё, что от меня зависит, чтобы помогать нуждающимся.

Я не предаю.

Солнце зашло и сумерки затопили всё вокруг, но они ещё долго сидели молча, словно боялись потеряться в темноте. Но вот Абангу произнесла:

— Надо приступать. Сегодня участвовать будем все. Карту я положу в центр круга, а те, кто не проводил ритуалов, просто думайте об Урсуле и королеве.

Веды, которые обладали даром, приступили к приготовлениям, а Мириам, зажмурившись, шёпотом повторяла имя подруги и сжала в руках медальон, подаренный когда-то Урсулой с такой силой, что побелели костяшки пальцев.

Вскоре ритуал начался и, в свете свечей, заблестели глаза, сосредоточившие всё своё внимание на карте, лежавшей перед ними. Веды, снова взявшись за руки, задали вопрос. Янтарный камешек блеснул и покатился от ворот к лесной чаще в ночи пути от столицы. Никаких сомнений быть не могло, гадание было совершенно чистым. Но, для надёжности, те, кто практиковал магию, разошлись в разные стороны для проведения ритуала в соответствии со своей традицией. Остальные отправились обратно в юрту, где для них были расстелены постели, но никто не ложился, ждали остальных.

В середине уютно горел очаг. Веды расположились вокруг него и тихими голосами стали обсуждать всё случившееся с ними за эти дни.

Мириам сидела, обхватив руками колени, и немного раскачивалась, сосредоточенно вглядываясь в языки пламени.

— Значит, мальчики теперь начнут взрослеть? А что станет с нами? — потерянно спросила она.

— Ну, пока нас никто не гонит от них, многим мы ещё нужны. — Ответила Махтаб.

— Главное, чтобы не было бойни из-за суда. Для людей это может стать последней каплей. — Оглядывая подруг, сказала Тереза.

— Мы раньше не замечали веков, а теперь отсутствие девочек так долго тянется. Как думаете, во дворце нам ничто не может угрожать? — Выглядывая из юрты в ночь, поинтересовалась Агата.

— Если мы им помешаем, то можем сбить концентрацию и только всё испортим, да ещё девочкам можем навредить — ответила Линг.

— Думаете, Урсула ещё жива?

— Не знаю, Мириам, но, судя по всему, когда она найдётся Илорен всё равно сдерёт с неё шкуру.

— И поделом, она точно причастна к тому, что происходит.

— Махтаб, как ты можешь так говорить о сестре? — возмутилась Мириам, её подбородок задрожал.

— Ах, Мириам, ну сколько можно реветь из-за Урсулы? Ей действительно придётся долго оправдываться перед всеми, чтобы доказать отсутствие злого умысла в своих действиях, да и это может её не спасти. По крайней мере окажись она в руках Илорена сейчас и гореть ей синим пламенем, как и грозились толпа. — Раздражённо сказала Агата и задёрнула полог, скрыв зелень сада, чернеющую во тьме.

— Мне больше жаль Терхенетар, к нам она всегда была искренне добра. Книга же может ошибиться, судьбу можно изменить. — Задумчиво проговорила Линг — Она так изменилась, больно смотреть на то, как её сила тает на глазах, а вместе с ней тает и уважение окружающих. Даже прислуга стала вести себя чуть ли не вызывающе.

— А Госпожа Ведьма, которая раньше могла и за меньшие огрехи выкинуть из

резиденции, даже не обращает на всё это внимания. — Продолжила Тереза. — Может, Терхенетар нам что-то недоговаривает? Она так и не сказала о чём написано в Книге. Не верю, что ей вдруг стало так безразлично всё вокруг.

— Ну, нас бы она не стала подставлять — неуверенно протянула Линг.

— Почему бы нет? — удивлённо спросила Агата, подняв брови. — Её не сдадут ни Илорен, ни тем более Вёльф. А вот мы можем рассчитывать только на лояльность Госпожи Ведьмы и её заступничество, так что если она захочет нас зачем-нибудь подставить, то ничто ей не помешает.

— Это и на неё отбрасывает тень.

— В том всё и дело, что сейчас мы и есть её тень, которая находится под подозрением у всех, благодаря Урсуле и Катарине. Я смогу чувствовать себя спокойно только дома, здесь мне тревожно как никогда. Новых людей больше не появляется в Мире после смерти Анны и Магнуса и за королевами теперь не нужно ходить, так что и мы больше не понадобится. Всюду, кроме Фьелы, есть дома с врачевателями и учёными. Мир на самом деле давно стал меняться, только рядом с Терхенетар всё ещё оставалось застывшим. Теперь он исторгает её, а вместе с ней и нас, как хранящих ненужные знания, которые делают этот Мир лишь тенью мира человеческого. Нам не жить, также как и нашей Госпоже. Мы — якорь, приковавший огромный лайнер к малюсенькому берегу, а Терхенетар — кормчий, предлагающий пассажирам гулять там по очереди и не больше двух человек.

— Не слишком ли мрачно, Агата?

— Скоро узнаем.

В юрту ворвалась Велеса и с порога заявила:

— Её нужно убить, как можно скорее. Агата, ты хорошо стреляешь и едешь со мной.

Вопрос ещё не был задан, когда ответ пришел вместе со стремительно вошедшей Абангу:

— Елизавету, претендентку, хотя я даже не знаю, на что может претендовать это существо.

Следующий вопрос также застрял в горле, а ответ произнесла Аврора:

— Она управляет воинами и вокруг неё всё чёрное. В Гирфентейне случится что-то ужасное, нам придётся разделиться.

— Никогда ещё мои видения не были такими чёткими. Она избавиться от Терхенетар, а затем возьмётся за нас. Мы должны убить её. Я видела Урсулу, бедняжка была совсем бледная и даже не могла говорить. Не знаю, когда случится то, что я увидела, но нужно поторопиться. — Присоединилась к сёстрам Алита.

Затем они вчетвером разом произнесли:

— Кто-нибудь, позовите Терхенетар.

Агата стремительно выскочила и побежала через висячий сад в дворцовые апартаменты ведьмы, где она расположилась на эту ночь, чтобы быть поблизости от своих любимиц. Через двадцать минут они вернулись в юрту и, попросив всех соблюдать очередность и спокойствие, шаманка стала выслушивать видения, которые посетили девушек. В целом оказалось, что у всех четверых ответы были чёткими, а видения ясными, так что сомнений быть не могло в том, что Лиза не просто претендентка, а какое-то зло, проникшее сюда в человеческом облики. На вопросы вед о том, что говорится о Елизавете в Книге о нашёптывании, Терхенетар отвечала, что сведения скудные и, судя по всему, большая их часть на залитых чернилами листах.

— Вы уверены в том, что видели? Боюсь, эта девушка всё равно станет королевой, так как свадьба состоится и претендентка изменит судьбу королевства.

— Боюсь, эта девушка не может стать королевой. — Сказала Абангу — В моём видении к Елизавете обращались как к Госпоже Ведьме.

Глава 16. Подарок Гора

А тем временем в башне все спали после наполненного событиями дня, в который Лизу общими усилиями обучали языку жестов, потом все играли в прятки с Гором и ходили купаться. За этот день девушка успела почувствовать себя в этом маленьком мирке почти уютно. И даже готова была согласиться на жизнь здесь, в этой чудесной компании, только без оков, которые с неё по-прежнему не снимали. Жаль было лишь расставания с Илореном, но у него, скорее всего, скоро уже будет новая претендентка, кто бы что ни говорил. С Арчи она уже была на «ты» и переход этот обеим сторонам дался с той поразительной лёгкостью, которую умела создать вокруг себя Урсула, когда ей этого хотелось. Вечером, перед камином, Елизавета пыталась объясниться с мальчиком, и порой он звонко смеялся над её оплошностями и поправлял, читая по губам, что она хотела сказать. Самра не приходила в гостиную, хотя всё остальное время, за исключением нескольких отлучек в подземелье, была вместе со всеми. Гор скоро начал зевать и Арчибальд понёс малыша в комнату. Когда он вышел, Лиза спросила Урсулу, куда та уезжала.

— На похороны, в Фьелу. Кармилла и Марго погибли, а также наш общий знакомый Морт.

— Они погибли там, где мы оставили их?

— Не все. Марго и Морт умерли от яда просочившегося в их кровь с ранами.

Урсула говорила медленно и тихо, задумчиво глядя на Лизу. Потом оглянулась на вход и быстро зашептала:

— Когда мы видели Морта, ты говорила, что он был галантен и мил, какого цвета были его глаза, один из них был чёрным как сама тьма?

— Да, — так же шёпотом ответила Елизавета — я обратила внимание на то, что у него разный цвет глаз и один из них действительно был чёрным, как у Арчибальда. Почему это важно?

— Это уже не важно. Его глаза закрылись навсегда, а мои оказались слепы от усталости. Веда была в отчаянии и судорожно сжимала подлокотники кресла.

— Прости, Лиза, что втянула тебя во всё это. Если я ещё смогу, то попробую освободить тебя, обещаю.

Урсула улыбнулась, но настолько вымученно, что её собеседнице стало сильно не по себе.

— О чём ты говоришь? Ты можешь отпустить меня прямо сейчас, просто расколдуй кандалы.

— Просто расколдуй? Лиза, я не умею колдовать, я же тебе говорила. Я могу приготовить травы и не более того.

— Но кто тогда меня держит здесь? Самра?

— Нет, не Самра и не Гор. У Морта, как у всякого, кто является тенью хоть на треть, были синие глаза. И, как всякая полутень, он подвергался влиянию больше людей. Когда ты видела его, это был не Морт, а...

— Урсула, о чём ты рассказываешь? — никогда Лиза не умела скрывать своих чувств и поэтому резко заинтересовалась пейзажем за окном. Именно это рычание, полное угрозы, услышала она перед воротами Мира Теней. Она пыталась незаметно восстановить ритм

сердца, которое трепетало перед непонятной опасностью. Если веда говорила правду, то Арчибальд ей врал и, более того, у него есть на неё какие-то планы, раз он держит её. Но Урсула, с тех пор как вернулась из Фьелы и обнаружила здесь Гора и Арчи, ни разу не заговорила с Елизаветой о том, что её ждёт, а на все просьбы продолжить рассказ отвечала категорическим отказом, отговариваясь ленью. Учёный всегда был рядом с ведой, и Лиза решила подождать, когда он уйдёт и оставит их наедине, полагая, что именно его присутствие сковывает Урсуле язык.

— Лиза, — Арчибальд подошёл к задумавшейся девушке и заглянул в её лицо — почему ты так взволнована, что случилось?

— Я расстроилась из-за смерти Морта, Привратника. Он был добр ко мне, когда я попала сюда, и умер, защищая нас, — потупившись, ответила Елизавета.

— Да, мне тоже жаль этого юношу. Но о нём ходят чудовищные слухи и, если хоть треть из них правдива, то можно лишь с облегчением вздохнуть.

— Это ложь. — Отрезала Урсула.

Арчибальд удивлённо повернулся и спросил:

— Ты уверена в том, что говоришь?

— Да, Арчи, я в этом уверена.

Лиза почувствовала грозу, но намеревалась остаться и выяснить, что все пытаются скрыть от неё. Урсула тяжело дышала и смотрела на учёного с вызовом, тот, в свою очередь был холоден и спокоен.

— Елизавета, будь любезна, оставь нас наедине. — Попросил Арчибальд.

— Я не уйду, пока мне не скажут, кто и почему приковал меня тут. Что за игру вы затеяли и где мой листок с ролью? — Чувствуя прилив адреналина, без тени дрожи спросила Лиза и, в душе, сама собой восхитилась.

— Твоя сила в импровизации, милая, — мягко ответил учёный — хоть она и не всегда уместна, именно о твоей судьбе я хотел поговорить с Урсулой, но при тебе она, наверняка, постесняется говорить мне правду. Поверь, до нашего знакомства я больше всего на свете желал, чтобы ты стала королевой Мира Теней, поэтому, как и обещал, решил выяснить, почему ты здесь, а не в объятиях правителя.

— Выйди, Лиза. Нам действительно нужно обсудить, что делать дальше, а при тебе я не стану говорить.

— Тогда снимите цепь хотя бы.

Ответом ей были холодные долгие взгляды, с которыми веда и её сообщник ожидали, когда Елизавета покинет гостиную. Девушка вышла и, закрыв за собой массивную дверь, приложила ухо к замочной скважине, но Урсула и Арчи говорили слишком тихо, единственное, что она смогла расслышать это окрик Урсулы:

— Лиза, не будь ребёнком, уходи!

С досадой пнув дверь, Елизавета удалилась.

Когда она вошла к себе, то увидела Гора, сидевшего спиной к входу, у окна. На подоконнике перед ним стояла свеча, и лицо мальчика отражалось в темноте ночи, притаившейся снаружи. Малыш что-то тихонько напевал, болтая ногами под сиденьем высокого стула. Елизавета пошла к нему, увидев её отражение рядом со своим, Гор спрыгнул и обнял девушку.

— Что-то случилось? Почему ты не спишь? — медленно подбирая жесты, спросила она.

— Изза, я заболела скоро. — Жалобно ответил малыш. — Я иногда очень сильно болею,

за мной Арчибальд присматривает. Я болел здесь недавно, но оправился, а сегодня мне снова стало плохо.

— А что у тебя за болезнь?

— Не знаю, но Арчи сказал, что ты мне поможешь. Он сказал, что ты теперь всё время будешь с нами. — Гор радостно заглянул в лицо Лизы, которая, улыбаясь мальчику, всё глубже проваливалась в нору загадок и недомолвок, уже не чая выбраться из неё. Но сейчас девушка гладила шелковистые волосы и смотрела в доверчивые чёрные глаза, не показывая своё недоумение и страх перед неизвестностью. А Гор достал из кармана серебряный браслет, к которому было подвешено множество миниатюрных фигурок человечков. Мальчик протянул ей украшение и сказал:

— Этот браслет защищает от врагов, так мне сказал Арчи, когда давал его, но у меня совсем нет врагов. Я решил подарить его тебе, чтобы ты не передумала из-за того, что мы много путешествуем и можем оказаться в опасности. Ты будешь под защитой.

Гор говорил всё это как обычно — старательно и, порой, неверно выговаривая слова, отчего его речь казалась ещё более трогательной. Елизавета готова была сбежать вниз и снова потребовать объяснений, но прекрасно понимала, что никто не собирается ей ничего разъяснять, а здесь останется обиженный ребёнок.

— Милый, я смогу постоять за себя, лучше оставь амулет себе и я буду спокойней, зная, что он тебя бережёт.

Хмурясь и читая её ответы по губам больше, чем по неловким жестам, Гор отрицательно помотал головой и упрямо повторил:

— У меня нет врагов, а если найдутся, то Арчи меня защитит. А про тебя он сказал, что Лизу и кошка домашняя в угол загонит, возьми. — И мальчик надел браслет на запястье покрасневшей Елизаветы, которой не польстила такая характеристика.

Вдруг совсем перехотелось спорить и выяснять что-либо и, поблагодарив Гора за заботу, девушка повела его спать. На площадке явственно раздавались отголоски громкого разговора, происходившего в гостиной, но слова были не понятны. Уложив мальчика в кроватку и поцеловав его перед сном, Лиза вернулась к себе и заплакала. Браслет, подаренный ребёнком, не имел замка, он просто соединился у неё на руке, и снять его не было никакой возможности. Так она и засыпала с неснимаемыми браслетами на руке и ноге и сознанием своей абсолютной незащитности перед любым развитием событий. Ей ввали все и все говорили, что врут только другие, а они лишь изредка искажают действительность. При этом её судьбу все решали где-то за её спиной, и посвящать Лизу в свои планы не собирались. С этими тяжёлыми мыслями девушка попыталась уснуть.

А Урсула и Арчибальд обсуждали нарушение договорённостей противоположной стороной.

— Урсула, что ты сделала с Елизаветой? Я столько времени потратил на поиски хотя бы похожей на Софию, а нашёл такой клад. Я помог тебе найти этот клад в другом мире, она была совершенно здорова и не могла умереть. Она должна была стать королевой.

— Отравила я ваш клад. Надо сказать, бедняжка сильно мучилась, прежде чем ослабла настолько, что можно было уверенно предсказать скорую гибель. Здоровье и, правда, было крепкое. Теперь она одна из нас — ни живая, ни мёртвая, застывшая в некогда безмятежной вечности, как муха в янтаре.

— Твоя нелепая, глупая месть этому корольку только за то, что он не любил твоей сестры, которую именно ты затащила сюда, подвела тебя и только тебя, моя милая. Мои

планы ты не порушила, как тебе, наверное, мечтается сейчас.

— Да, мечтается. Ты обманул меня. Ты обещал, что никто не пострадает, что умрёт пара гвардейцев и чёртова цыганка. Ты убил моих друзей.

— Я подправлял свой план после тебя, и если это стоило кому-то жизни, то винить в этом нужно лишь тебя, Урсула. Ты никогда не задумывалась над тем, сколько зла принесло твоим близким то своеволие, которое заменяет тебе талант, ум и характер.

— Переходишь на личности?

— Нет, подвожу итоги нашей дружбы. Елизавета могла бы сейчас развлекать Илорена, а мы устроить переворот, пока они любят красотами Мира Теней в своём путешествии. А теперь ты растревожила это сонное королевство, и ловец жемчуга действительно начал хвататься за власть.

— По крайней мере, Лиза теперь веда и он не сможет жениться на ней.

— А зачем ему? Она всегда может быть под рукой и без этого.

— Терхенетар не допустит.

— Её никто не станет слушать, по сути, только Илорена ещё уважают и хотят видеть своим правителем, а он скорее откажется от престола, чем от своей мечты. Слова ведьмы против желания короля ничего не значат уже очень давно.

— Но как же традиция? Король обязан её исполнить.

— Да, но теперь придётся заставить его это сделать. Неизвестно кто займёт его место, когда Илорену захочется бежать со своей возлюбленной. А так же придётся возиться с Лизой, чтобы она послушно выполняла мою волю и действительно не сбежала.

— Ты можешь заставить её, как и многих других.

— Это хорошо для одного — двух заданий, а её помощь будет нужна мне намного дольше.

— Зачем она тебе? — зло спросила Урсула.

— Скоро узнаешь. Лучше скажи мне, что ты успела наболтать ей про меня?

— Ничего, мы говорили про Морта.

— Я бы не хотел, чтобы она меня боялась и не доверяла. Елизавета должна была стать ключом во дворец, а ты снова всё испортила. Чего ты добиваешься всё время?

— Справедливости.

— Ммм, вот оно что. А тебе какую? Даже в этих стенах их, как минимум, четыре и, по двум из них, болтаться тебе на ближайшем суку. Ты наделала глупостей, Урсула, и придётся расплачиваться за них, даже я не смогу помочь тебе теперь.

После этих слов Арчибальд вышел, а Урсула пошла к Самре, чтобы увидеть того, кто её действительно любит и не обвиняет ни в чём. Она рассчитывала всех спасти и примирить, но потом, когда будут наказаны те, кого она ненавидела. Сейчас она придумывала способ избавиться от Елизаветы и дать ей сбежать, чтобы насолить своему сообщнику и отнять у него возможность проникнуть во дворец. Этого пункта их договора веда всегда особенно боялась и давно придумывала всё возможное, чтобы сорвать осуществление плана Арчи.

Глава 17. Помиловать!

Перед воротами резиденции проходило прощание Терхенетар со своими ведами. Последние напутствия сказаны, и все девушки уже в сёдлах застыли перед Госпожой Ведьмой.

— Может, всё-таки поедешь с нами? — спросила Махтаб.

— Нет, мои хорошие, постараюсь убедить Совет ещё раз. Езжайте и да хранят вас духи.

Веды кивнули и развернули коней в сторону большой дороги. Небо ещё было тёмным, и полоса горизонта лишь едва обозначилась вдали. Было решено разделиться и Махтаб, Линг, Мириам и Тереза отправились в Гирфентейн, а Агата, Алита, Велеса, Аврора и Абангу отправились на поиски Елизаветы.

Терхенетар стояла на мосту до тех пор, пока последняя из вед не скрылась за поворотом. Затем, тяжело опираясь на свою палку, она пошла во дворец, чтобы поговорить с Илореном.

Когда она подошла к покоям короля, чтобы передать что хочет говорить с ним об очень важном деле, с другой стороны туда же подходил Вёльф.

— Генрих, что ты здесь делаешь в такую рань?

— У меня встреча с Его Величеством перед заседанием Совета. А ты?

— А у меня важные новости для него, может, вы уделите мне несколько минут вашего внимания?

— Ну, меня могла бы не спрашивать, я готов посвятить тебе всё своё время.

— Не преувеличивай.

Стражи, дежурившие перед дверью последнее время, встали при виде премьеры и ведьмы. Гвардейцы, предупреждённые накануне о раннем визите, распахнули двери королевских покоев, и Генрих с Терхенетар увидели Илорена, который спал за столом, положив голову на руки. Они не стали окликать его, Госпожа Ведьма подошла и всмотрелась в утомлённое лицо, впавшие глаза, окружённые тенями, морщинки у переносицы.

— Он совсем измучился — шёпотом сказала Терхенетар, с нежностью глядя на знакомые черты.

— Да, он почти не спит в последнее время и стал такой кровожадный, чуть что сразу грозит всех казнить — ухмыльнулся Генрих.

— Вёльф, ты первый в моём кровожадном списке — просыпаясь, просипел Илорен. — Здравствуй, Терхенетар, что-то случилось?

Последняя фраза была сказана столь пренебрежительно, что ведьма, желавшая подготовить свою речь и рассказать новости как можно более дипломатично, резко выпалила:

— Да, твоя Елизавета нашлась в глухом лесу в компании воинов. Это она причина всех потрясений, происходивших в последнее время. Я предупреждала тебя, что с ней что-то не так, но ты не хотел слушать, так что теперь, как и много лет назад, мы все пожинаем плоды твоей глупости и эгоизма. Девчонка владеет чёрной магией.

Сон мгновенно слетел с короля и сейчас он ошалело глядел на разъярённую Терхенетар. Вёльф, усевшийся с другого конца стола тоже был изумлён до крайности, но не без

удовольствия отмечал и переменившееся отношение возлюбленной к королю, сейчас она его ненавидела. Но тем временем в себя пришёл Илорен и срывающимся голосом спросил:

— Где она?

— В глухом лесу, далеко отсюда. Но больше я ничего не скажу тебе, теперь она не твоя проблема и можете никого не казнить. — Сейчас Госпожа Ведьма чувствовала себя победительницей, она и её веды по-прежнему охраняли этот Мир и спасали его от злодейства, а себя от незаслуженной клеветы.

— Да, я ждал чего-нибудь подобного — задумчиво пробормотал Илорен, но скорее себе, чем собеседникам. Он ходил по комнате и тёр виски пальцами, словно пытался избавиться от головной боли. Потом остановился, оглянулся, приходя в себя после потрясения, и, схватив Терхенетар за плечи, испуганно спросил:

— А где веды?

— Уехали в Гирфентейн — внутренне сжавшись, ответила ведьма. В глазах Илорена было что-то такое, отчего даже её проняло холодом, это было не сумасшествие, а наоборот твёрдая решимость и уверенность.

— Все?

— Почему ты спрашиваешь, что случилось? Не пугай меня — резко попросила Терхенетар, зажатая в его руках.

Вэльф, не решавшийся вмешиваться в устоявшиеся отношения между правителями, услышав эту интонацию, перебрался поближе, чтобы иметь возможность немедленно придти на помощь в случае необходимости и был поражён увиденной в их лицах ненавистью, терзавшей этих двоих по отношению друг к другу. В самых сладких мечтах Генрих не мог бы представить ничего более зачаровывающего, но сейчас это не радовало его, потому что именно сейчас им всем нужно было быть вместе и выступать единым фронтом. Но он не решался сказать ничего. Это не смогло бы исчерпать их усталость от вечного тихого противостояния, которое велось веками между властолюбивой Госпожой Ведьмой, презиравшей всякого, кто не ценил Мир Теней и безразличным ко всему ловцом жемчуга, который так и не сумел стать королём, а был лишь заложником собственной благодарности за спасение и чувства вины за то, что привёл сюда живых. Они сейчас впервые не прятали свои чувства, которые давно искали выход.

— Терхенетар, я приказал следить за ведями и если они попытаются причинить вред Елизавете, то будут убиты на месте. Надеюсь, ты не отдавала опрометчивых распоряжений на этот счёт?

Ведьма побледнела и стала вырываться из рук короля, но он не пускал.

— Прекрати, отпусти её! — Возмущённо крикнул Вэльф и попытался отнять его руки от плеч Терхенетар. Тогда Илорен позвал охрану. В комнату вбежали четверо и застыли на пороге, увидев, как премьер и Госпожа Ведьма борются с королём, а он в свою очередь произнёс:

— Отведите Госпожу Веду в её покои, с этой минуты она отправляется под домашний арест по подозрению в планировании покушения на жизнь претендентки на престол, так же арестовать любую веду, которая попадётся вам на глаза. — Потом, обращаясь только к ней, тихо проговорил — ты не сможешь предупредить их и позволить уйти от заслуженного наказания, Терхенетар. Позже я зайду к тебе.

Генрих незаметно пожал её ладонь и кивнул, давая понять, что будет делать всё возможное, чтобы решить эту ситуацию как можно скорее, но вряд ли ведьма заметила,

казалось, она вообще не до конца осознавала происходящее. Илорен передал её из своих рук в руки охраны и, слегка трусившие, стражи повели Госпожу Ведьму в замок.

Вэльф подождал пока процессия выйдет, затем посмотрел на короля. Тот стоял с непроницаемым лицом и смотрел на двери, затем развернулся к премьеру и будничным голосом произнёс:

— К сожалению, я не смогу присутствовать на суде и казни, ты заменишь меня.

— Ваше Величество, не кажется ли вам, что сажать Терхенетар под замок...

— Это не менее верное решение, чем казнить мятежников и предателей. К тому же для неё это будет и полезно и безопасно. Веды продолжают копать себе яму, так что изолировав Терхенетар от них, мы сможем её оправдать. Если конечно она согласится отказаться от своих любимиц и признать их вину.

Вэльф не стал продолжать разговор, а быстро составил документ, по которому перенимал все полномочия короля, пока тот будет отсутствовать.

Больше книг на сайте - Knigolub.net

— Я доверяю тебе, Генрих, надеюсь, ты оценишь это — пристально глядя в глаза премьера, сказал Илорен и наклонился к столу, чтобы подписать поданную бумагу. Затем поставил свою печать и передал её премьер-министру.

— Я благодарен тебе за доверие, Илорен, — поклонившись, искренне ответил Вэльф.

— Что же, до встречи.

— До встречи, Ваше Величество.

И они разошлись в разные стороны: премьер-министр к Залу Совета, а король к Госпоже Ведьме.

Перед покоями Терхенетар он ещё раз проинструктировал охрану, относительно домашнего ареста и приказал не впускать и не выпускать никого без его ведома. Затем вошёл к ведьме.

— А, наш правитель, чем обязана?

— Покажи на карте, куда мне ехать?

— Пойми, эта девушка не та за кого себя выдаёт, её нужно уничтожить.

— Мне надоело это слушать, Терхенетар! — сорвался Илорен, потом провёл рукой по глазам и тихо, но напряжённо продолжил, — так что избавь меня и просто назови место. Возможно, я успею спасти хотя бы жизни ведам. Я не блефую — их убьют, всех.

Ведьма пристально посмотрела на него, потом, презрительно скривившись, подошла к карте, мозаикой выложенной у неё на стене и показала то место, где находилась будущая королева. Илорен достал свёрнутый экземпляр дорожной карты и отметил его, потом ни слова не говоря, вышел и вскоре уже скакал спасать свою невесту.

Вэльф провёл время до суда в хлопотах. Заседание совета он ограничил до одного часа, всё остальное время у него заняли личные дела.

На главной площади уже приготовили эшафот, на котором были поставлены гильотина для барона и по четыре виселицы по бокам от неё для людей более низкого происхождения, таково было распоряжение монарха. Проходя мимо этих сооружений, все трепетали внутренне, надеясь на благополучный исход и в то же время испытывая некоторую потребность в кровавом завершении этого дня, в который, как и во все предыдущие жизнь набивала себе цену чередой похорон и ожиданием казней.

— В конце концов, это из-за таких вот мы теперь все должны страдать — говорили одни горожане, поощряя решение правительства относительно нераскаявшихся

бунтовщиков.

— И правильно — вторили другие, — вон Привратника пожалели, и теперь он напустил к нам монстров вместе с этими сумасбродными ведами.

— Ах, не произносите при мне это слово, — отвечали третьи, — вот кого надо бы первыми возвести на эту сцену.

Так рассуждала толпа, стоя неподалёку от здания суда, построенного когда-то для решения бытовых вопросов особенно эмоциональной части населения, склонной к активной гражданской деятельности. Только во время рассмотрения дела Морта здесь звучало слово убийство, но это было очень давно и в тот раз присутствовали и сам король и Госпожа Ведьма, а дело рассматривал Совет. С этого дня подобные преступления становились частью стандартной судебной практики и решались обычным составом судебной коллегии, которая выглядела бледнее преступников, страшась необходимости вынести смертный приговор.

Итак, всё было готово. Заняли свои места обвиняемые, судьи, присяжные, зрители, обвинитель и адвокат. Слушание началось, и кто-то упал с подоконника в окно, неподалёку от присяжных, втиснутый напиравшей с улицы толпой, не успевшей занять места в зале. Напряжённую тишину разорвало нервным смехом присутствующих, оплошавший зритель, которому невозможно было ни найти места внутри, ни вернуться на подоконник, уже занятый кем-то другим, был выведен охраной. Главный судья, неестественно грозно хмурясь, постучал молотком и призвал к соблюдению приличий, строго посмотрел на уверенных в своём праве «форточников», безмятежно торчавших в окнах и начал слушание. Обвинитель степенно поднялся и сделал трагичное лицо, как на театре, а потом заговорил:

— Господа, соотечественники, друзья и соратники, обращаюсь к вам со словами сочувствия. Ибо есть среди нас те, кто покусился на наши устои, на всё то доброе и светлое, что составляло нашу бессмертную жизнь. Эти люди, которые сидят перед нами на скамье подсудимых, вероломно напали на двух молодых женщин и юношу...

В народе попереглядывались, припоминая что «юноша», по общему мнению, был убийцей и бывшим гвардейцем, а одна из молодых женщин была ведой и не самой популярной в народе, но в целом обличительная речь удовлетворяла, и никто не стал прерывать.

— Напали, как дикари, с подручными орудиями, посреди города и это при том, что одна из женщин была нашей будущей королевой, а значит и гарантом процветания нашего Мира. Помимо прочего, были совершены и другие нападения и есть все основания полагать, что это действия одной подпольной организации, поставившей своей целью уничтожение нашего Королевства. Все мы знаем о тех ужасных событиях, которые произошли в последние чёрные дни, не стану повторять то, что каждый из нас и без того обсудил многократно с друзьями. Напомню лишь, что именно с этих ужасных нападений началась гибель нашего вечного беспечного счастья. — На последних словах у обвинителя проступили слёзы, у него месяц назад родилась дочь, названная Аетерна (Вечная) и об этом знал весь город. И многие всхлипнули на последних словах и зааплодировали ему, выражая сочувствие и солидарность.

Но тут слово взял барон, не обращая внимания на призывы судьи дожидаться, когда его спросят.

— Я скоро могу лишиться даже той призрачной надежды на ваше вечное беспечное счастье, которая ещё теплится в этом Мире и городишке, к населению которого я имею честь не принадлежать, так что не собираюсь ждать. — Громко, как всегда, проговорил Магор. Его слова ожидаемо вызвали негодование, но голос барона без усилий перекрывал

этот шум. — Я узнал о происхождении наших любимых правителей, так вот малоуважаемая Госпожа Ведьма была деревенской шаманкой из какой-то горной глуши в мире людей, а Илорен всего лишь ловец жемчуга.

Не известно, какой реакции ожидал барон, но вместо осуждения горожане с восторгом приняли эти новости. По толпе бежал восхищённый шёпот: «по королю всегда было видно, что он обычный парень, всегда добрый и каждому улыбается на празднествах», " если бы был одним из этих, особенных, то этот горлопан избежал бы заслуженной участи», " зато ведьма какова, сколько гонору в деревенской шаманке, да ещё титул себе такой придумала — Госпожа, вот её бы к этому обличителю в пару». Всем нравилась мысль о том, что правитель человек из народа, это словно приближало их самих к трону и Илорена полюбили ещё сильнее, а неприязнь к барону только усилилась.

Магор с презрением оглядел толпу, и взгляд его задержался на безразличном ко всему лице Вёльфа, сидевшего в первом ряду и разглядывавшего росписи потолка. Судья, с трудом добившийся тишины в зале, ещё раз попросил подсудимого соблюдать порядок, если он хочет иметь возможность оправдаться перед судом и спасти свою жизнь. Но барон и в этот раз перебил увещевания и громко произнёс:

— Я не собираюсь оправдываться. Моя судьба уже решена и все здесь ждут необычайного зрелища нынче вечером. Я признаюсь в том, что нападение на очередную безродную смертную на площади было совершенно по моему наущению, это я подпоил и натравил на неё людей. И считаю, что поступил правильно. Король сделал из дворца базар, над нами стоят простолюдины, не знающие толк в государственном управлении, поэтому ничего не делается для процветания мира и возвращения ему первоначального вида без всяких смертных и вед, которые тащат сюда подружек, в то время как мы задыхаемся тут в пыли. Все, кто хочет вернуть золотой век должны восстать...

— И занять место рядом с тобой? — крикнули из толпы.

— Ну, кто-то всё же избежал наказания, так как происшествие в здании гильдий это уже не моих рук дело. Я никого не убивал, хотел только припугнуть. И не одобряю кардинальных мер, но считаю, что Илорен и Терхенетар должны уйти и передать власть более сведущим людям.

— Довольно, барон, мы учтём ваше признание. — Сказал судья. — Может кто-нибудь хочет последовать примеру барона и чистосердечно во всём признаться?

Слуги, верные своему господину до самого конца, сказали, что разделят его участь, какой бы она не была. Все они отказались от защиты. Напоследок, Магор произнёс, обращаясь к присяжным:

— Но помните, что этот выбор останется на вашей совести. Ваши правители спрятались, побоявшись смотреть нам в глаза, переложив ответственность на горожан. Ибо знают, что сегодня нас казнят за их слабость и трусость.

В зале прошёл взволнованный гул. Последние слова барона попали в цель. Отсутствие Илорена и Терхенетар в такой важный момент многим казалось странным.

Присяжные удалились, а судья пригласил премьера в свой кабинет и дрожащим от волнения голосом, теребя парик и пряча глаза, спросил:

— Ваше превосходительство, я всё понимаю, воля короля и мятежники и королева, но может не стоит так строго. Просто неразумные... Ну, можно ли за некоторые заблуждения так наказывать?

— Если бы эти люди занимали свою вечность чем-нибудь более мирным, нежели

организация вооружённых нападений, то их заблуждения никого бы не смущали. Кто-то всё же совершил убийства и они до сих пор на свободе, может это сообщники наших неразумных подсудимых сговорились сразу после заключения под стражу товарищей? Никому не хочется прибегать к подобной мере, но строгость наказания должна заставить остальных понять всю серьёзность подобных действий и оградить нас от бунта, который может вспыхнуть в любой момент.

— Я не знаю смогу ли приговорить к смерти, это же так чудовищно.

— Вам придётся.

На этом разговор закончился и премьер вышел на улицу, чтобы вдохнуть свежего воздуха и ещё раз представить последствия сегодняшнего дня, когда новости об этом разлетятся повсюду. "Никто не верит в казнь и не поверит, пока эта компания не умрёт и их тела не увезут к братской могиле, вырытой за городом. Без церемоний и прощаний, без памятников и эпитафий. Чтобы о них все забыли, как о страшном сне. Вот тогда сказка закончится, и Мир начнёт взрослеть по-настоящему». Вдруг он подумал о Елизавете и Илорене, пожелав ему про себя удачи неожиданно для себя самого, улыбнулся и вернулся в зал.

Присяжные объявили обвинительный вердикт, и судья зачитал приговор. Только после этого настоящее волнение прошибло преступников, и они стали озираться, словно ожидая окончания спектакля, который не собирался заканчиваться. Казнь была назначена на тот же вечер и все разошлись по своим делам до заката. Взволнованный Рамси вместе с верным охранником Гвидо тенью следовал за своими единственными девятью заключёнными, которых конвоировали гвардейцы. Он даже попытался подкупить присяжных, чтобы узников приговорили к длительному заключению в тюрьме, вместо казни, но безрезультатно. Теперь он старался отвлечь всех рассказами о праздничном ужине, на котором они будут весело кутить назло всем чёрствым людям, пусть и в последний раз. Узники ожидаемо не отвечали на эти попытки. Для последней трапезы была выбрана небольшая таверна, в которой приговорённых уже ждали семьи и близкие. Охрана оцепила здание, притихшие Рамси и Гвидо с тоской наблюдали за сценой прощания, заняв места в углу, чтобы не мешать и при этом не упускать никого из виду во избежание возможных недоразумений.

К барону допустили только семью — жену — тихую скромную женщину с опухшим от слёз лицом, двух дочерей и трёх сыновей, похожих на него и внешне и, судя по решительным жестам и той ярости, с которой они шёпотом спорили между собой о чём-то, по характеру. К его вассалам так же приехали жёны с детьми, но эти только тихо укоряли супругов и отцов, стараясь держаться подальше от семьи сюзерена. Расслышать можно было лишь причитания женщин, которые постепенно образовали отдельный кружок и стали обсуждать свои тщетные попытки вызволить мужей из заточения и безрассудство, с которым те соглашались на смерть.

— Мне кажется, что на этот шаг правительство не пойдёт. Просто попугают, и может ещё подержат в заточении, но потом помилуют — сказала жена барона, всхлипывая.

— Да-да, я тоже так думаю. Ведь не могут же у нас, в нашем светлом и добром Мире по-настоящему казнить. И все в этом уверены — поддержала её жена одного из вассалов, но при этом старалась не смотреть в глаза баронессы, злясь на её мужа за опрометчивые слова на суде, обратившие толпу против подсудимых.

Рамси тоже не верил в серьёзность происходящего, с Мортон всё было похоже, только не заходило так далеко, но он и вины не признавал. В целом атмосфера в таверне сложилась

скорее деловая, чем сентиментальная, осуждённые отдавали последние распоряжения и старательно избегали обсуждения предстоящего вечера. Никто не стремился объединиться в этот решительный момент и предаваться маленьким житейским радостям. Все хлопотали, разбившись на маленькие группки.

Тюремщик тихо прошептал своему помощнику:

— Неужели им до сих пор важна аристократичность? Какие они суетливые в эти последние минуты.

— Дети барона станут мстить, сейчас договариваются о том, как это сделать — спокойно ответил Гвидо и, отвернувшись от арестантов, грустно улыбнулся своему старому другу.

Так они и сидели, пока не подошло время отправляться к месту казни. И единственный тюремщик даже обрадовался, когда все эти разговоры были закончены. Сегодня на площади не было лотков, и народ толпился не просто из любопытства, а из какого-то другого, более глубинного и древнего чувства. Это была непреодолимая тяга к острым ощущениям, чувство собственной безопасности, сознание своей невиновности, сочувствие и осуждение и, конечно же, страх, пригвождающий к месту, вместо того, чтобы гнать отсюда.

Вот приговорённых возвели на эшафот и расставили по местам. Всё было таким же, как всегда и только страшные орудия казни в мягком свете вечера щекотали нервы. Вот на балконе ратуши показались министры и замерли, глядя на жуткое возвышение. Высоко в небе пролетела стая птиц и многие провожали их взглядами, пока глашатаи повторяли текст приговора. Вот барона связали, положили на живот и закрепили голову, остальным набросили петли на шею. В парке неподалёку ветер прошелестел в кронах деревьев и палачи в чёрных масках подошли к рычагам орудий. Толпа отпрянула и истошные крики «Помиловать!» заглушили скрип приведённых в действие механизмов.

Глава 18. Воины и королева

На дрожащей ладони Урсулы была кровь, лицо её осунулось и тяжёлое хриплое дыхание звучало оглушительно в тишине, наступившей после чудовищного приступа кашля, который только что сотрясал её тело. Арчибальд тихо произнёс:

— Лиза, пожалуйста, спустись вниз, проверь, как там Самра.

Елизавета в ужасе смотрела на скорчившуюся в кресле веду и не сразу пошла исполнять его просьбу. Медленно она покинула комнату, в которой ещё пару минут назад Урсула пыталась казаться весёлой и отвлекать всех от серьёзных мыслей. Гор заболел, и Арчибальд никого к нему не пускал и ни с кем не разговаривал. Лиза, попытавшаяся заговорить с ним и с ведой несколько раз за прошедший день, наткнулась буквально на грубость и оставалась в привычном неведении.

Девушка спустилась на первый этаж, лишённый окон и освещённый только светом факелов и, увидев, что цепь Самры спускается в подземелье, пошла вниз, предупреждая громкими окриками о своём вторжении. Никто не откликнулся и, уже не осторожничая, в раздражении, Лиза быстро спустилась к заветной двери и, громко постучав, тут же сама распахнула её и вошла. Самра дрожала в углу, на соломенном тюфяке, помимо которого здесь были стул и небольшой столик, с лежавшей на нём стопкой книг. Несчастливая смотрела на вошедшую мутными, ничего не видящими глазами и едва слышно прошелестела ей что-то. Елизавета присела, чтобы быть с ней на одном уровне, но, из последних сил, Самра махнула кистью от себя и покачала головой, после чего, тихо застонав, опустилась на своё ложе и закрыла глаза. Лиза оглядела помещение, предварявшее круглую площадку, по периметру которой кольцом располагались камеры, но не стала его исследовать, а зажгла для Самры факел и повернулась к выходу, когда за спиной раздался громкий нетерпеливый окрик:

— Эй, там, лешая! Может, и мне свет зажжёшь? Когда ты меня кормить собираешься?

Кричала девушка и явно не пугливая. Лиза повернула обратно и стала оглядываться в поисках ключей, но их нигде не было видно, зато решётка, ведущая к камерам, была заперта только на засов. Елизавета аккуратно открыла её и вошла, держа факел перед собой на вытянутой руке.

— Кто вы? — дрогнув голосом, спросила она, оглядывая темницу.

— Я здесь, помогите, — изменившимся голосом произнесли из темноты по правую руку от Лизы, и она направилась к девушке, вышедшей на свет из глубины одного из отсеков, отделённых друг от друга широкой каменной стеной, а от свободы толстыми металлическими прутьями. — Меня похитили из родного дома и привели сюда, меня зовут Виктория. Я не видела никого, кроме уродливого существа, которое приносит мне еду. Пожалуйста, помогите мне.

Серое лицо, давно не видевшее солнечного света и не чувствовавшего прикосновения свежего ветерка, спутанные тёмные волосы и большие зелёные глаза, в которых одновременно были и недоверие и отчаянная надежда и страх перед возможным ухудшением участи.

Елизавета совершенно растерялась и со страхом смотрела на такую же похищенную девушку, потом спросила:

— Расскажите, как оказались здесь, только подробно, — сорвавшимся от чего-то

голосом спросила она.

— Я гуляла со своей собакой, когда ко мне подошла молодая девушка и спросила, не хочу ли я править в заколдованном Мире, куда она меня может перенести прямо сейчас. Она была одета только в лёгкое платьице, хотя на дворе была зима. Подумав, что это розыгрыш, я ответила, что мне нужно только заскочить домой, чтоб забрать свою волшебную палочку и кольцо всевластия и я готова. Она усмехнулась и сказала, что всё это мы подберём прямо на месте, и набросила на меня какую-то старую тряпку. Когда я выпуталась из неё, то увидела, что на мне надета белая хламида, а рядом всё та же девушка. Она взяла меня за руку и повела через туман, вскоре я потеряла сознание и очнулась уже здесь, где видела только зелёное чудовище, не умеющее говорить. Вы знаете, где я? Вы мне поможете?

— Как давно вы здесь?

— Не знаю, здесь не видно солнца и у меня нет никакой возможности записывать и даже говорить с кем-нибудь, кроме того существа. Но, если судить по еде, то больше месяца.

— Вас не усыпляли и не травили при переходе?

— При переходе? Нет, просто накинули тряпку... хотя, та девушка действительно бросила мне что-то на лицо, я не знаю, но меня не пытались отравить... пока.

Лиза догадывалась, что Урсуле удалось каким-то образом затащить сюда их обеих, при том почти одновременно, если верить их рассказам о разнице во времени. Хотя Терхенетар говорила, что эта разница сокращалась. Кашель, донёсшийся оттуда, где оставалась лежать Самра, заставил Елизавету очнуться от несвоевременной задумчивости. Она спросила, не видела ли Виктория куда «леший» прячет ключи?

— Они возле решётки, на стене справа.

Лиза обернулась и протянула к ним руку, но в этот момент вбежал Арчибальд и, увидев ключи, схватил их сам, потом увидел узницу и отрывисто бросил Лизе:

— Кто?

— Претендентка, смертная, — не колеблясь, ответила Елизавета.

— Потом, сейчас нужно лекарство для Урсулы и Самры, пойдём. — Он схватил девушку за руку и потащил за собой, Лиза обернулась и сказала:

— Я вернусь, подождите.

Виктория коротко кивнула и ответив:

— Спасибо, я не уйду никуда, — слабо улыбнулась.

На лестнице, Арчи остановился, развернул Лизу к себе лицом и, взяв её за плечи, начал объяснять:

— Что-то произошло в столице, что потрясло устои всего Мира, это ещё можно исправить, что бы там ни говорили шаманки, но в данный момент всё рухнет и к нашим подружкам вернулись их смертные недуги, сейчас судьба пытается их догнать в этом закутке, в котором они когда-то так удачно спрятались от неё. Мы можем постараться всё исправить, но ты обязана слушаться меня во всём беспрекословно. Согласна?

— Да, что мне делать? — девушка отвечала без всякого энтузиазма, желая лишь поскорее выполнить задание.

— Сейчас тебе нужно пойти в лес и найти там растение, которое сможет улучшить состояние Самры и Урсулы, а так же маленькому Гору. Сегодня его приступы были особенно тяжелы, и я использовал весь свой запас на компрессы.

— Как выглядит растение, и где я найду его?

— Вот образец, этот чахлый цветок я сорвал у колодца, растение лишь облегчит их

муки, но больше я ничего не могу сейчас сделать. Искать его нужно около воды, иди к реке и возьми с собой факел скоро стемнеет. Вот сумка, набери хотя бы половину. — С этими словами, он одел на Лизу сумку из кожи и, обняв, прошептал на ухо — нас с тобой ожидают трудные времена и лучше доверять друг другу и держаться вместе, ладно?

— Что это за браслет и почему мы теперь вместе?

— Очень сильный оберег для тебя, но он обязывает тебя оберегать своих друзей: Гора и нас всех.

— Давно мы дружим?

— Лиза, сейчас не подходящее время, — начиная злиться, ответил Арчибальд.

— Сними его с меня, я не хочу вас защищать, а Гору, я уверена, никто не причинит вреда.

— К сожалению, хозяина для браслета выбирает мальчик и тот, кому он его оденет на запястье, сможет расстаться с ним только в двух случаях: либо после смерти, либо его снимет тот, кто когда-то изготовил, а я не знаю где этот человек. Судьба ребёнка напрямую зависит от этого оберега. Я не буду от тебя ничего скрывать, клянусь. Но, чтобы всё поправить, мне нужна твоя помощь.

Арчибальд с мольбой смотрел на задерживавшую его Елизавету, она кивнула, но перед уходом сказала:

— Я очень надеюсь, что ты не станешь потом избегать разговора снова.

— Я поклялся, Лиза.

Девушка побежала в лес. Цепь, к которой она уже настолько привыкла, что забыла попросить, чтобы учёный её снял, звенела при каждом шажке и порой цеплялась за корни и траву. То, что при свете дня и во время спокойной прогулки не замечалось, в данный момент предельно выводило из себя и, казалось, что все эти препятствия высунулись из земли лишь сейчас, когда ей нужно было очень быстро сбегать в лес и вернуться обратно в башню. Она пришла на берег, когда солнце уже скрывалось за горизонтом, и зажгла факел заранее, воткнув его в землю рядом с собой. Растение, которое просил Арчи, было здесь повсюду, но росло у самой воды пучками, и было разбросанно на расстоянии друг от друга. Собирая его, Лиза основательно промокла и устала от выпутывания цепи из прибрежных зарослей. Когда сумка была наполнена наполовину и девушка, стоя по колени в воде, тянулась к маленькому островку, чтобы нарвать последнюю партию и вернуться домой, на реке впереди показались пузыри. Елизавета схватила, сколько могла цветов и вышла на берег, потом обернулась и осветила факелом на озеро ровно в тот миг, когда над водой стало показываться плечо, которое она сначала приняла за корягу. Оцепенение перед медленно вышагивавшим воином, который поднимался из воды, прошло, когда за ним стали подниматься другие, такие же, как он, а за спиной раздался топот конских копыт на дороге. Всё ещё сжимая в руках пучок лечебной травы, Лиза, как не жутко ей было сделать это, повернулась спиной к монстрам и побежала в сторону башни, попутно зовя на помощь. Хруст веток и хриплое дыхание множества изувеченных грудных клеток говорило о том, что они следуют за ней. Цепь постоянно цеплялась и обезумевшая от страха девушка бросалась её распутывать, не выпуская из рук злосчастного пучка целебного растения, мешавшего ей. Но вот справа замелькали факелы и зазвучали женские голоса, просившие откликнуться. Видимо, проезжавшие путники слышали призывы о помощи и теперь искали Елизавету. Она кинулась к ним, чтобы предупредить и, по возможности, передать весточку во дворец. Падая, отцепляясь и снова поднимаясь и со всей возможной быстротой двигаясь навстречу

помощи, она крикнула:

— Я здесь! — и помахала факелом, привлекая внимание. — Осторожно, здесь воины!

Первая, кого увидела Елизавета, была огненно-рыжая девушка в зелёном платье, в котором ходили все веды, только с разрезами по бокам. В руках она держала лук с наложенной на тетиву стрелой. Подобное везение казалось невероятным и радость переполнившая Лизу, совершенно отвлекла её от приближавшейся сзади опасности. Она узнала Агату по описанию, данному Урсулой. И, широко улыбаясь, рванула к ней, желая поскорее рассказать о том, что произошло и просить помощи, но предательская цепь снова зацепилась за какой-то корень, торчавший из земли. Лиза упала, выпустив в этот раз и цветы и факел, в гаснущем свете которого, приподнявшись, увидела, как Агата выпускает в её сторону стрелу. Свет померк и в темноте раздался крик:

— Я нашла её, она здесь!

«Прям над ухом просвистела, хорошо, что факел погас. » — Думала тем временем Лиза, боясь пошевелиться. Сразу после этого выстрела девушка оглянулась, уверенная, что сзади появился воин и стреляли в него, но там ничего не было. Стрела немного оцарапала кожу у неё на голове, а Агата, судя по звуку, уже приготовила следующую. Со всех сторон к ней двигались соратницы с факелами. Надо было действовать очень быстро, но говорить что-либо она боялась — веда могла попасть, ориентируясь на голос, а разглядеть в кромешной темноте цепь и начать греметь ей, было тем более опасно. Елизавета решила говорить, пока её плохо видно и можно оттянуть момент, но решение это было запоздалым. Кто-то уже бесшумно подкрался со спины. Маленькая ручка мягко взяла её за волосы и резко рванула, запрокидывая голову назад, чтобы приставить нож к горлу. С трёх сторон вышли другие веды с факелами. Елизавета узнала каждую и вспомнила, как сочувствовала этим девушкам, как они заочно уже понравились ей, и как её всегда подводило неумение разбираться в людях.

— В лесу воины, нам нельзя здесь оставаться — сказала она твёрже, чем могла надеяться.

— Где Урсула, что ты с ней сделала? — спросила Абангу, пропуская её предупреждение мимо ушей.

— Здесь, в башне неподалёку. Мы можем пойти туда, и я всё вам объясню.

— Мы и без того всё знаем и к тебе в логово не пойдём, — сказала Агата — ты прикажешь своим монстрам привезти Урсулу сюда.

— Кому?

В этот момент, казалось, весь лес затрепал и на поляну, где происходил допрос, вышли воины. В лесу, при свете факелов они внушали непреодолимый ужас и сейчас они двигались со всех сторон к группе девушек. Агата попыталась отстреливаться, но существа заслонялись своим правым громоздким плечом, от которого стрелы веды отскакивали.

— Прикажи им остановиться! — закричала на Лизу Алита, нажимая на кинжал и побелев от страха и ненависти к своей пленнице. — Прекрати это! Скажи им, чтобы уходили! — Она дёрнула опешившую Елизавету за волосы при каждом восклицании. Понимая, что единственным доказательством беспомощности будет её демонстрация, Елизавета крикнула:

— Уходите! — звонкий голос страха перекрыл хруст и хрип, которые издавали существа. Но после её крика на несколько секунд воцарилась тишина, а затем воины стали отступать, возвращаясь в лесную глушь. Веды снова повернулись к Лизе, и девушка очень пожалела об этом. Омерзение, которое выражали молодые красивые лица, при взгляде на

неё, ощущалось физически.

— Я не знаю что ты такое, — тихо проговорила Велеса — но под одним небом с тобой нам не жить больше ни минуты. Алита, мы найдём Урсулу, но её нужно убить немедленно, пока она не призвала свою помощь обратно.

— Нет, что я вам сделала? — в ужасе и со слезами спросила Елизавета. — Я...

— Молчи, что бы ты не попыталась соврать, веры тебе не будет, так что если есть у тебя тёмные боги, которым ты отдашь свою чёрную душу, молись им! Алита, сделай это, и уйдём отсюда — сказала Абангу.

Веда занесла нож над оголённой шеей Лизы и второй раз за последние минуты просвистела над ухом полумёртвой от страха девушки стрела, вонзившись в грудь Алиты. Оружие выпало из её руки, а сама несчастная рухнула вслед за ним на влажную землю и застыла. Со всех сторон зазвучали голоса:

— Сложить оружие! Именем короля, вы арестованы! В случае сопротивления нам приказано вас убить!

Веды совершенно растерялись и на время забыли про свою пленницу. А испуганная Елизавета вжалась в землю, не зная чего ожидать от вновь прибывших, и тихонько отползала в темноту, куда не доходил свет факелов, тут кто-то схватил её за ногу и она, едва не закричав, оглянулась и увидела, как Арчибальд возится с браслетом у неё на ноге. Что он делал, разглядеть было сложно, но скоро она была свободна и смогла скрыться вместе с ним, но очень быстро и под громкие окрики гвардейцев, которые тут же пустились в погоню.

Глава 19. Так кто же ты?

Илорен скакал весь день практически без передышки, он останавливался только затем, чтоб сменить лошадь и напиться воды. Все мысли его были о том, что может случиться, если он опоздает и веды смогут оторваться от гвардейцев, или Терхенетар солгала. Пока все, кого он встречал на постоянных дворах, отвечали ему, что видели и тех и других, но на последней остановке, перед закатом, когда до цели оставалось совсем немного, зайдя в таверну, чтобы набрать воды в флягу, король увидел своих посланников за кружками с элем. Они о чём-то болтали и не обращали внимания на входящих, так что не заметили своего правителя.

— Что вы тут делаете, где веды? — Илорен уже представлял самое худшее, и даже гнев замер в нерешительности, уступая чувству страха.

Военные вскочили со своих мест и побелели так же сильно, как правитель. Начальник отряда ответил, отводя глаза:

— Мы потеряли их, Ваше Величество. Всё вокруг обыскали, но ведьмы, как только заехали в лес в паре километров отсюда, сразу как сквозь землю провалились.

— Я знаю то место, куда они должны направиться, собирайтесь. — Король понимал, в лесах гвардейцам найти колдуний нереально, тем более что их задачи всегда были намного проще и не требовали ни внимательности, ни осторожности. Скорее всего, что, заметив погоню, веды спрятались и переждали безрезультатные поиски, а затем продолжили свой путь. Но это не оправдывало расслабленное веселье в такой момент, так что король добавил — и если что-нибудь случится с девушкой, то вы ответите за это головой. Все. Вперёд.

Когда гвардейцы во главе с королём проскакали несколько километров, отделявшие трактир от отметки на карте Илорена, то сразу услышали странный хруст. Казалось, будто по лесу бродит толпа народа, но никого не было видно. Только в глубине, на прогалине, горели факелы. Туда правитель и повёл своих людей. Они шли тихо, стараясь не привлекать к себе внимания. Скоро между деревьями стали заметны зелёные платья вед. Девушки стояли вокруг чего-то или кого-то, кого не было видно, но все они смотрели на этот предмет. Начальник отряда подошёл к государю, державшему в руках заряженный арбалет, и шепнул ему на ухо:

— Ваше Величество, может ну его, кажется у них тут ритуалы какие. Помешаем, так они нас заедят потом.

— Не заедят, они прямо отсюда должны отправиться в подземелье к Рамси. Обходите их полукругом, только тихо.

Хватать их, не зная, где может быть Лиза, Илорен не хотел, он думал, что сейчас происходит гадание и затем уже веды пойдут к тому месту, где находится девушка. Но вот одна из них посторонилась и взору предстала картина, за день измучившая его воображение: Елизавета беспомощная и заплаканная стояла на коленях, а над ней собрались ведьмы с ненавистью шипевшие ей что-то, одна из них держала голову жертвы запрокинутой и занесла над ней свой кинжал. Не секунды ни раздумывая, Илорен прицелился и нажал на спусковой рычаг. На этот сигнал со всех сторон стали выходить гвардейцы, и на время Елизавета потерялась из вида. В суматохе ареста он подошёл к тому месту, на котором девушка стояла на коленях, когда Арчибальд её уже увёл. Бросившись на голоса своих людей, кричавших ей вслед приказания остановиться, король скоро увидел, как они бегут обратно, с

белыми от ужаса лицами, даже не глядя на него. Илорен остановил одного из них и потребовал от него объяснений.

— Ттам... воины. Много, весь лес кишшит.

— А девушка, как же она, как вы могли её бросить? — он схватил беднягу за грудки и потрянул его.

К ним подбежал другой гвардеец, менее впечатлительный, но тоже заметно трусивший того, что находилось за его спиной.

— Ведьма управляет ими, она сказала им расступиться и эти твари разошлись, омерзительно дёргая своими жуткими головами, если эту опухоль можно так назвать. А затем, пропустив её и мужчину, сомкнули ряды и уставились на нас чудовищными мордами. Эти существа охраняют бесовку.

— Думай, о ком говоришь! — крикнул король, отпуская первого и наступая на этого солдата. — Тебе, верно показалось. Её утащил какой-то колдун, а вы даже не попытались ей помочь.

— Воля ваша, Ваше Величество, нам теперь можно что угодно приписать, да только я говорю, что видел. Она крикнула «расступитесь» и эти расступились и пропустили их в башню. А мужчина рядом стоял и обнимал, а она голову ему на плечо положила и так они в башню и ушли.

— В какую башню?

— Там, поглубже в лесу, башня, Ваше Величество. — Встрял оклемавшийся первый солдат. — В неё беглецы и ушли и эти монстры вокруг той башни стоят и охраняют.

— Принесите мне факел — приказал Илорен, всматриваясь в ряды деревьев. Когда ему подали требуемое, монарх добавил — никому за мной не ходить, ждите здесь.

— Но, Ваше...

— Это приказ.

Он пошёл в том направлении, которое ему указали гвардейцы, и вскоре вышел к аллее, ведущей в башню. Илорен медленно приближался к стене воинов, стоявших неподвижно, словно они оцепенели в безволии. "Интересно, это дисциплина держит их или чья-то воля руководит каждым движением монстров». Охрана не проявляла никакого интереса к нему, некоторое время король стоял в двух шагах от них и с опаской ждал реакции, но её не последовало. Спрашивать у воинов что-либо было явно бессмысленно, и Илорен громко крикнул:

— Елизавета, это Илорен! Я здесь совершенно один и без оружия, я хочу поговорить с тобой!

Вскоре после этого воины зашевелились и открыли проход, по которому к нему подбежал мужчина и, поклонившись, произнёс:

— Ваше Величество, простите, что являюсь вместо Лизы, но после вероломного нападения вед ей совсем плохо. Я дал бедняжке успокоительного отвара и отправил отдыхать. На неё сегодня свалилось слишком много.

— Я хочу увидеть её и забрать с собой. Кто вы?

— Меня зовут Арчибальд, но моя личность сейчас не так уж и важна. Вы можете остаться в башне на ночь, а завтра утром девушке будет легче. К тому же, сегодня выяснилось одно очень важное обстоятельство, которое касается напрямую вас и Лизы. Можете пригласить сюда своих гвардейцев, для ведм у нас есть камеры, можете посадить их туда.

— А как же ваши «гвардейцы»? Могут ли я доверять вам?

— Выбор за вами, а я не настаиваю. Эти существа оберегают не меня, а Елизавету, которая теперь едва ли в ближайшее время захочет покинуть свой новый дом, если её не уговорить.

— Хорошо, я останусь в башне, но один. Я отдам приказ своим людям и вернусь.

— Я подожду вас, — с поклоном ответил Арчибальд.

Илорен пошёл обратно на дорогу. По пути к нему присоединились солдаты, во главе с начальником отряда, послушавшиеся приказа и следившие за ним. Остальные уже были в сёдлах. Окружённые веды казались абсолютно бесчувственными, тело Алиты весело на её лошади, поводья которой были в руках Абангу. Девушки смотрели вперёд, ничего не говоря и не двигаясь. Король подошёл к ним со словами:

— Мне жаль, что пришлось прибегнуть к крайним мерам, но винить в этом вы можете только себя. Покушение на жизнь будущей королевы это серьёзное преступление и всех вас ждёт суд. О вашем сговоре мне уже известно. Надеюсь, вы не усугубите своей вины и не попытаетесь сбежать или причинить вред гвардейцам?

— Нет, мы не причиняем зло — мы лишь хотели его искоренить. — Ответила за всех Велеса. — Мы не станем сопротивляться и уж тем более вредить ни в чём не повинным людям. Вы убили ту, которая пыталась всех спасти от проклятья, которое несёт в себе Елизавета и настанет день, когда мы все за это заплатим.

— Ваша расплата настанет много раньше, так что не забивайте себе больше голову этим, а попытайтесь насладиться относительной свободой по пути в замок.

— После того как ты убил нашу сестру? — дрожащим голосом спросила Абангу, не сумевшая сдержать слёз, брызнувших из её глаз. — Не путай нас с собой, готовым уничтожать всех, ради своей похоти...

— Замолчи! Как вы смеете высказывать мне претензии после всего, что натворили ты и твои чёртовы сёстры? Это вы прокляты ненавистью ко всему, что дорого простым людям, как и ваша Госпожа.

Илорен в негодовании отошёл от них и, взяв под уздцы своего коня, сказал начальнику, что ночь проведёт в башне.

— Марек, я передал всю полноту ответственности премьер-министру Вэльфу. Бумага с приказом об аресте и заключении в подземелье у вас есть, так что при приезде покажете её и отчитаетесь ему.

— Ваше Величество, прошу вас, возьмите меня с собой или кого-нибудь из ребят. Одного нам вас оставить невозможно, — с мольбой обратился к нему гвардеец.

— Я должен понять, что здесь происходит и как договориться с теми, кто управляет монстрами. Если это ловушка, то вы, даже если пойдёте со мной все вместе, не сможете противопоставить ничего этим существам. А так, по крайней мере, моя совесть будет чиста хотя бы в том, что рискую я только собственной жизнью.

— А если они вас околдуют там?

— Не смогут, у меня есть оберег, — улыбнувшись, ответил король и, пожелав всем спокойного пути, пошёл к ожидавшему его Арчибальду.

Дрожь, охватывавшая его при мысли о том, что Терхенетар и веды были правы и эта девушка не та, за кого себя выдаёт, всё больше напоминала отрезвление. Ведь она могла быть в сговоре с Урсулой, и все эти совпадения могли быть не случайны. Чем ближе он подходил к чудовищному оцеплению, тем явственней для него было собственное безумие.

Он вспомнил слова ведьмы, сказанные ему когда-то в ответ на ту же фразу, которую он сказал на прощание Мареку: " Твой единственный оберег это твоё непомерное самомнение, но когда-нибудь ты заплатишься за него».

Арчибальд стоял на том же месте, и, чем ближе король подходил к нему, тем сильнее было в нём ощущение сошествия в ад, готовый распахнуться за дверью башни. Но отступить было поздно, Илорен шёл между рядов исковерканных воинов немного впереди своего провожатого, так что не мог видеть улыбки на его губах. Шарканье тяжёлых подошв за спиной возвестило о том, что ряды сомкнулись.

«Нет, она просто не может быть злом. Это всё чушь, она просто попала в эту переделку из-за проклятых законов этого мира, возведших вокруг неё множество правил, требований и придинок тогда, когда она ещё не проснулась после перехода и стала такой же заложницей презренных разбойников, как София, их орудием. " — Думая так, Илорен прибавил шагу и на ступени лестницы уже вбежал, на ходу распахнув перед собой тяжёлую входную дверь.

— Где она, я могу убедиться, что с ней всё в порядке? — обернувшись, спросил он у Арчи.

— Да, если конечно не будете так шуметь и волноваться, здесь много больных.

— Больных? — с недоумением переспросил король.

— Да, Ваше Величество, больных.

— Сколько всего здесь человек?

— Четыре девушки, три из которых веды, а четвёртая будущая королева, я и очень больной мальчик.

— Хорошо, всё это потом. Отведите меня к невесте.

— Как будет угодно Вашему Величеству. — Покорно ответил Арчибальд и отвёл его на третий этаж, в спальню Елизаветы.

В комнате горела одна свеча, в свете которой едва угадывались очертания стройной фигуры, сидевшей на краю постели. Илорен рванулся вперёд и прошептал:

— Елизавета.

Девушка обернулась и, поднявшись, вышла на свет. Это была не Лиза. Тёмные волосы, лукавый взгляд зелёных глаз и более смелые, раскрепощённые движения.

— Добрый вечер, Ваше Величество, — также шёпотом сказала она — меня зовут Виктория. Лиза только что уснула и не стоит тревожить бедняжку, я побуду с ней сегодня. Боюсь, что она испугается, когда проснётся ночью.

— Да, конечно, спасибо, — удивлённо и расстроено ответил правитель. — Я только взгляну на неё и уйду.

Виктория, в свою очередь, с недоумением посмотрела сначала на короля, затем на Арчибальда. Илорен взял свечу, подошёл к изголовью, где на подушке покоилась голова Елизаветы, и стал всматриваться в свои любимые черты. Но вот они исказились и, поморщившись от света, девушка отвернулась от него.

— Ваше Величество, вы разбудите её, пойдёмте в гостиную, — мягко попросил Арчи, подходя сзади.

— Да-да, конечно, — неохотно отрывая взгляд от силуэта спящей, ответил король и позволил увести себя, кивнув на прощание Виктории.

В гостиной было темно, свет исходил только от горевшего в камине огня. Пока Арчибальд возился с приготовлением кофе, Илорен предавался размышлениям о грядущем разговоре с Елизаветой, который должен был решить его судьбу. Из глубокой и мрачной

задумчивости его вывел голос прорицателя, сказавший:

— Ваш кофе, Ваше Величество.

Илорен посмотрел на предложенную чашку, как на ядовитого паука, перехватив этот взгляд, учёный поспешно добавил:

— Здесь никто не причинит вам вреда, наоборот — судьба всех нас зависит от вашего милосердия. Большинство из оказавшихся под этой древней крышей лишь жертвы обстоятельств. Можете спокойно пить.

Король кивнул, но к чашке не притронулся.

— Почему эти чудовища охраняют Лизу и что это вообще за существа?

— Эти существа бродят между мирами, здесь они оказались случайно, приняв чужое обличье. Скоро мы узнаем, какой облик они приняли для вашего Мира.

— Как?

— Где-то пропало очень много людей.

— Как ты управляешь ими?

— Надо просто чтобы Лиза приказала им слушаться того или иного человека.

Илорена резануло то, что этот чужак всё время говорит о Елизавете как о близкой знакомой. Арчибальд провёл с ней намного больше времени, чем он и теперь девушка, вероятно, доверяет ему сильнее. Резче, чем хотел, король спросил:

— Так кто же ты?

Арчи не сдержал ухмылки, его глаза блеснули. Впрочем, он тут же стёр с лица лукавую гримасу и смиренно произнёс:

— Я путешественник, только между мирами, также занимаюсь прорицанием, поэтому многое видел и знаю. Меня всюду сопровождает один мальчик, но сейчас он сильно болен. Сюда нас привёл случай. Такой же случай наградил Елизавету браслетом, на который идут эти создания, поэтому они и слушаются её, несмотря на тот ужас, который внушают бедняжке.

— Откуда у неё браслет?

— Подарок Гора, моего мальчика. Он нашёл его, когда мы были в предыдущем мире. Там я встретил старика, который рассказал мне ужасную историю о воинах, превращённых в монстров, разгуливающих всюду в поисках того, кто проклял их, желая снять своё проклятье. Возможно, именно эта безделушка привела нас к вашим вратам. Этот старик имел неосторожность внушить малышу, что вещь является оберегом, а я не стал разубеждать его, не думал, что он так распорядится своим сокровищем. Этот браслет теперь неотъемлемая часть девушки — его не снять. Даже если отрубить ей руку, то он окажется на другой. Она связана с ним, а значит и с его рабами до своей смерти, после которой он снова исчезнет вместе с монстрами, которые окажутся в другом мире в ожидании нового хозяина, а он обязательно появится хоть через тысячи лет.

— А можно ли убить их?

— Разумеется, на браслете висят фигурки, которые изображают человечков, это схематичные изображения жертв проклятия, когда одного убивают его фигурка пропадает, и оберег становится чуть меньше, стягиваясь на запястье владельца.

— Значит, чтобы избавиться от тварей надо убить Елизавету?

— Боюсь, что так.

— И всё это из-за тебя и твоего ребёнка?

— Это её единственный шанс выжить здесь. Теперь её никто не тронет. — Арчибальд

впервые ответил Илорену неприязненным взглядом. — Самый верный способ защиты.

— Ты считаешь, что быть гарантом существования этих уродов в нашем Мире, это достаточно безопасно? Теперь она мишень номер один.

— Если не рассказывать людям о происхождении её власти над воинами, то её будут уважать и бояться.

— Её и без того стали бы уважать, только не страх, а любовь могла пробуждать она в сердцах своих подданных! — поднявшись, крикнул Илорен.

— Не стоит горячиться, Ваше Величество, — вернулся к прежнему мягкому тону Арчи, — так распорядился Случай и мы не властны это исправить. Но есть ещё одно заблуждение относительно Елизаветы, которое необходимо озвучить.

— Что ещё?

— Вы, вероятно, знаете, что, бывшая поначалу колоссальной, разница во времени между миром смертных и Миром теней постепенно сокращалась и теперь течение его почти идентично?

— Что-то слышал, веды стали возвращаться намного быстрее, кроме Урсулы. Её не было очень долго.

— Так вот, Урсула рассказала мне весьма занятную историю о своём последнем путешествии в мир людей. Она специально разыскивала Елизавету, она знала, кто эта девушка и какое значение она будет иметь для вас.

— Откуда?

— Я уже говорил вам, что умею предсказывать будущее, но так же могу узнать и тайны прошлого. Это меня Урсула попросила узнать любили ли вы когда-нибудь и если да, то какой была ваша избранница. Я сумел нарисовать её и даже найти потомка на карте человеческого мира. Я думал, что веда приведёт её сюда невредимой, что она просто хочет сделать свою работу лучше других.

— Почему ты так говоришь, будто...

— Потому что Урсула нашла Елизавету не для того, чтобы сделать её королевой. Претенденткой на престол является Виктория. Именно её первой забрала веда, без всяких церемоний и приготовлений, разумеется. Около ворот у неё есть маленький домик, в котором она скрывалась от необходимости возиться с претендентками. Именно там она и оставила смертную девушку. Разумеется, это был риск, но он оправдался.

— Чушь.

— Елизавету же надо было ещё найти, а для веды, плохо ориентирующейся в мире людей, это оказалось весьма трудной задачей и добраться до девушки она смогла уже на грани гибели. Не теряя времени, Урсула усыпила Лизу и затащила её в один из ближайших подвалов, влив в тело своей жертвы медленно действующий яд. В следующий раз, веда намного быстрее добралась до умирающей. Как мы знаем, она вернулась за Лизой вовремя, и сердце бедняжки перестало биться в тот же миг, как оказалось на тропе. Всё складывалось по плану, но вот привести Елизавету незамеченной и подменить на настоящую претендентку Урсула не смогла — ей навстречу вышел Морт, который в беспокойстве ожидал её каждый день и только чудом не обнаружил раньше, во время всех этих переходов.

— Зачем такие сложности?

— Урсула не собиралась показывать Елизавету никому, она хотела восстановить её против вас, заставить ненавидеть заочно, вовлечь в свою революционную банду. Так она собиралась отомстить за свою сестру и занять место в правительстве.

— Какой-то ужас. Кто ещё, кроме тебя в её шайке?

Арчибальд аж поперхнулся.

— Меня? Я не помогал ей, по крайней мере, не осознанно участвовал в махинациях, так же как и Елизавета.

— Её похитили и держали в заложниках, а что тебе мешало остановить сумасшедшую?

— Обо всём она рассказала мне только сегодня, когда поняла, что скоро умрёт.

— Умрёт?

— Да, я же уже говорил Вашему Величеству, что в доме трое больны. Это Гор, мой мальчик и две веды — Самра и Урсула. Произошло нечто ужасное, что сделало всех нас очень уязвимыми относительно прошлого. Девушек догнала болезнь, которая послужила причиной их гибели на тропе. Самра не протянет и до следующего вечера, а вот Урсула может прожить ещё несколько месяцев.

— Нечто ужасное, когда?

— На закате, тогда Лиза и обнаружила в подземелье Викторию.

— На закате была проведена казнь, и она была справедливой, — нахмурившись, сказал правитель.

— Ну, разумеется, — усмехнулся Арчи. — Но справедливость странная штука, она если проявится, то коснётся каждого, так что не стоит злоупотреблять, призывая её.

— Предлагаешь жить без неё?

— Предлагаю стараться примирить свою с остальными, а не доказывать первостепенность собственной правоты убийством оппонентов.

— А если оппоненты первыми стали убивать? Подождать пока они встретят пророка, подобного тебе, умник? А тем временем проредят моих друзей и сторонников?

— А много им редить, Илорен? — вкрадчиво спросил Арчибальд и наклонился к креслу, отчего огонь камина отразился в чёрных глазах. — Прежде чем начинать открытую войну с врагами, нужно завести достаточно друзей, которые способны защитить тебя от мести.

— На себя намекаешь? — раздражённо бросил правитель, обратив внимание на фамильярность.

— А почему бы нет. Я знаю достаточно, чтобы быть полезным и не буду скрывать от тебя ничего, как Госпожа Ведьма.

— О чём ты опять толкуешь? — в гневе прорычал король.

— О том, чем заканчивалось пророчество о смертной, которое она не досказала и о котором молчит даже сейчас, когда саван похищен. Я знаю от Урсулы, которой помогала какая-то горничная из замка. Не знаю, как она проведала о тайниках, но...

— Воин, — вспомнил король, — почему там был воин? Он напал на веду и в здании гильдий. Откуда он мог появиться, и кто управлял им тогда?

— Возможно, некоторые из них почувствовали, что браслет рядом и начали искать его владельца.

— А попутно, ради поддержания формы, участвовали в стычках с властями?

— Кто-то узнал тайну браслета и воспользовался им, выпросив у Гора на время. Одеть и, тем самым закрепить его власть, может только владелец артефакта, поэтому полностью подчинить себе всех воинов Урсула и её сообщники не смогли, но кое-что им удалось. Скорее всего, к этому причастен человек, сведущий в магии, может, ещё одна веда. Всё, что было мне известно об этих событиях, я рассказал.

— Не так уж много ты и знаешь.

— Больше всех ваших осведомителей вместе взятых.

— Только потому, что у меня их нет.

Арчибальд открыл рот и осёкся, понимая, что уходит от первоначальной цели.

— Ваш кофе остыл, может налить ещё? — примирительным тоном сказал он.

— Нет, спасибо, я не хочу ничего.

Арчи улыбнулся, взял чашку и выпил холодный кофе короля.

— Ты начал говорить о пророчестве, что там было?

— Там было сказано о том, что Мир потерял часть своего волшебства, и теперь он будет медленно таять до тех пор, пока не появится новая смертная королева. Но и она будет править лишь отведённый здесь живым срок и после неё Королевство снова станет разрушаться до следующей королевы. Так будет продолжаться до тех пор, пока одна из них не родит наследника, в жилах которого будет течь кровь смертных, от которого поведёт свой род династия Короля Илорена. Но если этого не случится, то сойдутся три приметы: Мир вернёт все свои краски намного раньше, чем суженая Илорена встретится с ним, Госпожа Ведьма изменится и люди снова станут подвержены своим земным слабостям, таким как опьянение, болезни, старение и смерть. Эти приметы станут началом конца.

— То есть конец света?

— Да, этот мир поглотит туман, и он снова станет степью с курганами из пыли.

— Должен родиться ребёнок у меня и Лизы... — задумчиво начал Илорен.

— И Виктории, — мягко поправил Арчибальд. — Кстати, во избежание лишних вопросов, добавлю — династию основать должен тот правитель, которого мир выбрал когда-то сам, то есть Ваше Величество.

— Я не обязан верить всему, что мне говорит соучастник преступной шайки.

— Тем не менее, Терхенетар ничего не может посоветовать и рассказать, а я уже пролил свет на многое из случившегося.

— Если Елизавета только веда, то почему люстра во дворце рассыпалась после её отказа от правления?

— Она рассыпалась не от отказа, а от грубого нарушения ритуала, вы предлагали трон бессмертной. Вы можете проверить всё, о чём я говорю, это не трудно.

Арчи поклонился и пошёл готовить новую порцию кофе. Илорен следил за его действиями, сознание металось в панике от всего случившегося с момента прибытия Елизаветы. Он понимал, что за счастье нужно платить, но знать бы ещё в какой валюте и кому. Новую чашку бодрящего напитка монарх не отверг. В том, что говорил ему этот человек, были логика и смысл, но откуда пришёл этот путешественник между мирами и чего добивается своей откровенностью? Терхенетар могла недоговаривать из ревности и нежелания отпускать его от себя, к тому же идея о династии смертных едва ли могла вызвать у неё сочувствие.

— Как убедиться в том, что Елизавета не претендентка?

— Внешность, смертные никогда не выглядят такими совершенными. Более тусклые волосы, цвет глаз, кожи, словно их нарисовали менее стойкими красками. Это заметно, только если внимательно присмотреться, зато после уже невозможно не замечать. Но странно, что мне приходится говорить вам об этом, Ваше Величество, ведь вы всегда это видели, запутать вас могла только Елизавета.

— Почему ни одна из королев не смогла стать матерью?

— Мне думается всё дело в укрепляющем напитке, который вливают в претенденток перед сном. Урсула рассказывала, что они вызывали у девушек лихорадку, которой не было ни у Виктории, если верить её тюремщице, ни у Елизаветы, потому что Привратник забыл о настое.

— Ну, что ж, что ты мне посоветуешь, раз так много знаешь о моих делах, Арчибальд? — делая акцент на имени, которое он произнёс впервые с начала знакомства, спросил Илорен.

— Объявить всему королевству, что проклятие скоро будет снято, благодаря новой Госпоже Ведьме, которая приручила монстров и нашла способ восстановить этот Мир. Жениться на претендентке, зачать с ней ребёнка, а потом номинально исполнять свои монаршие обязанности пока он не подрастёт достаточно для самоуправления. Затем оставить корону и удалиться вместе с Елизаветой в тихое местечко, где никто вас не достанет, а воины будут вечным гарантом вашего спокойствия.

— Я не могу сместить Терхенетар.

— Она сама уйдёт, когда увидит как по велению Елизаветы воины, наводившие ужас на весь Мир, смиренно встанут в ряд перед резиденцией. А вед за решётку на неопределённый срок, пока не согласятся принести искренние извинения новой госпоже. Так твоя возлюбленная всегда будет рядом. Судьба, от которой вы сбежали в мире людей, догоняет тех, кто её помнит, даже Самра, хоть и лишена рассудка, но видно всё же знает о прошлом и едва ли протянет хоть сутки, так что девушку в любой момент могут отравить, ведь именно так она попала сюда.

— Мне нужно всё это обдумать. Но чего хочешь ты сам, ради чего рассказываешь мне всё это?

— Ну, это же так просто, Ваше Величество. Я хочу власти, хочу быть вашей правой рукой — премьер-министром.

— Хм, понятно. Мы завтра отправляемся в Фьелу все вместе и там решим, что будем делать.

— Только после того, как вы заверите меня в письменном виде, что ни я, ни мои друзья не пострадают в столице.

— Хорошо, составь бумагу, завтра я ознакомлюсь с ней и подпишу, если всё будет в порядке. Где я могу переночевать?

— Пройдёмте.

Арчибальд отвёл короля на третий этаж и предоставил свои покои, сам же пошел в спальню Гора. Когда всё стихло, Илорен на цыпочках вышел из комнаты и прошёл к спальне Елизаветы. Дверь открылась с лёгким скрипом, но утомлённые обитатели башни ничего не услышали. Король вошёл в апартаменты и, при свете зачинающейся зари, увидел, как уснувшая Виктория обнимает Лизу. Их волосы перепутались и в полутьме казалось что они подобно цветку, способному дать в одном соцветии два совершенно разных вида, проросли из древесного изголовья кровати и теперь эти прелестные головки, склонившись друг к другу, ждут первого луча, чтобы подняться и раскрыть своё очарование солнцу. Но как ни прекрасна была Виктория, Илорен лишь мельком глянул на неё, чтоб убедиться, что девушка крепко спит. Он прокрался к Елизавете и сел рядом, стараясь найти ракурс, при котором сможет видеть её получше. Беззащитная, нежная, ангельская, потрясающе невезучая, хотя ей не повезло лишь в том, что он её любит. Девушка повернулась, освобождаясь от объятий Виктории, и легла лицом к окну, так что теперь король мог наслаждаться каждой чёрточкой.

Елизавета вытащила из-под одеяла руку, массивный браслет звякнул в тишине покоев. Илорен потянулся к нему и прикоснулся к одному из человечков. В ту же секунду ужасный вопль раздался за его спиной, но страдальческий крик Лизы, подскочившей и начавшей дуть на почерневшее и раскалившееся украшение, поразил его намного сильнее. Длилось это не более минуты, но все, кто мог, уже были на ногах и окружали нарушителя спокойствия. Король хотел остаться и поговорить с Елизаветой, но Арчибальд настоял на том, чтобы он вернулся к себе и дал всем отдохнуть. Посмотрев на осунувшееся, испуганное лицо любимой, Илорен дал себя увести, чтобы не волновать её ещё сильнее, но про себя поклялся, что сделает всё возможное, чтобы больше никогда не видеть затравленного выражения на этом прекрасном лице.

Глава 20. Туман

Туман был всюду на улице. Дома ещё держали оборону от его щупалец, но там, где зазевавшиеся хозяева забыли закрыть двери, форточки или оконца подвалов и чердаков молочное проклятье проникало и в жилище, слизывая предметы, домашних любимцев и даже людей.

Когда приговор был приведён в исполнение, и затаившая дыхание толпа в оцепенении смотрела на тела, лишённые жизни прямо у них на глазах. Из крови, пролившейся на эшафот, поползли белые струйки, которые стали сливаться с такими же, ползущими по верёвкам висельников. Очень быстро эти струйки превратились в стремительно разраставшееся облако. Кто-то из министров прокричал с балкона, чтобы все жители немедленно отправились домой и закрылись там, пообещав, что ситуация прояснится в ближайшее время и меры будут приняты. Началась паника, люди устремились в разные стороны, давя и толкая друг друга. Но туман был быстрее. Он нагонял человеческие толпы и застил им глаза, путая и заставляя петлять и сталкиваться между собой. Но это было не самое страшное — ужаснее всего приходилось тем, чья рука держала близких, бывших теньями — иллюзиями этого Мира. Многие мужчины и женщины, мальчики и девочки кричали, призывая родных и любимых, хватая воздух и чужие руки там, где только что было тепло ладони близкого человека. "Самые счастливые браки заключаются с теньями, природа создала их для удобства переселившихся сюда душ." — Так говорила Терхенетар. И теперь самые счастливые пары были разбиты и сотни ребятишек крепко зажали туман в опустевшие кулачки. Невидимые друг для друга, люди начинали метаться, сбивая других с ног и падая сами. Блуждания продолжались всю ночь и в последующие дни многие пытались найти потерявшихся. Во всех окнах круглосуточно горели свечи, как маяки для бедняг, с утра до ночи выкликавших имена. Куда бы ни зашёл такой скиталец, ему давали поесть и отдохнуть.

Министры, наравне со всеми поддавшиеся панике, бросились во дворец, справедливо предполагая в нём обилие запасов, которые позволят выдержать блокаду магического тумана. Последним к ним присоединился премьер, такой же безмятежный, как и во весь предыдущий день. Обсуждать случившееся он не стал, а назначил заседание Совета на утро, когда все будут спокойнее и ситуация, возможно, прояснится. Большинство настаивало, чтобы кто-нибудь пошёл к Госпоже Ведьме, но на это Вёльф ответил резким отказом, объяснив его приказом короля об её изоляции. К тому же, все, кроме него, боялись идти через туман, заполнивший внутренний двор и галереи. На этот день во дворце завершился.

Генрих лежал на кровати и смотрел в лепной потолок, заложив руки за голову и размышляя о произошедшем. Он помнил, что Терхенетар рассказывала о природе и свойствах этого тумана, понимал, каким кошмаром обернётся для многих это бедствие. Перед тем, как отправиться спать, он разослал гонцов с поручениями: одного к Илорену, а других в соседние города, чтобы предупредить о возможной опасности, если конечно их она ещё не настигла. Вёльф думал о том, что столица давно уже самый нелепый город в королевстве и ему нужны перемены, думал о том, как так произошло, что все остальные города более живые и реальные, как и их жители. В конце концов, он заснул и во сне ловил туман сачком вместе с молодой Терхенетар и Илореном.

Проснувшись, министр выглянул в окно и, убедившись, что мгла не рассеялась, стал

собираться на заседание.

Заспанные министры в этот раз опередили премьера и, с озабоченными выражениями на лицах, выжидательно смотрели на дверь, когда он вошёл.

— Ваше Превосходительство, туман не рассеялся — отрапортовал министр безопасности.

— Да, я обратил внимание — скучающим голосом отозвался Вэльф, занимая место во главе стола. — Какие есть предложения, коллеги?

— Нужно пригласить сюда Госпожу Ведьму, только она может дать объяснение случившемуся, так как это лежит, безусловно, в области магии — сказал министр культуры.

— Безусловно — одобрительно кивнул Генрих.

— Но привести её может только посыльный доверенного лица короля, то есть вас.

— Это справедливое замечание, я напишу бумагу, которая должна быть передана охране перед апартаментами Госпожи, а вы пока найдите человека, которому можно поручить это дело.

Ухмыльнувшись, он начал составлять приказ от имени короля. Вэльф не торопился, так как найти человека, не трусившего перед Терхенетар сейчас, было весьма трудно. Когда он шёл по коридору, то слышал о том, что многие считали, будто туман наслала на город ведьма в отместку за слушание и арест. Версия была весьма правдоподобна, а потому живуча и через час грозила стать официальной в умах большинства придворных, живших во дворце.

Бумага была написана, подписана, гордо сиял на ней оттиск королевского герба в виде грифона со щитом и мечом, готового к схватке, а министры всё искали гонца, готового пойти в замок и вернуться с Госпожой Ведьмой. При виде их, все прятались по комнатам, и достучаться до кого-либо было решительно невозможно. Во дворце дисциплина отрицалась на подсознательном уровне и никакие угрозы не могли заставить дрожавших от страха обитателей откликнуться на мольбы чиновников. В конце концов, один из путешественников, гостивших во дворце, согласился отправиться к Терхенетар и был с гордостью представлен пред очи заскучавшего премьера. От него странник Ганс получил все необходимые распоряжения и, радостно напевая о прелести приключений и новых впечатлений, смело отворил двери на галерею, ведущую в замок, и пропал в тумане, оставив позади замеревших министров, которые провожали его, чтобы убедиться в том, что юноша не отступит.

Прошло полчаса и, всё так же счастливо напевая, в Зал Совета вошел Ганс и положил на стол бумагу. Он лучезарно улыбнулся, обводя взглядом всё собрание, и громко чётко произнёс:

— Госпожа Ведьма была перевезена в другое место по приказу Его Величества Короля Илорена, нашего.

Повисла тишина, присутствующие переглянулись и обратились к страннику:

— Кто сказал вам об этом, любезный?

— Стража, они сидят около её апартаментов и ждут, когда им прикажут уйти со своего поста. Они сказали мне, что пришли люди, облачённые в чёрные одежды, и показали бумагу с подписью и печатью короля Илорена, в которой говорилось, что Госпожу Ведьму ждёт монарх, а эти люди отвезут её к нему.

Все министры резко обернулись к Вэльфу, раздался резкий хруст, и министр чрезвычайных ситуаций со стоном потёр шею. Генрих понял немой вопрос и ответил на него:

— У короля осталась ещё одна печать, мой экземпляр не является оригинальным. Вероятнее всего Его Величество столкнулся с какой-то проблемой и решил вызвать своего главного советчика во всех делах. Возможно, это связано именно с туманом. Гонцы не вернулись и мы не знаем, насколько разрослась проклятая мгла. В любом случае, давайте поблагодарим храброго Ганса и отпустим его с нашими наилучшими пожеланиями.

После этих слов все министры встали и хором произнесли слова благодарности, что являлось величайшей честью и редко кому доводилось стать причиной таких хлопот государственных мужей.

Ганс был вполне польщён и удалился, напевая ещё веселее, хотя пять минут назад это казалось невозможным.

— Что ж, господа, на этом предлагаю закончить нашу встречу. В следующий раз мы соберёмся уже вместе с нашим монархом, по крайней мере, хотелось бы верить в это. А сейчас мы больше ничего не можем поделать. — Так Генрих Вёльф напутствовал Совет и вышел, отправившись напрямиком в висячий сад, в юрту. Там премьер лёг на кровать и стал ждать голос труб, который должен был возвестить прибытие короля. В тумане его вполне могли бы проворонить, но Вёльф не хотел об этом думать — ему просто не терпелось снять с себя все полномочия. Он закрыл глаза, вытянулся и стал слушать тишину.

Трубы знакомо прогремели уже ближе к сумеркам. Генрих поспешил навстречу королю. Илорен, увидев его, не смог ни выдавить улыбки, ни притвориться, что рад, только слабо потрепал по плечу и пригласил в свою приёмную. Когда они остались наедине, правитель произнёс:

— Ты предал меня, Генрих.

Илорен сел в кресло и устало закрыл лицо руками. Вёльф стоял у стола и безучастно разглядывал карту в свете свечей. Он молчал около минуты, затем неохотно заговорил:

— Что ты хотел от неё ещё, Илорен? Каких чудес? Ей больше не место тут. И мне не место по правую руку от тебя.

— Что ты имеешь в виду?

Премьер вытащил из кармана лист бумаги, на котором была просьба об отставке, и протянул его королю. Илорен прочёл, подписал и бросил документ на стол, куда Генрих положил печать.

— Значит, решили сбежать? — презрительно спросил монарх, глядя усталыми глазами на Вёльфа.

— Терхенетар ничего не знает о цели своего путешествия. Я не стал посвящать её в свои планы, опасаясь отказа. Вчера, задолго до казни, я приготовил всё для того, чтобы она могла беспрепятственно покинуть столицу под надёжной охраной. Когда все собрались на площади за ней пришли люди с соответствующим распоряжением и увели во двор, где посадили в закрытый экипаж и увезли в надёжное место.

— Мудро, — хмыкнул Илорен. — А ты теперь следом за ней.

Вёльф поклонился в знак согласия.

— Что ж, стало быть, такова судьба. Можешь ли ты дать мне последний совет, Генрих? Не как премьер-министр, а просто как хороший знакомый в благодарность за мою доброту, так как я не собираюсь ни преследовать Терхенетар, ни держать тебя в мягких лапках у Рамси.

— Я слушаю, Илорен, — внимательно вглядываясь в правителя, ответил бывший министр.

И король изложил всё, что случилось с ним после того, как он покинул резиденцию, умолчав только о природе воинов. Усталость боролась с ним и лицо, впервые на памяти Вельфа, смотрелось помятым и каким-то выцветшим. Выслушав рассказ правителя, он спросил:

— Что ты собираешься делать?

— То, что предложил этот человек, выглядит приемлемо, только сам этот путешественник не внушает мне доверия. Он наверняка принимал участие во всех тех событиях, которые потрясли нас. И делал это ради власти.

— А Елизавета, может она уже стала его помощницей за это время?

— Наверяд ли, она там скорее заложница. Они пришлют гонца, когда будут подъезжать к городу. Монстры ходят широкими шагами, но не очень быстро, а оставлять их без присмотра нельзя. Они спокойные только рядом с ней, в противном случае начнут искать и могут быть жертвы.

— Какого совета ты спрашиваешь?

— Ты должен остаться здесь ещё на пару дней, чтобы вместе со мной встретить их и присмотреться к этому Арчибальду? В любом случае тебе придётся передать дела своему преемнику.

— Он уверял, что Терхенетар обманывала всех столько времени, но мне не верится, что она стала бы так поступать, зачем?

— Жаль, что мы не можем спросить у неё лично, Генрих, — ворчливо ответил Илорен. — Отправим ей письма, хотя не думаю, что она ответит на них после всего. Я не верю этому Арчибальду, но он единственный понимает, что происходит с Миром и может помочь всё исправить. В общем, пообщайся с ним, повыспрашиваешь и доложишь мне о своих впечатлениях. А завтра с утра, в городе, глашатаи должны оповестить жителей о том, что скоро сюда придут новая королева и Госпожа Ведьма, приручившая воинов, которые теперь являются её личной гвардией.

— Неужели она настолько бесстрашна?

— Всякий раз, как приходится обращаться к ним, она дрожит как лист на ветру, но, несмотря на это, они слушаются и тянутся к ней, исполняя любую команду, пусть даже она лишь прошептала её непослушными губами.

— Туман рассеется?

— Думаю да, нужно выполнить ритуал. Обойдёмся без пышных церемоний. После прибытия, в тот же день я женюсь на претендентке. Елизавета быстро выучит все необходимые слова и действия, она соединит нас. А потом нужно будет только ждать, когда жизнь вернётся в прежнее русло.

— Тебя не смущает такая перспектива? Наверяд ли эта девушка пренебрежёт приличиями.

— Я и не думал об этом ни секунды. Я буду ждать, но, по крайней мере, она всегда будет рядом со мной. А это больше, чем я мог желать. К тому же по нашим меркам я довольно скоро смогу отречься от престола в пользу сына.

— Ты уже во всю мечтаешь, не рано ли? К тому же разве мы не смертные теперь?

— Вот у своего преемника и выяснишь сие, а я пойду спать, не могу ни о чём больше думать. Прикажи разнести всюду весть о том, что скоро беды наши кончатся, ибо пришла избавительница. Я знаю, как трудно для тебя расхваливать её замену, но это хоть немного приободрит народ. Спокойной ночи, увидимся завтра.

Правитель и бывший премьер пожали друг другу руки и расстались.

Глава 21. Тайна воинов

Елизавета была одета в чёрное платье из гардероба Урсулы, сама веда иссохшая за ночь до неузнаваемости постоянно кашляла и кляла всё и всех последними словами. Особенно доставалось Лизе и Арчибальду. Самра, не приходившая в сознание с тех пор, как её обнаружили в подземелье, уже умерла и пара воинов копала для неё могилу в лесу под руководством Арчи. Виктория вызвалась приготовить для всех ужин, отказавшись от помощи Елизаветы. Девушка, предоставленная самой себе, решила проведать малыша Гора, несмотря на запреты Арчибальда, пугавшего острой формой заразной инфекции. Ей очень хотелось узнать, откуда у мальчика такой браслет. Лиза убедилась, в том, что Арчи по-прежнему нет, и тихо приоткрыла дверь в комнату Гора. Ставни были закрыты, ни одна свеча не рассеивала царившую здесь тьму, так что пришлось быстро перебежать к себе в комнату и взять свечу там. Подбежав к окну, на котором стоял подсвечник, она увидела, что Виктория шла в огород за зеленью. Значит, некоторое время в доме не будет никого, кто мог бы заметить её за вторжением к ребёнку. Конечно, на душе у девушки скребли кошки при мысли о том, что она может разволновать малыша в его состоянии. Но «давить на мальчика я не стану,» — думала она — " просто проведу и, если это будет возможным, поинтересуюсь, правда ли что Арчибальд не имеет к этому никакого отношения, как говорит или это он предложил надеть браслет мне на руку и говорил ли он Гору как действует такой «оберег»?». Лиза вошла в комнату и притворила за собой дверь, вокруг сильно пахло травами и в тишине раздавалось хрипкое дыхание, трудно было поверить, что так тяжело и сипло дышит маленький мальчик. Елизавета медленно подошла к кровати, чтобы не испугать ребёнка своим резким появлением, но в постели никого не было, более того она была заправлена. И вдруг, за её спиной, где-то на уровне плеча раздалось мычание. Лиза стремительно обернулась и завизжала что есть сил. Прямо перед ней стоял воин. Сколько бы раз она не сталкивалась с этими монстрами, не могла и не верила, что сможет привыкнуть к их виду. Тыча ему в лицо огнём, она пятилась и кричала:

— Стой! Остановись! Прочь!

Но создание не слушалось её, а продолжало мычать что-то, наступая. Лиза споткнулась и упала, страшилище потянуло к ней свою громадную клешню.

— Кто-нибудь, помогите, спасите!

В комнату ворвался Арчибальд и резко захлопнул за собой дверь. Не спеша, подошёл к камину и стал растапливать его. При виде Арчи, воин отошёл от Елизаветы, она попыталась незаметно выбраться из комнаты, но повелительный оклик прорицателя заставил её замереть.

— Зачем ты пришла сюда?

— Хотела проведать Гора, я не знала что здесь этот монстр. Он совершенно не слушался меня и...

Арчибальд подошёл к воину и, ласково улыбаясь ему, стал показывать что-то на языке жестов. Существо издало какой-то непередаваемый звук, который можно было бы принять за предсмертные хрипы, но в данном случае выражали скорее всего смех. Оно повернуло свою страшную голову к Лизе и медленно прорычало, стараясь пошире разомкнуть свои искалеченные губы:

— Изза.

Шок на лице девушки явно позабавил его и рот дёрнулся в привычном жесте. Затрещала плоть, и воин взвыл от нестерпимой боли, кровь струйками потекла из тех мест, где грубые стежки накрепко впились в тело. Арчибальд достал из ящика аптечку и начал промывать ранки.

— Как это произошло, почему он стал одним из них? — Лиза в ужасе и со слезами на глазах смотрела на совершенно спокойного Арчибальда.

— Я же упоминал, что судьба мальчика связана с браслетом. Я хотел сказать тебе, но позже.

— Ты лжёшь, всё время лжёшь! — с нескрываемой злобой перебила Лиза. — Как внушил мальчику отдать мне этот чёртов браслет из-за моей якобы беззащитности, тебе всё это нужно для каких-то целей. Скажи правду, ты обещал мне!

— Успокойся, иначе ты окончательно перепугаешь ребёнка своим искаженным лицом, а он к тебе так привязался. Подойди и помоги мне промыть его раны и глаза.

— Почему нельзя попытаться вылечить их, снять эти чудовищные швы с их губ?

— Это проклятье, дурочка, а не механическое действие маньяка, которое можно решить ножницами и лечебной мазью. Проклятье можно только снять.

— Как?

— Скажу, если будешь хорошо себя вести.

— Ты обещал сказать мне правду. Говорил, что между нами не будет секретов.

— И я сдержу своё слово, но только если ты сдержишь своё — будешь во всём меня слушаться. Завтра мы поедem во дворец. По пути ты сделаешь вид, что мы близкие друзья, тем более что так и есть. Илорен назначит меня своим советником, а тебя Госпожой Ведьмой и вместе мы поможем этому Миру измениться к лучшему. С королём я уже обо всём договорился, так что можешь не переживать.

— Но я не умею колдовать.

— Тебе это и не нужно.

— Всё будешь делать ты? Ты сильный колдун?

— Пока нет, пока я могу создавать здесь только иллюзии, которые долгое время отводили посторонних от этой башни, поэтому никто её не видел до прошлого вечера. Или такие, как твоя цепь.

— Моя цепь?

— Да, практически ты была свободна, эта цепь не могла бы схватить твою ногу, если бы ты не представляла себе её во всех красках. Воображение творит с нами невероятные вещи. Настоящая цепь была на Самре и у неё определённая длина, в отличие от твоей.

— Значит, амбициозный фокусник, — покривилась девушка, но сразу изменилась в лице, под пустым презрительным взглядом Арчибальда, который лишил её чувства опоры, вгонял в тщедушную робость перед своим полнейшим безразличием к ней и тысяче таких же, как она.

— Я могу сделать так, что ты будешь послушно выполнять всё, что прикажу. Есть у меня подобные фокусы и в этом мире они превосходно работают. Но я не хочу принуждать тебя и, надеюсь, ты оценишь это.

Елизавета подошла и приняла из рук Арчибальда тряпицу, смоченную в травяном отваре, которой он протирает глаза Гора. Девушка заглянула в них и увидела всё то же светлое и доброе чувство, искрившееся в мутноватой глубине. Она стала аккуратно

промывать все болячки мальчика под руководством Арчи, который ей показывал, какой пузырёк для чего нужен.

— Он плохо видит, особенно в полутьме, лишь силуэт, ауру, поэтому не может теперь читать по губам, так что тебе будет сложно общаться с ним.

— Почему ты не объяснил мне раньше? Он будет моим персональным телохранителем, — улыбнувшись глазам мальчика, сказала она и попыталась передать ему свою мысль на языке жестов, но учёный сжал её руки и сказал:

— Это невозможно, Лиза. Мальчик будет со мной.

— Я обещала Гору заботиться о нём во время болезни, ты говорил ему то же самое. — Елизавета посмотрела на Арчи.

— Как ты быстро меняешь свои мысли, взгляды, настроения... Это признак глубокого безразличия ко всему, это мне в тебе и нравится, ты не одержима, как все остальные. — Прорицатель испытующе посмотрел в лицо Лизы, уже выражавшее спокойствие, несмотря на мрачность атмосферы, и, улыбнувшись каким-то своим мыслям, сказал — хорошо, можете ходить всюду вместе, это будет даже забавно.

Арчибальд рассмеялся и вышел, оставив девушку наедине с переменившимся Гором, который выразил свою благодарность за заботу, очень аккуратно погладив её пальцем по плечу.

— Бедный маленький Гор, что сделал с тобой этот человек? — приговаривала она, глядя уродливую тяжёлую голову. Мальчик неуклюже стал что-то показывать ей на своём языке, но Лиза и без того очень плохо понимала его, а большие и неловкие руки придавали жестам совершенно непере译имый акцент. Девушка грустно покачала головой. Снизу её позвали и, преодолевая страх и отвращение, она поцеловала горячую щёку. Гор тоскливо посмотрел на неё и помахал на прощанье.

Ужин прошёл в молчании, каждый думал о своём накануне отъезда. Лиза хотела сходить на могилу Самры, но Арчи запретил всем покидать башню под тем предлогом, что половина вед ещё на свободе и вполне вероятно ищут её, чтобы завершить начатое сёстрами.

— Но я могу пойти со своей охраной.

— Мы ходим туда завтра, вместе с Урсулой, хорошо?

Девушки одновременно кивнули. Виктория знала Самру дольше Лизы, хотя не испытывала к ней даже небольшой симпатии. Все разошлись по спальням.

Ранним утром, после последнего прощания с могилой несчастной веды и гостеприимными стенами башни, которые стали на долгое время уютным или не очень домом для этой удивительной компании, все двинулись в путь. Виктория и Арчибальд ехали бок о бок верхом и всю дорогу весело о чём-то разговаривали, но Лиза не могла слышать их, так как занимала место в просторном экипаже, в котором лежала слабая Урсула. Ехать вместе с ведой было невероятным мучением: она не говорила и не шевелилась, только дышала и кашляла с такой мукой, что Елизавете хотелось закрыть ладонями уши и громко закричать. "После всего, что сделала эта чокнутая, так ей и надо!" — мстительно думала девушка, но стоило ей только взглянуть на этот скелет, с пустым взглядом и сравнить его с той энергичной, саркастичной девушкой, которая рассказывала ей о своём желании снова очутиться в настоящем мире, как жалость топила все аргументы против неё. Новый приступ раздирающего грудь кашля скрутил несчастную, и тихий стон отчаянья сорвался с окровавленных губ, слёзы неудержимым потоком полились из распахнутых, ставших огромными, глаз. Она позвала:

— Лиза, ты здесь?

Елизавета наклонилась над больной, Урсула продолжила:

— Он мне обещал, а отдал тебе всё — она произнесла это, как капризный ребёнок, словно у неё отнимали конфеты, — не справедливо.

«Кто бы говорил о справедливости» — мелькнуло у Лизы в голове.

— Ты ненавидишь меня, это правильно. Я всё испортила, во всём только моя вина, — продолжала хныкать несчастная.

— Ну, перестань, не надо, не трать силы. Этим ты ничего не поправишь, ты уже платишь за свои действия.

— Но я должна помочь их исправить, Лиза. Он сильнее, чем я думала. Ты должна помешать ему захватить власть.

— Урсула! Что ты опять плетёшь своим лживым языком? Будешь донимать Елизавету, потащишься в хвосте пешком, понукаемая воинами.

Виктория с ненавистью смотрела на веду и явно была готова исполнить свою угрозу немедленно, если услышит возражение от неё.

— Извините, Ваше Высочество, — смиренно ответила Урсула, приподнявшись на подушках, чтобы отвесить поклон, но тут же рухнула обратно.

— Перестань слушать её, Лиза, — мягко обратилась она к Елизавете — мало она горя принесла нам всем своей гнусной ложью. Повесить бы её на первом же суку, а не везти со всеми удобствами в столицу Мира.

— Да, Вика, ты права, не буду больше слушать этот бред. — Лиза нежно улыбнулась и подала руку новой подруге, которую та пожалала с искренней теплотой.

«Трудно поверить, что когда-то этот Мир мог быть скучным» — подумала Елизавета и, подождав пока Вероника отъедет обратно к Арчи, тихо спросила:

— Почему ты рассказываешь мне всё это? — отвлекаясь от вида за окном, Лиза пристально взглянула на веду. — Зачем придумала всю эту чудовищную схему? Мучила меня, держала в заточении Викторию, а те люди, в здании гильдий?

— Он обещал мне место Госпожи Ведьмы. Мне нужно было только привести тебя сюда, поэтому он стал проникать в сознание Морта, заволновался моим долгим отсутствием. Я бы освободила вед и перестала запугивать весь Мир тем, что перемены неизменно несут с собой зло, это ересь нашей Терхенетар. Благо она хотя бы никого не преследует. Я надеялась, что смогу вовремя преградить ему путь к власти здесь, нельзя допустить, чтобы...

— Елизавета, — на этот раз к окну кареты подъехал Арчибальд — передай этот напиток Урсуле.

С этими словами, он передал девушке флягу.

— Что это? — как можно более непринуждённо поинтересовалась Лиза.

— Лекарство, её кашель раздаётся на весь лес. Бедняжка, должно быть, чудовищно мучается и немилосердно с твоей стороны так пользоваться бредом больного человека, который едва может говорить, чтобы развеять дорожную скуку. Я намерен забрать флягу, так что дай ей выпить пару глотков при мне, пожалуйста.

Лиза присела к Урсуле и, помогая приподняться, поднесла горлышко к её пересохшему рту. Их взгляды встретились. Одними губами веда произнесла: «помешай ему». Девушка наклонила сосуд, и больная отпила несколько глотков настоя. Она сразу же обмякла в руках Елизаветы, но дыхание её стало ровнее, а лицо спокойнее. Урсула уснула безмятежным сном. Лиза протянула флягу владельцу и вернулась на своё место.

Арчи ехал рядом и пристально смотрел на девушку, Виктория внимательно следила издалека за ним.

— Вы с ней связаны, как и все веды, поэтому не стану осуждать твою тягу к этой несчастной, заблудшей в собственных путаных желаниях и погубившей многих хороших людей, в числе которых оказались и её друзья. Но, пусть твой разум подскажет тебе, стоит ли воспринимать всерьёз эти попытки стравливать нас? Тебе благоволит правитель, будущая королева называет сестрой и спасительницей, я всецело доверяю тебе и скоро докажу это, стоит только нам немного переварить всё случившееся. Неужели же ты думаешь, что я не расскажу тебе то, что рассказал Урсуле? Она разрушила свою мечту сама и теперь, понимая твоё смятение, пытается воспользоваться им.

— Может, сядешь рядом и расскажешь всё в пути?

— Нет, я расскажу всё уже новой Госпоже Ведьме, в её замке. Виктория скоро присоединится к тебе, а пока я позову Гора, твой телохранитель где-то ловит бабочек.

Он ободряюще улыбнулся на прощание и отъехал. Лиза высунулась из распахнутого окна и посмотрела на тесные ряды воинов, мерно шагающих за каретой. При свете дня и привычке, они уже не вызывали того первоначального ужаса и отвращения, которое она испытала, увидев их в тёмном лесу и наткнувшись на Гора, вынырнувшего из мрака. Она неуверенно помахала своим охранникам, но они ожидаемо не отреагировали. Вскоре подошёл Гор и протянул ей руку, которую она погладила уже без малейшего содрогания.

— Почему же ты такой особенный, милый? — тихо спросила Елизавета, глядя на шагавшую рядом фигуру.

Глава 22. Свадьба Короля

Илорен метался по замку, стараясь проследить за тем, чтобы к приезду Елизаветы в нём успели всё обновить, оставив в неприкосновенности только крыло с лабораторией, где когда-то Терхенетар, Кармила, Марго и Катарина возились со своими экспериментами, а теперь обитали слуги — травники. Вёльф собрал все вещи бывшей Госпожи Ведьмы и отправил в своё имение.

Два дня назад всех вед привезли гвардейцы и заперли во владениях Рамси, который был всецело поглощён строительством здания городской тюрьмы, первого в Мире Теней. Начальник отряда рассказал о том, что когда они подъехали к стене тумана, окружившей город, наступал вечер, так что было решено дожидаться утра. Когда же оно наступило, то они увидели на постоялом дворе ещё четверых вед, которые немедленно бросились к подругам, даже не заметив, что они под конвоем. Мириам, Махтаб, Линг и Тереза, вернувшиеся из Гирфентейна, рассказали о том, что город пуст. Дети исчезли, но вещи остались, разбросанные всюду, даже слуги, которые прибыли из замка словно растворились в тумане, разлившимся по всему пространству и вокруг города детей. Добравшись туда уже ночью, веды бросились к спальным корпусам, потом служебным помещениям и так обследовали всё, потом отдохнули и утром повторили попытку. Убедившись, что вокруг ни души, они помчались обратно, чтобы организовать поиски вместе с Терхенетар и Илореном. Так они присоединились к своим сёстрам и узнали, что Алиты больше нет, а тело её похоронено в лесу, недалеко от дороги. Сопrotивления никто не оказывал. За решётками подземелья они узнали о грядущих переменах и побеге Терхенетар.

К приезду гостей всё было готово. Прибытия ждали уже к утру, хотя гонец ещё не появлялся. Король с бывшим премьером сидели в приёмной Госпожи Ведьмы.

— Терхенетар говорила о нём, — нахмурившись, сказал Генрих. — Я вспомнил об этом только недавно, слишком много всего произошло, да и, к моему стыду, мы перестали прислушиваться к её словам в последнее время. Но ведь и про казнь мы не послушали.

— Я не забыл, — устало ответил Илорен, — но все советы Терхенетар сводились к возражениям. Веды ничего не делают, только изрекают что-то о грядущих карах и гордо скидывают головы. Надоели. Может и к лучшему, что он придёт к власти, раз мы ей не умеем пользоваться?

— Как это типично для тебя — сваливать ответственность на любого желающего, не раздумывая о последствиях.

— Да, и все это знают. Для меня теперь главное решить проблему этого проклятого тумана и найти детей.

— Может доверить это ведам, всё-таки они — это семья мальчиков?

— Гвардейцы прекрасно справятся, а проводить ритуалы ведьмам я позволить не могу. Терхенетар не ответила на письма?

— Нет, но и без её слов ясно, это то самое зло, проникшее в наш Мир...

— Всё, что проникло без ведома Терхенетар — абсолютное зло — раздражённо перебил Илорен. — Все беды из-за вед, а конкретнее из-за её любимицы — Урсулы. Может они постепенно впадают в маразм? Последние листы Книги о нашёптывании замазаны, и можно ждать чего угодно. Поведение даёт возможность предполагать нечто подобное.

— Ты злишься из-за страха, что твой последний шанс всё исправить обернётся ещё большей неудачей.

— Безусловно, кто-нибудь этого не боится? Но нужно же что-нибудь делать.

— Да, ты прав, другого выхода у нас нет.

Доложили о прибытии гонца, который передал записку от Арчибальда. Прочитав её, Илорен сказал ожидавшему новостей Вэльфу:

— Завтра утром. Они на постоялом дворе, там, где заканчивается теперь Долина Тумана. Люди предупреждены?

— Да, глашатаи прокричали всюду, чтобы горожане не выходили из своих домов, когда отряд «гвардейцев» Госпожи Елизаветы будет проходить по городу.

— Хорошо. Тогда, до завтра, Генрих.

— До завтра, — с тяжёлым чувством ответил Вэльф.

Ему была невыносима мысль, что какая-то девчонка займёт замок его любимой Терхенетар — такой умной, особенной, не похожей ни на кого из виденных им женщин. Что её будут превозносить как спасительницу, а предшественницу клеймить как беглянку, проклявшую собственный народ. Он оглянул комнату в последний раз и ушёл во дворец, чтобы выспаться перед встречей с загадочным преемником.

Утром удивительная процессия вступила в город. Елизавета, облачённая в чёрное платье, возглавляла отряд. По правую и левую стороны от неё, чуть позади, ехали Арчибальд и Виктория. Все трое держали ярко пылающие факелы в руке, поднятой высоко над головой. А позади, инстинктивно двигаясь за источником притяжения, ровными рядами шли воины, в тумане их было не видно и только шарканье и хриплое дыхание оповещало жителей о том, что не стоит покидать своего крова. Но вот процессия остановилась, и в толпе воинов тоже вспыхнул огонёк, а затем распространился по всему строю и глазам любопытных горожан, выглядывавших в окна, предстали силуэты гвардейцев Госпожи Ведьмы, наводившие ужас даже смутными очертаниями. Замыкала процессию карета. Где-то пытались прокричать приветствия, но неуверенные голоса быстро смолкали и шествие нового правительства практически в полном составе, похожего в тумане на огненную змею, проходило под звуки собственного движения.

Делегация придворных, во главе с Илореном и Вэльфом, встречала их у моста. Прогремели приветственно трубы, произнесли трогательные речи и все двинулись на внутренний двор, где Арчибальд отправился во дворец, чтобы принять дела у бывшего премьера, а Виктория с Елизаветой пошли в замок, где им предстояло выслушать наставления церемониймейстера о предстоящей свадьбе. Бракосочетание назначили на вечер, чтобы побыстрее совершить ритуал, который мог бы восстановить страну.

Виктория была подавлена мрачностью Фьелы, да и Елизавете здесь было не по себе. Но, когда они, наконец, вошли в ярко освещённый холл готического замка Госпожи Ведьмы и увидели, как слуги склонились в почтительном поклоне, приветствуя их, то, несмотря на всё волнение, чувство радости наполнило девушек. Лиза оглядывалась в своём доме, хоть и понимала, что она здесь самозванка, но на некоторое время решила позволить себе отдохнуть и просто насладиться свободой. Все были особенно почтительны в обращении к ней и именовали не иначе как Госпожа. К королевам в замке всегда было равнодушное отношение. Терхенетар не поощряла их появления на своей территории, так что ожидания Виктории об особом преклонении не оправдались и всякий раз во время осмотра замка, когда дворецкий, обращаясь к Елизавете, мог проигнорировать её вопросы, страшно злилась

про себя. Лиза же, впервые оказавшись особой высокого ранга, без всяких условий и оговорок сияла и даже не пыталась придать себе серьёзный вид, который более подходил к её титулу. Когда девушки уже направлялись в свои апартаменты, к ним робко приблизился один из слуг и сказал, что внизу ждёт гвардеец, которому очень нужно видеть Госпожу Ведьму. Елизавета спустилась к нему.

— Госпожа, простите, что отвлекаю вас, но воины заполнили весь внутренний двор и пугают дворцовую прислугу. Не могли бы вы сказать им...

Молодой солдат, видимо присланный кем-то из офицеров, старательно прятал глаза, чтобы случайно не встретиться с ней взглядом.

— Да, я сейчас разберусь с этим. — Ответила Елизавета и слегка покраснела от сознания своей власти и того, что забыла о поручении Арчибальда, велевшего первым же делом заняться размещением воинов на позициях гвардейцев по всему замку.

— Спасибо, Госпожа, — поклонившись, с облегчением сказал юноша и практически выбежал, так и не взглянув на неё.

Елизавета попросила привести к ней начальника охраны замка и вместе с ним расставила своих гвардейцев, вместо королевских. А потом побежала в самую дальнюю башню, где теперь помещалась Урсула и забрала Гора, переносившего веду из кареты, чтобы показать ему свои апартаменты и его комнату возле них. Виктория, тем временем, уже получала уроки от церемониймейстера Клейста в одной из зал. В ожидании Лизы она слушала стандартную историю Мира Теней, которую рассказывают всем без исключения королевам.

Когда в комнату, заставленную тяжёлой, обитой тёмным бархатом, мебелью, вошла Елизавета, Клейст встал и низко поклонился.

— Приветствую вас, Госпожа Елизавета.

Он подождал, пока девушка сядет в мягкое кресло, и продолжил свой рассказ, обращаясь к Виктории:

— Такова история Мира Теней. А теперь к церемонии бракосочетания. Всё уже готово и от вас потребуется совсем немного. Вам не придётся проходить испытания, как я уже упоминал, и представят вас непосредственно у алтаря. Церемонию должна провести Госпожа Ведьма.

Церемониймейстер объяснял девушкам тонкости и проводил репетиции, изображая то короля, то прислужников, помогающих ведьме. На пробы ушло около часа, но по прошествии его обе чётко понимали, что от них требуется и соглашались с тем, что это не много. Ещё пару часов ушло на обучение танцам, которые девушки должны, по традиции, исполнить вместе с королём.

— Конечно, при других обстоятельствах всё было бы намного труднее и дольше, но, увы, в этот раз свадьба будет очень скромной, — тоскливо сказал Клейст перед тем, как все разошлись по своим комнатам, чтобы подготовиться к предстоящему событию.

В комнате Лизы сидел Арчибальд.

— Привет! — весело воскликнул он и, подхватив девушку на руки, прокрутил несколько раз.

— Всё благополучно? От чего ты так весел? — удивлённо, но тоже счастливо спросила Елизавета.

— Люблю свадьбы. Когда два любящих сердца, бьющихся в такт друг с другом обретают право в глазах ду...

— Прекрати издеваться, ты прекрасно знаешь, что они не влюблённые.

— Ну почему же? Мне доподлинно известно, что оба они любят, хотя и не друг друга.

Елизавета потупилась под пристальным взглядом.

— А ты, милая, уже влюбила в кого-нибудь?

— Мне не нравится этот разговор. Скоро мне предстоит первый ритуал в роли Госпожи Ведьмы, и я очень волнуюсь.

— Боишься, что дрогнет рука или голос, когда станешь отдавать жениха другой? — вкрадчиво спросил Арчи, по-прежнему держа её на руках, — или так же, как наш благородный монарх, надеешься, что она долго не протянет?

— Отпусти, — сердито ответила девушка.

Арчибальд рассмеялся и опустил её на пол.

— Теперь уже ничего не сделать и ему нужно спасти королевство, так что они оба жертвуют собой, ради всех, — не скрывая своей грусти, ответила Лиза.

Арчи ничего не сказал на это, только поклонился и вышел.

Церемония всегда проводилась в самой красивой аллее парка, под открытым небом. Терхенетар стояла под аркой, украшенной ярко-красными цветами, символизирующими жизнь и её краски, которые возвращаются вместе с очередной смертной в этот Мир. Сама ведьма была облачена в белоснежный саван и волосы её струились по плечам, как и тогда, когда увидела на этом месте лишь пустыню с барханами пыли. В руках у неё была Книга о нашёптывании, в которой уже значилось имя будущей королевы и её таланты, выявленные во время прохождения испытаний. Все остальные были одеты в придворные парадные костюмы, в принципе тоже отличавшиеся лишь изяществом, так как самого понятия роскоши не было при дворе.

Все собравшиеся держали в руках свечи, слегка трепетавшие в тенистой аллее, освещавшие безупречные лица, радовавшиеся прибытию королевы и празднованиям в её честь. Король вёл невесту к ведьме, держа за руку, просто, словно они прогуливались здесь и забрели случайно. Терхенетар спрашивала их о том, готовы ли они взять на себя бремя забот и, разделив их, править честно и справедливо. Правители вставали на колени и отвечали, что согласны. После этого Госпожа Ведьма давала знак, и появлялся неизменный Ульрих с подносом, на котором в углублениях мягкой подушечки лежали две подвески на серебряных цепочках, одна из янтаря — для короля, вторая из жемчуга — для королевы. Терхенетар одевала их на молодожёнов и обещала служить им верой и правдой, а также поддержку вед и духов, покровительствующих им отныне и до конца времён. Затем государь с супругой обращались к своим подданным с речами, в которых заключались обещания и благодарности. Речи эти наспех писал перед церемонией Вёльф и всегда они были короткими, но ёмкими, оригинальными, но всё об одном и том же, так что никто их почти уже и не слушал.

Однако в этот раз обряд пришлось перенести в тронный зал. Для того, чтобы всё было максимально выдержано в традиции, помещение украсили кадками с деревьями, всюду развесили ветви цветов и растений, стараясь превратить его в подобие висячего сада. Окна закрыли тяжёлыми портьерами, скрыв вид клубящейся мглы, угнетавшей обитателей резиденции. А перед тронным возвышением поставили арку для Елизаветы, дабы Илорен с Викторией произносили свои обращения к подданным на нём и сразу после того заняли свои места под радостные возгласы придворных. Речи правителей в этот раз писал уже Арчибальд.

Всякий раз, когда охваченная лихорадочным волнением Лиза смотрела на каминные часы, ей то казалось, что они остановились, то чудилось, что эти заколдованные стрелки просто двигаются рывками, перепрыгивая по нескольку делений одновременно. В комнату постучали, и она неуверенно пригласила посетителя. К её ужасу и смущению в приёмную вошёл бывший премьер-министр Генрих Вёльф. Он поклонился, приветствуя её, и поздравил с боевым крещением в первый же день, как она заняла эту почётную должность. Как и в прошлую их встречу ничего кроме холодного отчуждения не могло возникнуть между этими двумя людьми. Поэтому, при виде его, Елизавета приняла надменный вид и старалась скрыть свою робость и желание обратиться за помощью к кому-нибудь сведущему в делах Терхенетар. Сколько раз за это утро она пожалела, что не может увидеть её и спросить совета.

— Вам, надеюсь, уютно здесь, Госпожа Елизавета? — насмешливо спросил Вёльф, всматриваясь в черты девушки и даже не пытаясь скрыть, что не находит в них ничего примечательного. — Вам будет очень трудно заменять её. Вы же, насколько я понимаю, стали просто невольным хранителем волшебной вещицы, которая держит на привязи этих уродов?

— Какова причина вашего визита? — холодно спросила Лиза.

— Всего лишь посмотреть на ту, что превращает счастливый мир бессмертных, созданный Терхенетар, в ту пустынную степь, из которого он вырос. Такова ваша магия?

— Моя магия, как вы уже упомянули, в том, что я являюсь невольной обладательницей волшебной вещицы, с помощью которой могу приказать любому из своих гвардейцев, которых вы именуете уродами, выжать из вас весь ваш жалкий яд вместе с жизнью. Не смею долее вас задерживать.

С этими словами она встала и ушла в смежную комнату, где Гор рассматривал большие полотна, изображавшие пейзажи, по большей части лес в разное время суток или поселения в горах.

«Принесло же это пугало в такой момент " — зло думала девушка, пытаясь совладать с дрожью в руках. Она подошла к мальчику и заглянула в обезображенное лицо. Вспомнив, что сегодня ещё не промывала его болячки, она достала аптечку, усадила малыша на диван и стала протирать по очереди глаза, затем губы. Глядя на них, мучительно захотелось попробовать обрезать эти грубые стежки. Ей подумалось, что владелец браслета сможет хоть немного облегчить участь несчастных. Лиза аккуратно поднесла ножницы к нити и, затаив дыхание, обрезала одну. В тот же момент распавшиеся концы зашевелились и срослись обратно, не оставив ни следа от эксперимента. Елизавета окончательно пала духом. Радовало только, что Гор не почувствовал ничего. Поцеловав любимое чудовище, Госпожа Ведьма отправилась сочетать узами брака короля и его невесту.

В коридоре её ждал Арчи, вместе они пошли во дворец. Когда, держась за руки, они проходили по галерее, Елизавета спросила:

— Ты расскажешь мне всё, как обещал?

— Разумеется, когда захочешь, и обязанности не будут нас отвлекать. А сейчас тебе нужно думать лишь о том, как побыстрее провести эту церемонию и пережить последующий бал.

Остаток пути оба молчали, размышляя о предстоящей свадьбе. Сложно сказать волновался ли Арчибальд, но Лиза не чувствовала ничего. В душе была пустота, а в голове лишь фразы, которые предстоит сказать. Через хорошо знакомую дверцу за тронным

возвышением, она вошла в залу и предстала перед толпой придворных, державших в руках красные свечи, сейчас не зажжённые. Арчи был по правую руку от неё, воцарилась тишина, все смотрели на пришельцев, сместивших Терхенетар и Вёльфа. На некоторое время залу сковало молчанием, сменившимся самым радушным приёмом. Сторонники версии о Елизавете, как могущественной ведьме, ликовали и с удовольствием подходили, чтобы выразить своё почтение, да и все остальные отвешивали поклоны и рассыпали благодарности и комплименты в адрес людей, пришедших им на помощь в столь трудный час. Новые премьер и Госпожа Ведьма с благосклонностью принимали знаки внимания и обещали служить этому Миру не хуже своих выдающихся предшественников. Разумеется, было не мало и таких, кто считал, что всё происходящее результат интриг этих выскочек, но высказываться не решались, ожидая возможности уехать из резиденции к себе домой.

Вскоре вошёл церемониймейстер и предложил всем приготовиться к выходу государя и его невесты. Придворные зажгли свечи, лакеи наоборот притушили большие канделябры. Певцы и музыканты заняли свои места. Арчибальд ободряюще пожал Елизавете руку и отошёл в сторону, взяв подготовленную для него свечу из рук Клейста. Только сейчас девушка поняла, сколько силы черпает в других и как трудно ей стоять здесь одной, без поддержки. Даже книги не было у неё, в которую можно было бы вцепиться.

Оркестр начал играть, и хор вплёл серебряные нити голосов в переливы нежной музыки, проникающей в самые сокровенные глубины душевного волнения. Эти звуки каждому нашептали о светлой грусти по прошлому, в котором всё было таким родным, и внушили робкую надежду на благостное будущее, до времени сокрытое под мгlistым покрывалом неизвестности.

Парадные двери распахнулись и в зал вошли Илорен и Виктория, облачённые в белые одежды, расшитые серебряными и золотыми узорами. Они держались за руки и не смотрели ни на кого, словно случайно зашли сюда во время прогулки. Пара подошла к подножию тронного возвышения, где стояла арка, украшенная цветами, а под ними в белом саване с распущенными по плечам волосами, стояла бледная Елизавета. Илорен и Виктория замерли перед ней в ожидании, но девушка не сразу собралась с духом. Волнение, сковавшее язык, усугублял жених, заморожено смотревший на неё и невеста, наоборот избегавшая взгляда. Лиза нашла опору в скульптуре ангела, стоявшей в нише напротив. Госпожа Ведьма начала церемонию так, как её учили:

— Сегодня, когда мрак окутал пределы нашего Мира, из плена была вырвана смертная душа, чтобы стать одной из нас и подарить радость нашему правителю — королю Илорену. Виктория была избрана ведами для того, чтобы претендовать на трон и принята народом королевства. Она доказала свою преданность, искренность и храбрость перед лицом правителя и Госпожи Ведьмы. Государь, готов ли ты разделить свою судьбу с судьбой этой девушки, любить её, оберегать и помогать?

— Согласен, — дрогнувшим голосом ответил монарх.

— Виктория, готова ли ты соединить свою судьбу с судьбой короля Илорена, любить его, оберегать и помогать?

— Согласна, — звонко и резко ответила невеста, так что голос её разорвал медитативную атмосферу, царившую вокруг.

— Обязуетесь ли вы нести бремя государственных забот сообща, справедливо вершить свои дела и уважать своих подданных?

— Клянёмся, — хором ответили они, преклонив колени, и тут же встали.

Кто-то поднёс подушечку, и Елизавета взяла сначала жемчуг, чтобы одеть его на шею Виктории, наклонившей к ней голову, а затем янтарь для Илорена.

— Теперь ваши жизни принадлежат друг другу, а моя принадлежит вам. Клянусь помогать советом и делом, а также всегда быть рядом с правителями в часы испытаний и дни радостей. Пусть ваши пути всегда будут светлыми, сердца любящими, а помыслы чистыми. Да здравствуют король Илорен и королева Виктория!

— Да здравствуют король Илорен и королева Виктория! — эхом откликнулись придворные и слуги.

Монарх с супругой взошли по ступенькам и стали лицом к залу, у своих тронов. Первым начал государь:

— Друзья, мы вступили в эпоху перемен и завтра, когда туман рассеется, мы окажемся уже в другом, новом Мире. Сегодня старая эра подходит к концу, оставляя после себя воспоминания о безвременье. Я обещаю править честно и справедливо, отдавать всё своё время на благо подданных и не дам больше консерваторам тормозить наше общее стремление к преобразованию. Моей верной и прелестной опорой станет супруга, благодаря которой возможно спасение Мира Теней от старого проклятия, наложенного на него и породившего межсезонье. Королева подарит мне дитя, и тогда мы навсегда забудем о тех муках, что испытывали в ожидании вед. Да здравствует королева Виктория!

И все придворные эхом подхватили:

— Да здравствует королева Виктория!

Довольная и гордая улыбка коснулась губ государыни, и она повела свою речь:

— Я благодарна вам за честь и тёплый приём и сделаю всё, что в моих силах, чтобы оправдать возложенные надежды и стать надёжной опорой своему супругу, чья любовь так поддерживает меня, а также доброй, мудрой и справедливой правительницей для своих подданных. Да здравствует Мир Теней!

И снова эхом откликнулись собравшиеся:

— Да здравствует Мир Теней.

На этом урезанная официальная часть была завершена.

Елизавета отправилась переодеваться в одну из комнат, пока король и королева выслушивали многочисленные поздравления. Девушка, лишённая своего гардероба, была вынуждена воспользоваться теми платьями, что присылали для Терхенетар в подарок и которые она даже ни разу не мерила, верная своим чёрным одеждам, простого фасона. То, что досталось Лизе, было рассчитано на репрезентативность, а учитывая специфичность представления мастеров о профессии ведьмы, они смотрелись порой весьма экстравагантно на общем фоне придворных, представляя собой смесь высокой моды и тенденций андеграундного стиля в мире людей. Свой выбор она остановила на длинном серебристом платье с вышитым красными нитями узором.

Подходило время «экспресс» бала, как назвал его недовольный Клейст. Впрочем, всего на этом празднике было вдоволь, кроме времени и людей, по сравнению с прежними чествованиями королев и свадьбами. Резиденция и город опустели почти в половину, даже Илорен, занятый своими думами, заметил это. Но, несмотря на все нюансы, люди были счастливы, сознавая, что тумана завтра не будет, всё придёт в норму и можно зажить по-старому. Каждый стремился нагуляться вдоволь, вознаграждая себя за последние волнения, а также и потому, что большинство намеревалось покинуть Фьелу, как можно скорее, чтобы оказаться подальше от воинов, казней, исчезновений, убийств, заговоров и всего того, что

может закончиться плачевно для человека.

Церемониймейстер провозгласил начало бала и все потянулись в залу, сияющую огнями, зеркалами, золотом, паркетом, блестящим под ногами и небесами, приоткрывшими завесу своих тайн на росписях плафона. Там, в окружении прекрасных ангелов, облачённых в белоснежные одежды и строго глядевших на людей, в центре был один, не похожий на собратьев. В тёмных одеяниях, с покрытой капюшоном головой и кинжалом в руке, он, казалось, готов был низринуться в гущу смертных, так как чёрные крылья его были расправлены, а телом ангел пригнулся, будто готовясь к прыжку. Странно было видеть такое гнетущее изображение здесь. Зазвучали ноты паваны и, по традиции, король пригласил Госпожу Ведьму открыть с ним бал. Они вышли на середину залы, невольно внимание Елизаветы снова приковал чёрный ангел, оказавшийся прямо над ними и отсюда взгляд его казался хищно устремлённым прямо на пару.

— Ты в порядке, Лиза? — спросил Илорен.

Девушка перевела на него взгляд и, улыбнувшись, кивнула. Танец, которому Клейст сегодня долго обучал её и Вику, был не очень труден, но насыщен деталями. Сосредоточившись на следующих нескольких минутах и бросив взгляд на Викторию, ухмыляющуюся в стороне и кивком пожелавшей удачи, она растворилась в звуках музыки и отдала свой разум во власть памяти, откликавшейся на знакомую мелодию заученными жестами, поворотами, шагами, движениями рук и головы. Прозвучал последний аккорд, и Елизавета присела в реверансе перед королём. Илорен отвёл Госпожу Ведьму к Вёльффу, с интересом наблюдавшему за ними и, поклонившись, пошёл к Виктории, чтобы пригласить на следующий танец. Бывший премьер подал Лизе руку и произнёс:

— Позвольте предложить вам небольшую прогулку по крытому саду. Туда, слава духам, не пробрался туман.

Елизавета неуверенно кивнула, и они пошли к выходу из залы. Когда шум бала остался позади, Вёльф продолжил разговор:

— Мне следует извиниться перед вами, Елизавета, за сегодняшнюю грубость. Я приходил к вам не для оскорблений и глубоко сожалею о своём поведении. Ваша предшественница очень дорога мне и увидеть кого-то в её апартаментах, после стольких веков, стало сильным впечатлением. Я не совладал с эмоциями. Вы примете мои извинения?

— Да, разумеется, мне и самой неуютно на её месте, — пылко ответила Лиза, не задумываясь над тем, стоит ли этот незнакомец подобных откровений, и тут же спохватилась об этом.

— Вы очень добры и слишком откровенны, — натянуто улыбнувшись, ответил Генрих, вспоминая, тем временем, как быстро эта простушка стала центром всех событий, происходящих в их Мире. Необычайных событий и роковых стечений обстоятельств. Как ловко она располагала к доверию. «Не этим ли способом? Как говорила о ней Терхенетар "словно неприхотливый комнатный цветок", так и манит расслабиться в своём присутствии».

«Точно, ляпнула, как дура, в очередной раз, — думала между тем Лиза, сокрушаясь о своей вечной непосредственности и глупости, глядя на похолодевший взгляд Вёльфа и учтивую улыбку, так похожую на презрительную гримасу, что хотелось как-то оправдаться, — но это будет ещё хуже. Лучше больше молчать и не усугублять неприятного впечатления».

— Добры, — задумчиво повторил Генрих, взглядывая в точёный профиль застывшего

лица, похожего на профиль статуи. Шедшая рядом с ним девушка выглядела спокойной и уверенной, о чём-то размышляла, не пытаясь завести разговор, словно напоминая своим молчанием о том, что это он был инициатором прогулки, и она не собирается выкладывать своих тайн, но готова выслушать чужие, — и, смею надеяться, отзывчивы, — после некоторой паузы более уверенно продолжил Вёльф.

Ответом на последнюю фразу был настороженный взгляд Елизаветы.

— О, я не требую этого в своих интересах, меня просил король. Прошу вас, — сказал он, пропуская девушку в сад, освещённый невидимыми в листве фонарями, подобранными под цвет растений, в которых они были спрятаны.

— Благодарю, но почему Его Величество не обратился ко мне лично?

— Дело в том, что мне необходимо оставить двор и государь попросил меня собрать побольше информации о новом премьер-министре, дабы проверить те факты, которые сам Арчибальд рассказал нам о себе. Это, безусловно, простая формальность, дача рекомендаций и советник оповещён об этой процедуре, так что можете не волноваться. Ваше мнение для правителя особенно ценно по ряду причин, поэтому именно вас я прошу рассказать нам о нём.

— Но, лучше всего его знает Урсула, я с ним почти не общалась.

— Урсулу мы допросили, но она не может ни говорить, ни писать. Всякий раз, как веда пытается что-то нам сообщить, приступы кашля усиливаются. Что вы думаете об этом?

— Я не знаю, бедняжка очень больна и излишнее волнение, должно быть, дурно сказывается на её состоянии. К тому же чувство вины... — неуверенно ответила Лиза. Противоречия разрывали её: с одной стороны можно рассказать о том, что говорила ей Урсула, но с другой это могла быть очередная ложь ради мести. Да и личность Вёльфа не располагала к доверительной беседе, к тому же пока Арчибальд не расскажет ей всего о себе, судить о его мотивах рано. — Знаю, что он прорицатель и учёный, разбирается в травах и умеет делать из них настои. Но это всё, что известно мне.

Добиться симпатии и доверия Вёльфа было ей не под силу, Елизавета прекрасно это понимала, а вот Арчибальд вполне мог на неё разозлиться и тогда может случиться всё, что угодно. Лиза была связана с этим человеком браслетом, ей необходима была его поддержка. Сейчас он был единственным, кто понимал привязанность и внимание к воинам. Если же рассказать об их природе кому-нибудь ещё, то в этом превращении могут обвинить именно новую Госпожу Ведуму. Из задумчивости её вызволил очередной вопрос:

— Вы знаете, что произошло в Гирфентейне? Дети не могли быть теньями и исчезнуть из-за тумана.

— Меня не было там и обо всём этом мне известно не больше, чем ведам. За то время, что я была в плену у Урсулы, я смогла узнать не так уж и много, чтобы мне было чем поделиться с вами. Мне очень жаль. Я и сама надеюсь узнать получше о причинах всего произошедшего.

— Ну, что же, я так и предполагал. Мне говорили, что вы просто жертва обстоятельств и не имеете отношения к случившемуся. Что вы намерены сделать с ведами? Они ваши подчинённые и король не может не согласовать с вами их судьбу.

— Я пока не думала об этом. Они едва не убили меня, так что стремления к обществу своих подчинённых я не испытываю, тем более что именно по вине веды произошли все несчастья. Им действительно стоит немного отдохнуть от забот о Мире, пока не будут исправлены их деяния.

— Странно слышать подобные слова из уст Госпожи Ведьмы, — усмехнулся Вёльф, — но, вероятно вы абсолютно правы и основная ответственность лежит на любимицах Терхенетар.

— Я не хочу занимать никаких постов и надеюсь, что вскоре всё вернётся на круги своя, а я просто буду жить где-нибудь на отшибе, где никто не будет пугаться моей гвардии — тихо произнесла Лиза в надежде прекратить невыносимый для неё разговор. Она смотрела в глубину зарослей, где проглядывала ротонда, окружённая скульптурами — единственное ярко освещённое место в саду.

Заметив направление её взгляда, Генрих предложил пройти к ней и поговорить о чём-нибудь более приятном.

— Эту ротонду государю прислали в дар из северных областей королевства в знак уважения. Она сделана из редких пород камня и все четыре стороны света поучаствовали в её создании. Три ступеньки ведут внутрь, пол инкрустирован драгоценными камнями и иллюстрирует герб Терхенетар. Восемь колонн, украшенных узорами разных народов, поддерживают барабан, декорированный рельефными изображениями духов, по преданию оберегающих наш Мир. Над всем этим возвышается купол, увенчанный гербом правителя, отлитым из золота. Столичный скульптор в знак восхищения мастерами, принимавшими участие в создании этого произведения искусства, высек из мрамора несколько круглых скульптур, олицетворяющих провинции, таланты которых украсили ротонду. Это было давно, когда Мир ещё был по-настоящему добр и светел.

Они подошли к беседке и Генрих сел прямо на ступени. В этот момент Вёльф казался очень юным. Он был таким же молодым как Илорен, только манера держаться придавала ему солидности, прибавлявшей года. Сойдя с топкой почвы неприятного допроса, от которого ничего не ждал с самого начала, он впервые предстал перед Елизаветой живым человеком со своими радостями и горестями.

— Внутри ротонды никто не бывает, она у нас несёт чисто декоративную функцию, но в тени есть удобные скамейки, если не хотите сидеть на камне, как я. Надеюсь, вы не против того, чтобы уделить мне ещё немного вашего внимания?

Лиза села на скамейку, почти невидимую в полутьме, и, улыбнувшись метаморфозе, произошедшей с Вёльфом, ответила:

— Нет, я не против.

Они являли собой весьма странную картину: Елизавета, неподвижно застывшая в тени растений в серебристом платье, неотличимая от статуй, которые выглядывали из зарослей, и Генрих, словно актёр в свете софитов на театральных подмостках, вот-вот начнёт знаменитый монолог. Но он молчал, задумавшись, и Лиза решилась на вопрос:

— Вам трудно покидать Селаркацу, вы, наверно, очень долго были первым министром?

— Я был путешественником, сколько себя помню. Пока не попал во дворец в качестве очередного гостя, которых так не любит Терхенетар. Здесь я увидел её и впал в немилость, имея неосторожность не спрятаться, а пристально смотреть на саму Госпожу Ведьму, после чего был изгнан из столицы за эту дерзость. Она не узнала меня, когда, спустя несколько лет, в своём титуле князя я прибыл в Фьелу с подарками для двора и, оставшись здесь уже в качестве придворного, постепенно получил должность в Совете. Мне никогда не нравилось это место — худшее во всём Мире Теней, как и всякое средоточие власти. Теперь я со спокойным сердцем могу покинуть его. Я чах здесь оттого, что с первого взгляда безумно влюбился в Терхенетар, так, на моей памяти, сходит с ума только Илорен по своей

Елизавете.

Лиза резко откинулась в тень, чтобы собеседник не мог видеть, как она покраснела. А Генрих рассмеялся тихим, ласковым смехом и продолжил:

— Не стоит стыдиться своего влияния на короля, из-за него в ваших руках сейчас спасение нашего Мира. Чтобы там ни придумывал мой преемник, но всё же государь по-прежнему главный человек королевства и сможет остановить Арчибальда. Буду с вами откровенен, я уверен в том, что ваш друг — главное звено того хаоса, который потряс наш Мир, но сейчас мне это безразлично, как и королю. Мы боролись с ним, пока он был невидим, а его пособники пакостили прямо у нас перед носом, под опекой вашей предшественницы, но теперь, когда этот проходимец переступил порог дворца, а все его подручные мертвы или лежат при смерти, не способные его разоблачить, стало ясно, что все мы проиграли свою борьбу. Теперь в его свите остались только вы, Елизавета и, думаю, ваша битва ещё впереди. Что хочет сделать Арчибальд, ради чего он так стремился к власти?

— Я не знаю ничего, клянусь, — дрожащим голосом ответила Лиза.

— Вот вы где! — громко воскликнул новый премьер, появляясь из темноты.

Лиза и Генрих резко встали, испуганные внезапным появлением Арчи.

— Так испугались, словно что-то замыслили, уж, не обо мне ли шла речь? — весело спросил министр.

— Да, как мы и договаривались нынче днём, я справлялся о вас.

— Узнали что-то новое?

— Кроме того, что девушка вас боится, ничего, — ответил Вёльф, — извините, но я вынужден вас покинуть, мне пора собираться.

Генрих подошёл к Елизавете и отвесил церемонный поклон, затем заглянул в её глаза и тихо произнёс:

— Удачи, Госпожа Ведьма, она понадобится вам.

После холодно раскланялся с преемником и удалился, оставив Лизу наедине с Арчибальдом.

— Ты сказала ему, что боишься меня? — спросил он девушку, застывшую в тени.

— Нет, — безучастно ответила Елизавета.

— А ты боишься?

— Я тебя не понимаю, равно как и того, что будет со мной, ведь не могу же я вечно притворяться не той, кто я есть, как сегодня. Я не ведьма и веды меня скорей удавят каким-нибудь тысячелистником, чем станут помогать.

— Ну и дьявол с ними, пусть томятся в подземельях, — усмехнулся Арчи. — А насчёт магии не переживай, твоя предшественница тоже не прибегала к чудесам, да здесь особо и не поколдуешь. Сильное колдовство разорвёт эту иллюзию на части. Для начала нужно сделать этот Мир настоящим, живым, самостоятельным, а тогда можно и проверить свои силы.

— Но веды...

— Шаманки, гадалки и не более того. Может и есть в них огромный потенциал, но откроется он не раньше, чем мы изменим это сонное царство мечтателей. Первые шаги уже сделаны: люди стали подвержены болезням и смерти, уничтожены иллюзии, осталось только сделать его живым, но этим сейчас займутся правители. Для этого нужно только родиться смертному младенцу.

— И тогда мы все станем смертными?

— Все уже смертны, но теперь срок их жизнью будет ограничен, как у людей, которых они использовали всё это время. Ни разу я ещё не видел, чтобы бессмертие давалось безвозмездно, не случилось этого и здесь. И этот Мир — щедушный эмбрион, питающийся жизненными соками очередной несчастной, ради вечной жизни его обитателей, которым давно пора уже окончить свой жизненный путь, затянувшийся благодаря колдовству шаманки. Поэтому не стоит воспринимать всерьёз их жалобы.

— А что будет с браслетом, когда я состарюсь и умру?

— Ты не состаришься и не умрёшь, пока он на тебе.

— А ты?

Арчибальд рассмеялся и ответил:

— Я тоже не умру.

— И ты будешь вечным премьером, а я вечно ведьмой?

— Нет, мы не останемся здесь навсегда. Терхенетар готовится к войне и мы должны помочь правителям подготовиться к ней, а потом нас ждёт путешествие. Ну, а сейчас спать, — быстро добавил он.

— Я теперь всё равно не усну, пока ты мне всё подробно не расскажешь.

— Это причинит неудобство только тебе, потому что когда я буду заинтересован в продолжении, ты будешь настолько утомлена, что не сможешь соображать.

— Мои желания когда-нибудь будут здесь учитываться?

— Желания — да, но не капризы. Я сейчас очень хочу спать, это место действует на меня как снотворное.

Елизавете снова пришлось подчиниться, и Арчибальд отвёл её в апартаменты Госпожи Ведьмы.

Глава 23. Советник

Утро выдалось прекрасным. Солнечные лучи щедро рассыпали свои благословения на истомившиеся во мраке улицы, но люди не ощутили их нежных поцелуев, запершись ставнями от проклятого тумана, принесшего столько горя в их жизнь. Первый возглас радости исторгла детская грудь. Мальчик десяти лет, выбежав на улицу, истошно закричал, призывая родителей взглянуть на чудо, и разбудил целый квартал. Люди выходили из своих домов и смотрели на ясное небо. Хоть радость и была повсеместной, но боль утраты ещё сильнее сжала множество сердец, которые лишились возможности разделить своё счастье с любимыми. Тем не менее, город возвращал себе прежнее течение жизни.

В резиденции Генрих Вёльф бросил прощальный взгляд на знакомые стены и сел в карету, которая привезла его когда-то сюда и с тех пор не покидала Селаркацу. До дома лежал долгий путь, и проделать его он желал как можно быстрее. Проезжая по улицам столицы, князь видел, как многие с возродившейся надеждой расклеивают и раздают прохожим объявления о пропаже родственников. Как легко было бы выйти и сказать им всем правду, только никто ему не поверит, а может ещё и набросятся, как на одного из виновников случившегося. Генрих отвернулся от окна и не выглядывал, пока Фьела не осталась позади со всеми её переживаниями. Вёльфу было в чём себя упрекнуть: он не поддержал Терхенетар, позволив случиться всему этому ужасу, только ради того, чтоб отдалить её от власти, бросал Илорена и королевство в руках какого-то подозрительного шарлатана и странной девчонки, которая из страха перед ним, скорее всего, пойдёт на всё. Да и нет у неё причин доверять кому-нибудь в этом Мире после всего, что с ней произошло. Но всё это теперь не касается ни его, ни Терхенетар. Князь откинулся на спинку сиденья и попытался восполнить недостаток сна, надеясь хоть немного сократить время в дороге. То, засыпая, то, предаваясь мрачным думам о настоящем и будущем, Вёльф не заметил, как стемнело, и на очередном перекрёстке вырос знакомый знак с его фамильным гербом и указанием остатка пути до его владений.

Приезд хозяина был настоящим событием в замке. Генрих послал вперёд себя вещи и указание, когда его ожидать, и теперь все залы и подъезд были ярко освещены, а крестьяне и прислуга, многие из которых ещё не видели своего господина, высыпали на улицу и стояли даже вдоль дороги, в ожидании его.

Князь почувствовал себя намного лучше, увидев родные стены и своих людей, отвешивавших поклоны проезжавшему экипажу. Карета въехала во двор, и Вёльф, впервые за всю дорогу, вышел и смог размять затёкшие члены. Он не спешил идти в замок, хотя уже не первый день представлял себе тот миг, когда переступит его порог. Генрих знал, что за ним наблюдают и ждут внутри, но малодушно топтался, здороваясь с челядью и выслушивая жалобы на трудности, посылавшиеся на людей в последнее время. Окружённый со всех сторон, кивая на непрекращающийся поток слов, но, не особо вникая в их суть, хозяин простоял так на дворе около двадцати минут и неизвестно, сколько ещё он оставался бы там уставший с дороги, если бы звонкий молодой голос не произнёс, перекрывая шум:

— Друзья мои, позвольте своему господину войти в дом, он нуждается в отдыхе.

Генрих посмотрел на вход в замок, в проёме которого стояла по-прежнему юная и сильная Терхенетар и лукаво улыбалась князю. Люди почтительно расступились, давая ему

пройти, и Вэльф неуверенно пошёл к своей возлюбленной, смеявшейся, глядя на его замешательство.

— Ужин уже ждёт нас, пойдём.

Шаманка взяла его за руку и вместе они направились в столовую, где был накрыт стол на три персоны и сидел министр информации Майвор Страусс.

— Добрый вечер, Генрих, приятно видеть тебя, — робко заглядывая в нахмурившееся лицо бывшего коллеги, приветствовал его гость.

— Майвор, рад видеть тебя в добром здравии, но, признаюсь, бесконечно удивлён нашей встречей. Что привело тебя сюда? — привычным в обращении с придворными холодным тоном обратился к нему Вэльф.

За гостя ответила Терхенетар:

— Он приехал из Гирфентейна, он был там, когда туман обрушился на государство.

— Значит, есть новости, — устало сказал князь.

— Да, Генрих, более того у нас есть сторонники и план действий по возвращению власти, — улыбаясь, добавила ведьма.

Вэльф опустил глаза, чтобы не встретиться взглядом со своей возлюбленной и не выдать горького разочарования, промелькнувшего в них.

— Мне нужно освежиться с дороги, я ненадолго вас оставлю.

Князь стремительно покинул своих гостей, пытаясь совладать с захлестнувшими его чувствами. Он медленно умылся, переделся и во всё это время осторожно собирал в своей душе осколки разлетевшейся мечты.

Во время ужина он не участвовал в беседе, только вслушивался в разговор Майвора и Терхенетар, обсуждавших противостояние столице, называвших имена знакомых и не знакомых ему людей. Как только это стало возможным, Генрих откланялся и пошёл в свои покои.

Опустошение сковало его и выкинуло за границы реальности, окончательно разбив. Все надежды, которыми он жил последнее время пошли прахом. Терхенетар не собиралась меняться и теперь, когда ей предоставили второй шанс, вступала на ту же тропу, которая уже однажды ушла у неё из-под ног. В дверь постучали, но он не стал отвечать. Тогда неурочный посетитель постучал настойчивей.

— Кто? — резко спросил он.

— Генрих, это Терхенетар.

— Войди.

В комнате горел только камин и в его неверном свечении Вэльф видел как юная, прелестная и уверенная в себе шаманка смело подходит к нему без тени смущения и благодарности. Разумеется, он ничего не ожидал, но имел неосторожность предположить, что сердце этой красавицы хоть немного растает от жизни под его гостеприимным кровом. В ответ на эти мысли она сказала:

— Я слишком долго была фактической правительницей целого мира, чтобы измениться так быстро. К тому же ты увёз меня, скорее ради себя.

— Возможно, но что могло бы случиться с тобой там?

— Ничего и моё место никто бы не занял. — Жёстко отвечала Терхенетар. — До меня дошли слухи, что веды в темнице.

— Да, это так.

— Я хотела уехать, но оказалось что здесь я тоже пленница.

— Я приказал никуда не отпускать тебя в моё отсутствие и считаю эту меру справедливой. В столице тебе больше нет места, оно было бы занято в любом случае, так же как и моё. Что тут делает этот трус?

— Майвор теперь мятежник, как и я. Во время своей вынужденной экспедиции он узнал о том, что народ начал роптать на короля. Многие пропали в тумане, а правитель ничего не делает и не объясняет, так что люди стали искать объяснения сами и пришли к выводу, что все несчастья навлек на нас Илорен, который слишком часто готов был жертвовать целым Миром ради очередной своей избранницы.

— Но теперь всё изменится и народ успокоится, так что никакой революции не нужно.

— Наша задача убедить людей в обратном и вернуться в резиденцию, чтобы выгнать оттуда выскочек вместе с их покровителем, который и сам давно мечтает оставить её и удалиться от дел.

Терхенетар села в кресло и вызвала слугу.

— Зачем? — устало спросил Вёльф.

— Хочу, чтоб принесли нам кофе, нужно многое обсудить.

Генрих хотел возразить, ссылаясь на сильную усталость и желание спать, но в насмешливом взгляде ведьмы видел, что она это прекрасно понимает и знает, что у него не хватит сил отказать ей. Это был маленький акт наслаждения властью над сильным человеком и князь невесело рассмеялся над собственной глупостью, побудившей его уверовать в то, что эта женщина сможет стать счастливой рядом с ним здесь.

— Тебе ещё не надоело мстить всем подряд, пример Урсулы не показался достаточно поучительным? Зачем ты снова втягиваешься в борьбу?

— Ну, во-первых, я не глупая самодовольная девчонка, — пропустив язвительный смешок Генриха, сказала Терхенетар, — а, во-вторых, по-настоящему мы ещё не боролись, так что я втягиваюсь впервые и надеюсь на твою поддержку.

— А если я откажусь? Ты хочешь воспользоваться моей усталостью и уговорить на свою авантюру, пока я так слаб.

— Да, именно таков мой план, к тому же ты привёз новости и мне не терпится узнать их.

— Смилуйся, сейчас?

— Да, Генрих.

Слуга принёс кофе и Вёльф нехотя приступил к краткому изложению всего, чему был свидетелем в отсутствие Терхенетар в резиденции, а также того, что рассказал ему Илорен. Во время рассказа, он не отрывал взгляда от её молодого лица, по-прежнему радуясь даже такому вниманию со стороны своей возлюбленной и тихо себя за это презирая. Когда Генрих закончил, ведьма, нахмурившись, сказала:

— Это, безусловно, очень урезанная версия, ты рассказал только факты, но ведь есть ещё и наблюдения, что ты сам думаешь об этих выскочках?

— Ну, Арчибальд, безусловно, по твоей части, а вот Елизавета просто девушка, в ней нет ничего примечательного и рокового, кроме браслета.

— Это похоже на правду. — Терхенетар задумалась и некоторое время молчала. — Ночью я обдумываю всё это, а завтра утром мы составим план для освобождения вед и спасения государства.

— Ты же хотела уйти и жить на лоне природы, я надеялся, что жажда власти навсегда покинет тебя, когда ты уедешь из замка. Неужели так нужно возвращаться туда? Если мы

пообещаем, что веды больше не причинят вреда, то Илорен позволит им жить где-нибудь неподалёку и заниматься своими травами и гаданием.

— Я так и сделаю, когда мы уничтожим угрозу, засевающую в резиденции. — Нежно сказала Терхенетар, подходя к нему. Она провела ладонью по лицу Вёльфа и добавила — мы исправим ошибки Илорена, и пусть его место занимает, кто хочет, а мы вдвоём удалимся в лес или в горы и будем там жить, а когда нам надоест, станем путешествовать. Я ценю всё, что ты стараешься сделать для меня и твою любовь. Она придала мне силы в самый тяжёлый момент и этого я не забуду, милый?

Генрих заглянул в бездонные глаза, с теплотой смотревшие на него и не мог поверить, что слова эти обращены к нему, словно стараясь убедиться в том, что это не сон, он провёл по волосам шаманки, затем притянул её к себе и крепко обнял, зарываясь в них лицом. А Терхенетар продолжала:

— Если единственный способ избавиться от браслета и его рабов — убийство Елизаветы, то мы должны сделать это. Существа, которыми она управляет, создают щит от любой магии, направленной против неё и того места, где она обитает, так что я не могу не узнать чем они занимаются с помощью гадания, ни распознать что за колдун проник к нам, ни повлиять на происходящее. Есть девушка, которая сможет нам помочь в этом.

— Кто?

— Лорана. Каким-то образом она узнала о том, что я здесь и пришла просить снисхождения и помощи в обмен на информацию. Бедняжка помогала всем, кто только просил её и всех потом предавала, так что эта экспедиция у неё будет последней и надёжность этой горничной для нас состоит лишь в том, что по каким-то неизвестным причинам она успела ужасно невзлюбить Елизавету. Кажется, Лоране обещали место Госпожи Ведьмы и теперь, когда эти ожидания были обмануты, она хочет поквитаться с теми, кто солгал ей. Видимо изначально она хотела понравиться новой королеве, чтобы позже заручиться её поддержкой и теперь попытается вернуться в замок и напроситься в горничные.

— И ты думаешь, что её примут после всего, да и, кроме того, она может рассказать о твоих планах и тогда тебя снова станут преследовать.

— Поэтому нам придётся подождать, пока под наши знамёна не соберётся достаточное количество сторонников, готовых противостоять столице, прежде чем отправлять её с ядом для моей преемницы. Для этого понадобится несколько месяцев.

— Тогда у королевы родится сын, и ты сможешь править от его имени, как ты делала с его отцом и всё вернётся на круги своя. Ты не отдашь никому власть. — Вся нежность улетучилась после этих слов, Генрих отошёл от Терхенетар и смотрел на неё, повернувшись спиной к камину. Шаманка закусил губу и исподлобья наблюдала за своим советником, затем вскинула голову и, с яростью в голосе, произнесла:

— Фьела — это сердце Мира Теней и если оно бьётся с перебойми, то весь Мир чувствует это, поэтому, несмотря на все различия, мы являемся одним королевством. Оставляя правителем кого попало это обрекать всех на гибель, значит нужно воспитать ответственного короля, который будет любить и уважать ту великую честь, которая выпала на его долю, а не метаться в поисках идеальной возлюбленной, наплевав на наши жизни ради собственного мимолётного удовольствия. Тебе не понять этого чувства, потому что ты такой же и сердечное увлечение значит для тебя больше, чем счастье окружающих, которое ты готов поставить на карту ради обладания своей фантазией. Это и позволило вам

договориться, когда вы приговаривали миллионы несчастных на одиночество, утверждая смертную казнь и безвозвратно уродуя природу Мира. Вам не понять, что я дышу им, живу ради него, что он весь — мой дом и моя радость, моё создание, и биение его пульса — это биение моего сердца. Я не уступлю его незванным пришельцам, как не уступила бы своё дитя чужой женщине. Если ты не хочешь помогать мне — скажи, и я найду себе другое пристанище.

— Я буду с тобой столько, сколько ты позволишь мне быть рядом.

— Значит, завтра мы обсудим наши планы. Я рада, что ты по-прежнему рядом.

Ведьма пошла к двери.

— Терхенетар, — негромко окликнул Вэльф и посмотрел в чёрные глаза, вопросительно устремлённые на него, — ты правда умолчала о части пророчества?

— Да, твой преемник не солгал. Спокойной ночи, Генрих.

Глава 24. Последний приказ Госпожи Ведьмы

После того, как туман рассеялся над Миром, и даже Долина открыла взорам людей свою красоту, оставив от скрывавшей её столько веков мглы лишь название, к резиденции стали подтягиваться люди, просившие короля и Госпожу Ведьму помочь в розыске пропавших родственников. И, хотя правители знали о тщетности этих попыток, они всё же разослали всюду людей и всячески способствовали добровольцам в поисках. К невероятной радости одних и удивлению других в лесу нашли нескольких заблудившихся горожан, совершенно обессиленных, так что розыски длились дольше, чем предполагалось и, несмотря на скромные результаты, удовлетворили жителей, так как все придворные, включая даже беременную королеву, разделяли с подданными тяготы лесных блужданий.

Постепенно жизнь входила в привычное русло. Только погода напоминала о произошедших переменах, да порой заболели люди. Но болезни их были незначительны и к ним немедленно отправлялись травники из замка и снабжали всем необходимым для лечения, которое поправляло здоровье страждущих в считанные часы. Для того, чтобы вызвать помощь Госпожи Ведьмы нужно было только вывесить красный платок на окне и её осведомители тут же приходили с осмотром и отправлялись в резиденцию с точным описанием симптомов. Разумеется, это было не очень приятное новшество, но в этой части королевства искренне верили, что виной всем несчастьям Терхенетар и её проклятье, насланное на королевство за отставку и, как только её найдут и казнят, всё станет лучше. Подобным слухам в немалой степени способствовал Арчибальд, сочинявший ужасные истории о шаманах из мира людей и пускавший их в народ с помощью своих помощников, которых он завёл себе целый штат. Новый премьер так сумел всех обаять, что большинство придворных, мечтавших покинуть Фьелу, быстро оставили эту идею и снова зажили в Селаркацу с прежним размеренным ритмом и ставшими при Виктории регулярными балами. Новая королева с удовольствием занялась преобразованием дворцовых обычаев, моды и даже переделкой комнат, а так же ввела моду на драгоценности. Благодаря ей в столицу снова стали съезжаться многие покинувшие Фьелу аристократы, заселяясь в свои дома и имения. Частые балы и празднества украшала собой смелая и яркая государыня, пока её положение ещё можно было скрыть под одеждой. И хотя все о нём знали и между собой осуждали подобную раскованность, но тем милее всем была прекрасная Виктория, что умела ещё и подавать повод для сплетен. Илорен чаще всего прятался от этой шумихи в замке, вместе с Елизаветой, которая также весьма редко бывала участницей увеселений. Он учил её писать на общем языке и рассказывал о том, какие края есть в этом Мире. С ними был и Гор, почти всюду сопровождавший Лизу. Король помогал Госпоже Ведьме делать обход гвардейцев, которые хоть и не чувствовали жары и холода своей кожей, но получали удовольствие от ухода за ранами. Арчибальд настаивал на том, что воины должны стоять на своих местах и так для них самих намного лучше. В то утро, которое пришло после свадьбы, Елизавета, наспех одевшись, побежала в Долину, чтобы своими глазами увидеть Башню Ведьмы и заглянуть внутрь. Сомнений в дороге быть не могло, так как протоптана была лишь одна тропинка, но в конце её не было здания, только прогалина, лишённая растительности, а в середине Арчи, задумавшийся о чём то. Увидев Лизу, он радостно приветствовал девушку и сказал:

— Вижу, и тебя в столь ранний час привела сюда тяга к достопримечательностям, но, увы, знаменитой башни больше нет. Наверное, вернулась к хозяйке в старом качестве. Позволь проводить тебя.

Он взял Елизавету под руку и отвёл в замок. С тех пор они много вечеров провели вместе. Арчибальд отвечал на все её вопросы, но, с условием, что никто не узнает об их разговорах. Лиза держала слово, хоть это было и трудно, особенно рядом с Илореном, который всюду окружал её покоем и удобствами. Рядом с ним всё становилось не важным и те сложности, которыми была полна жизнь Арчи, отходили на второй план, а к концу вечера окончательно рассеивались, как морок, в тёплом и ясном свете, исходившем от короля. Иногда к ним присоединялась Виктория, и весь вечер шутила и заряжала всех своим жизнелюбием, рассказывая забавные истории с празднеств. Премьера практически никто не видел, он правил один за всех и только Елизавета понимала, что ему нужно и подолгу молчала, отстраняясь от собеседников, когда вспоминала о связывавшей их тайне. Пользуясь бесхребетностью Совета, отвлечённостью государя, безразличием королевы и молчанием своей сообщницы, Арчи настраивал механизмы, готовые вовремя заработать и превратить этот Мир в послушную машину, которая станет собирать для него необходимые ресурсы.

Время шло, и никто не заметил, как наступила невиданная в этих краях зима, а празднества прекратились из-за невозможности Её Величества принимать в них участие. Шёл девятый месяц, с тех пор как Виктория соединила свою судьбу с Илореном. За окнами шумела злая вьюга, заставляя всех жаться поближе к каминам. Король находился подле жены, которая в тот вечер чувствовала себя плохо, стараясь скрасить её муки своими заботами. Елизавета же сидела в своей приёмной и ждала обещанного визита Арчибальда. В комнату постучали. Она пригласила, но вместо советника вошёл слуга и сказал, что её аудиенции просит девушка, утверждающая, что они знакомы и Госпожа захочет с ней увидеться. Удивлённая и заинтригованная подобной рекомендацией, Лиза попросила привести её, и пошла, на всякий случай, за Гором. В комнату странница, закутанная в меховой плащ, вошла вместе с Арчи.

— Открой своё лицо, — повелительно сказала Лиза.

Гостья скинула капюшон и с вызовом посмотрела на присвистнувшего премьеры.

— Лорана, я уж думал тебя волки съели.

— Лорана, — удивлённо сказала Лиза — где ты была? Вы знакомы? — этот вопрос был адресован Арчибальду, но ответила на него гувернантка.

— Да, он обещал мне помощь в обмен на некоторую услугу.

— Я обещал ей твоё место, так что не стал бы доверять словам этой девушки.

— Скольким ты обещал место Госпожи Ведьмы? — Елизавета поворачивалась то к своей бывшей гувернантке, то к советнику, держась поближе к Гору, который беззаботно смотрел на пламя в камине, сидя на диване.

— Точно не помню, но остальных ты не знаешь, — ответил Арчи.

— Тем не менее, это желание в прошлом, Госпожа Елизавета. Я искала этого человека, чтобы сказать ему, что жалею о том, что помогала такому негодяю, как он, и рада, что нашла его здесь. К вам же меня привело раскаяние. Я много слышала о вашем милосердии и пришла просить о снисхождении ко мне.

— Я мало знаю о твоих проступках, только понаслышке. В чём же ты хочешь повиниться передо мной? И о какой помощи ты просишь.

— Я прошу прощения за то, что помогала Урсуле и барону по просьбе этого человека, с

которым познакомилась в лесу, когда ходила за плащом Терхенетар, забытым в башне. Он смутил меня рассказами о возможном возвышении, говорил, что сделает правительницей, избавит от каждодневной рутины, даящейся целую вечность. Я знаю, что люди в Мире могут с лёгкостью поменять свою судьбу, и только замковые слуги обречены на вечное услужение, потому что Терхенетар не отпустит тех, кто служит ей, чтобы ни одна тайна не покинула стен замка. Мы можем уйти только в Гирфентейн, но и там не многим лучше. А мне так хотелось изменить свою судьбу, сбежать отсюда хоть куда. Я даже пыталась найти саван в башне, но не смогла. Теперь я запятнала свою совесть, и вина перед Миром мучает меня и не даёт покоя.

— Не слушай, Лиза. Ей не даёт покоя мой обман, и она здесь, чтобы мстить.

— Это не так. Я просто прошу найти мне место в замке, хоть поломойкой. Сейчас зима, а я никого не знаю в Мире. Всюду становится беспокойно и люди больше не доверяют пришельцам, даже самой миловидной наружности. Ходят страшные слухи, которые лишают людей доброты и мужества. Милосердие покинуло тракты, а стужа, сковавшая округу, лишила меня возможности идти далеко и искать себе приюта и работы в городах, да меня там, может, и арестуют, ведь я объявлена в розыск. Всё же вам я не причинила ни малейшего вреда.

— Хорошо, сегодня ты проведёшь ночь...

— В темнице, а завтра мы определимся, что делать с тобой. Стража!

Лорана в ужасе упала на колени и слёзы брызнули у неё из глаз. Вбежавшие стражники замерли на пороге в ожидании приказа, но Елизавета отправила их в коридор, махнув рукой.

— Пожалуйста, — рыдая, стала просить девушка, — не сажайте меня вместе с ведами, они проклянут меня, если увидят.

— Они уже тысячу раз могли это сделать — отмахнулся Арчи. — Лиза, зачем ты слушаешь это?

— Ну, а если она говорит правду? — жалобно посмотрела на него Елизавета.

— Ну, а если нет? — раздражённо бросил советник. — Стража!

На этот раз Госпожа не стала мешать и вскоре крики Лораны смолкли в коридоре. Эта встреча оставила тягостное впечатление у Лизы и долгое время она не могла придти в себя. Арчибальд по обыкновению рассказывал о своих успехах, а также о новостях, доходивших до него из разных мест и которые он благополучно скрывал ото всех, кроме неё. Но вскоре советник заметил необычную задумчивость Елизаветы и спросил:

— Почему ты не ругаешься, не волнуешься, не споришь?

— Скажи, неужели всё это так необходимо? Неужели миры не могут быть иными и все должны строиться по подобному образцу?

— Да, такова суть жизни, отведённой этим существам.

— Но ведь они жили иначе столько времени, и не нуждались ни в войнах, ни в разъединении. Значит это возможно.

— Временно — безусловно, но эти существа не совсем люди и оказались здесь вследствие ошибки, как я тебе уже не раз рассказывал.

— Да, но меня не покидает чувство вины. Лорана напомнила мне о том, что я предаю всех, кто верит мне.

Лиза закрыла лицо руками и заплакала. Арчибальд подошёл, чтобы утешить её, но в это время в двери постучались.

— Ну, что там могло ещё стрястись? — раздражённо пробормотал он.

Елизавета подняла заплаканное лицо и громко приказала:

— Войдите!

В дверь заглянул камердинер короля и дрожащим голосом произнёс:

— Госпожа, Его Величество отравлен.

Арчибальд немедленно выскочил из комнаты и побежал во дворец, следом побежала Елизавета, знаком приказав Гору оставаться на месте. Когда они оказались в спальне Илорена, он полулежал с опущенными веками на своей постели, но, услышав голос премьеры, спрашивавшего у слуг, что случилось, сразу открыл глаза.

— Елизавета, — выдохнул он, глядя на потерянную девушку, которая не решалась приблизиться к нему.

Лицо правителя осунулось и казалось посиневшим, глаза запали и лихорадочно блестели, он едва смог оторвать руку от одеяла, чтобы жестом позвать её. Лиза подошла и опустилась на кровать рядом с ним. Слуги быстро рассказывали Арчибальду о том, как это произошло:

— Никого из чужаков не было рядом с королевской четой. Его Величество менял компрессы, и развлекал государыню беседой. В соседней комнате находились травники, готовившие напитки, успокаивающие боли королевы. Они поменялись за несколько минут до инцидента. И те, которые пришли на смену, приготовили кофе для государя, после которого он упал и начал задыхаться. Её величество немедленно позвала стражу. Все травники были схвачены, и теперь находятся под замком. Двое из них при аресте кричали "За Терхенетар!». Должно быть, сюда проникли лазутчики шаманки.

— Ясно, теперь все покиньте комнату, — быстро сказал премьер, — и прикажите собрать всех замковых слуг в одной зале, пусть пока сидят там под охраной, они подозреваются в преступном сговоре с шаманкой и её подручной Лораной, — добавил он.

Слуги отправились выполнять приказы, а Елизавета отошла, давая Арчибальду возможность осмотреть Илорена. Советник справился очень быстро и негромко произнёс:

— Сильнодействующий яд, смерть наступит в ближайшее время. Прощайте, Ваше Величество. — С этими словами он протянул Илорену руку, которую тот пожал по инерции, не до конца осознав суть слов.

Елизавета сквозь рыдания, рвавшие ей грудь, простонала:

— Это невозможно, ты же маг, ты всё можешь. Пожалуйста, спаси его.

— Я смогу всё только после родов королевы, но сейчас я абсолютно бессилён. Советую вам прощаться, пока не поздно. Мне бесконечно жаль. — Арчи пожал плечами и отошёл в угол, чтобы не мешать.

— Елизавета, — снова позвал Илорен.

Лиза подошла и присела на край постели, взяв обессиленную руку государя в свои. Проблеск разума уже мерк в его взгляде, девушка видела, как реальность ускользает от него, подменяясь бредом из переплетения картин прошлого и несбывшихся мечтаний. Но, тем не менее, Илорен смотрел на неё с тем же обожанием, что и прежде.

— Я вновь бросаю тебя на произвол рока, снова мечта о совместном счастье лишь дразнила меня перед гибелью. Но куда бы смерть, в этот раз, не забросила мой слабый метущийся дух, и там, в тех чертогах, я буду ждать и любить тебя, кем бы ты ни была и как бы ты не звалась. Без тебя нигде не найду для себя покоя.

Елизавета смотрела на него и слёзы утраты мешались со слезами раскаяния. Он верил, что они будут вместе, а она знала, что это обман и скоро ей суждено либо умереть, либо

уйти вместе с Гором и Арчибальдом в неизвестность, по которой они вечно блуждают в поисках неисправностей смертной системы, не допускающей вечной жизни, не допускающей миролюбивого существования. Как объяснял ей советник — в мире не может расти неограниченное количество жизней, такой мир невозможен — такой мир просто греза, которую нужно развеять или изменить. Смерть необходима как врач для процветания и прогресса, а склоки и дразги, война и болезни — это её скальпели и пинцеты, зажимы и ножницы. "Мы просто медсёстры, приготавливающие эти инструменты к операции».

— София, прощай. — Илорен погладил её по щеке, и это было последним, что он сказал и сделал.

Арчибальд подошёл и обнял девушку, утешающе глядя её по спине. Он ничего не говорил некоторое время, давая ей возможность хоть немного успокоиться.

— Лиза, посмотри на меня, — спустя несколько минут попросил он. Елизавета подняла лицо. — Сейчас я отведу тебя в покой, запишись и никого не впускай, без меня ничего не пей и не ешь, никого не слушай. Ведьма подслала сюда Лорану, и она успела передать что-то слугам, а я даже не знаю, сколько из них готовы умереть за прежнюю госпожу или убить за неё. Надо было бы сразу вычистить замок, да слишком хорошие они притворщики. Ты всё поняла и запомнила?

— Я поняла.

— Мне дорога твоя жизнь, Лиза, помни об этом.

— Да, я помню, — не глядя на него, сказала девушка.

Арчибальд повёл её через притихший дворец в опустевший замок. Обычно, в обители Госпожи, слуги старались быть незаметными, но только теперь стало ясно, как много звуков и людей здесь было на самом деле раньше, когда остался только ветер.

— Не уходи от меня, — в ужасе вцепившись в руку советника, попросила Лиза, — я боюсь ужасно, всё это место против меня, я умру от страха здесь.

— Не бойся, мне нужно навестить Викторину, она сейчас чувствует себя ещё хуже. Судя по всем признакам, она вот-вот должна родить, а тут ещё такое нервное потрясение.

— Приходи, как только сможешь.

— Тебе незачем волноваться, кроме Гора, да Урсулы, прикованной к постели, здесь никого нет, а веда едва ли сможет доползти до твоей спальни.

Арчи поцеловал её в голову и вышел. Лиза заперлась и решила навестить Гора. Ребёнок, по своему обыкновению, смотрел на картины, девушка села рядом с ним. Несмотря на всю его силу, мальчик не сможет ей помочь. Эти несчастные души, связанные проклятым браслетом и блуждавшие в образе детей, пока кто-нибудь его не оденет, по-прежнему были загадкой для неё, равно как и факт их появления в этом мире задолго до Арчибальда и его юного спутника. Все воины слышали зов браслета в своей голове, они шли на него и слушались приказов его владельца, все, кроме Гора, который от природы не знал человеческой речи, и до слуха которого не долетало неуловимого звука, сводившего с ума его собратьев. Если Лиза умрёт, то браслет снова потеряется и все эти души на время освободятся. Она много раз думала об этом, но всякий раз тысячи отговорок приходили ей на помощь. Первой из них был ужас скорой смерти, невозможность покончить с жизнью самостоятельно, второй то, что Арчибальд обещал помочь снять браслет и проклятие с этих несчастных, когда сила его в этом мире возрастет. Елизавета пошла в спальню и, к своему удивлению, обнаружила там письмо, лежавшее на подушке. Поначалу она хотела дождаться премьеры, чтобы прочесть его вместе с ним, но потом любопытство возобладало над

осторожностью и Лиза распечатала конверт. На сложенном вчетверо листке бумаги крупным решительным почерком было написано:

«Дорогая Елизавета, теперь я узнала, что ты стала жертвой обмана подлого чародея и не можешь выпутаться из его гнусных планов, не навредив себе непоправимо и не виню твою молчаливую помощь этому врагу нашего Мира. Думаю, он обещал забрать тебя отсюда после того, как дела ваши будут кончены, а также бессмертие и силу, так вот это действительно так и всё это он обязательно выполнит. Я была в Гирфентейне и, найдя вещи мальчиков, выясняла судьбу их владельцев с помощью ритуала. Теперь мне очень жаль, что я не сделала этого раньше. Эти души никогда не принадлежали отряду воинов, это души помощников Арчибальда, как называет себя этот чернокнижник, из разных миров и теперь ты одна из них. Всякий раз, когда душа покидает мир, в котором был надет этот браслет, она пополняет армию слуг чародея. Надевает браслет глухой ребёнок, который всюду бродит вместе с ним и дарит его несчастным вроде тебя. В последний раз жертва злодея погибла, и браслет потерялся, а бедные души оказались в Мире Теней, где оказывалось до них много заблудших и измученных, но со временем Арчибальд нашёл свой проклятый артефакт, а затем проник сюда с помощью Урсулы. Единственный твой шанс спастись — это покинуть человеческие миры и переселиться туда, где нет страха и волнений. Тогда эти бедные существа смогут хоть ненадолго избавиться от ужасной оболочки, а ты неполнишь их ряды. Знаю, поверить мне в создавшейся ситуации невероятно, но узнать о правдивости моих слов ты можешь у своих гвардейцев — просто покажи им браслет и спроси, носили ли они его, только не спрашивай маленького владельца своего «оберега», лучше иди на замковую стену и там покончи со своим проклятьем.

С соболезнаваниями, веда Терхенетар.»

Комок подкатил к горлу Лизы, от ужаса её стала бить крупная дрожь. Разумеется, верить ведьме трудно, но и Арчибальду тоже она никогда не верила и только страх за собственную жизнь и примирение с необходимостью зла заставляли её всё время молчать. Она быстро пошла на стену, чтобы попробовать спросить кого-нибудь из воинов о браслете. Уже было поздно, на небе ярко сияли звёзды и, в тишине морозной ночи, казалось, будто стоит подняться чуть выше и можно услышать их хрустальный звон. Поёжившись в лёгкой накидке, Елизавета взяла со стены факел и неуверенно подошла к одному из своих гвардейцев, заглядывая в его глаза. Ни один мускул не дрогнул в лице обезображенного создания, но когда Лиза подняла руку с браслетом и показала его воину, тихий стон вырвался из его груди. Девушку бросило в жар, она спросила:

— Ты тоже носил его, из-за него ты стал таким?

Воин слегка кивнул и промычал:

— Да.

— Если я умру сейчас, вы освободитесь на время, а я не стану одной из вас?

— Да — ещё раз кивнул воин. Его собратья, стоявшие в отдалении, но слышавшие громкий взволнованный голос Лизы, немного повернули головы к ней. Девушка бросилась дальше по стене и стала спрашивать то же самое у них и получала те же ответы.

Прислонившись спиной к одному из редких зубцов, она медленно сползла на заснеженный пол и в прострации смотрела на звёздное небо, но, услышав шаги на лестнице, быстро поднялась на ноги. Глядя на чёрный проём входа, она подозвала к себе двоих воинов и одному передала факел, а второму приказала ей помочь. Опираясь на его руку, Госпожа Ведьма залезла на бруствер и свесила ноги наружу. Последним, что она произнесла, было

приказание:

— Толкни меня.

Воин исполнил его и, крепко зажмурившись, не издав ни звука, она полетела вниз. Где-то позади крикнули её имя, и всё исчезло.

Глава 25. Ангел Смерти

Звук собственного голоса ещё смолкал в его ушах, а стена уже опустела, оставив Арчибальда один на один с зимней ночью. Елизавета сбежала и забрала с собой браслет и верных опричников, способных остановить армию шаманки, продвигающуюся к городу.

— Лиза, как же ты решилась, — простонал Арчи, поднимая глаза от распростёртого на камнях тела к холодным звёздам.

Он допустил оплошность, рассчитывая на её доверие, к тому же недооценил Терхенетар. Колдун медленно пошёл в замок. За то время, которое шаманка потратила на стягивание к себе сторонников, премьер-министр через посыльных вербовал простой люд, чья жизнь в последнее время становилась всё сложнее. Также большинство придворных остались преданны новому правительству. Значительная часть армии, расположившись лагерем за чертой города и предместий, в данный момент уже готова была встретить своих оппонентов. Реформы, начатые ещё Илореном после похищения Елизаветы, за короткий срок превратили столицу и резиденцию в укрепленные обороноспособные объекты. Теперь врагам придётся помучаться, чтоб подобраться к правителям. Тем из них, кто ещё жив. «Впрочем, мне хватит времени. Теперь уже всё готово».

Он шёл, погружённый в раздумья, не замечая дороги. Вдруг тишину разорвал сухой, надрывный кашель.

— Урсула!

Арчибальд повернул туда, откуда услышал этот звук и вбежал по лестнице в башню, где кончали свой век все королевы Мира Теней, а теперь, придавленная мучительным недугом, доживала бледная копия «самой непоседливой ведьмы», приведшая в свой дом Ангела Смерти, чтобы поквитаться с назойливой памятью. В комнате было прохладно, камин почти погас и Арчи первым делом подкинул дров и расшевелил пламя. Веда хмуро наблюдала за его действиями, не говоря ни слова. Поздний гость тем временем подвесил котелок с водой и только после всех этих приготовлений подошёл к постели больной и сел в кресло рядом.

— Ну, здравствуй. Вот и остались мы в том же составе, что и в начале нашего знакомства.

— Здравствовать мне уже не придётся. Где Лиза?

— Разбилась о камни двора. Нет сил, чтобы пойти и просить отскрести родные останки, такой тяжестью обрушилась на мои плечи эта горькая утрата.

— Прекрати кривляться или уходи прочь, — с отвращением просипела Урсула. — Ты подстроил это?

— Ну, вот ещё. Не стоит видеть во мне только злого шута и обманщика. Я не желал ей смерти, как не желал её и нашему правителю. А вот твоя печаль мне непонятна. Думал, ты обрадуешься, ведь такая месть получилась.

— Он же даже не узнал о её гибели... — начала было веда, но её прервал смех Арчи.

— Так вот отчего ты так грустишь, я уж думал, близость смерти сделала тебя добрее.

И чернокнижник, смеясь, пошёл снять воду с огня и приготовить отвар для Урсулы и кофе для себя.

Очередной приступ кашля согнул тщедушное тело девушки, но ненависть в её глазах горела так же ярко, как и прежде. Выпив поданное питьё, она спросила:

— Зачем ты пришёл ко мне?

— Услышал твой кашель, когда спускался во двор, чтобы поднять тело. Но Лизе я не смогу уже помочь, как и она мне... Захотелось увидеть кого-то, кто меня знает подольше.

— Как это случилось?

— Терхенетар прислала ей письмо, в котором назвала цену за бессмертие, которую я беру со своих друзей. Нашей пленнице плата показалась чрезмерной, и Елизавета предпочла смерть, потеряв в пути одну важную для меня безделушку.

— Госпожа Ведьма всё ещё правит в этом замке. Если она отправила это письмо только сейчас...

— Значит готова к решающему шагу. Знаю. И уже сделал всё для того, чтобы битва была жаркой. Люди верят в то, что она убьёт всякого, кто не примкнул к ней, они ненавидят ведьм даже больше меня.

— Это потому, что ты знаешь кто из вас настоящий подонок.

— Ой, перестань, не стоит отдавать мне все лавры. Я — Ангел Смерти и мне нравятся короткие судьбы смертных, только среди них я обретаю первоначальные свой смысл и силу. К тому же ты сама твердила о желании перемен, так мы и сошлись. Теперь осталось совсем чуть-чуть до того мига, когда этот мир оживёт по настоящему, как ты и хотела.

— Люди будут страдать.

— Некоторые, в качестве компенсации за свободу остальных. Разве это не выгодный обмен?

— Я хотела, чтобы всем было хорошо.

— Это невозможно. Когда я пришёл сюда, здесь уже все были несчастны, даже если не понимали, что их гложет. Я никогда не смог бы в одиночку изменить такой огромный Мир. Всё это сделали вы сами, мне нужно было только сказать то, что каждый из вас хотел услышать "ты прав, иди и действуй во благо...", остальное прибавлялось в соответствии с интересами собеседника. Вы, смертные, всегда полны идеями — мрачным богом убийц, довлеющим над вашими суетными умами и скоротечными судьбами. И вот уже все понемногу роют друг другу ямки, пока очень осторожно, только чтобы жертва споткнулась, но это всё же первая ступень на пути великой цели. Конечно, обезумевший король, решившийся на казнь, это по собственному вдохновению. Здесь нет моей заслуги, разве что подзуживание не менее сумасшедшего барона, лезшего на рожон.

— Ангел Смерти, — медленно проговорила Урсула, словно пробуя на вкус эти слова — ты пришёл просто разрушить и без того шаткое равновесие? Не мелковата цель?

— Я пришёл забрать своих помощников, которые уже давно не выполняли свою работу. А в остальном, ты же видела, как сложно мне попасть туда, где смерть не властна.

— Какую работу выполняют воины?

— Они не воины, а просто души, которые были обращены магией и маленьким предательством в моих помощников. Некоторые помогали мне в других местах, так же, как здесь Лиза. Близкие люди высокопоставленных особ, в основном это сыновья, племянники, фавориты и фаворитки. А некоторые просто неудачно для себя подвернулись под руку.

— Маленьким предательством? Не скромничай, таких мерзавцев наперечёт. Откуда ты и Гор и кто вы на самом деле?

— Я должен был когда-то забирать дыхание у тех, кто умирает. Я так и делал, но у одной не смог отобрать жизнь, а поступил с ней также как и вы — увёл на тропу. Мне нужно было лишь найти место, подобное вашему, чтобы сделать её бессмертной и оставить среди

лугов и лесов в новом доме, куда я смог бы приходить, чтобы любоваться этим румянцем на щеках и блеском глаз...

— Ты был влюблён? — удивилась Урсула.

— Я не могу влюбиться, но я готов был на всё, лишь бы не пришлось обрывать журчание этого голоса. Просто хотелось, чтобы это создание продолжало жить.

Но все места, в которые она могла бы податься, для нас оказались закрыты. Моё дыхание отравило самый воздух вокруг несчастной избранницы, и даже когда я покорно смотрел на то, как она удаляется к входу в очередной подходящий мир, туман неизменно закрывал для неё ворота в бессмертие. Тогда я решил остаться в междумирье, как отшельник. Я приносил еду из разных мест, рассказывал ей обо всём, что видел там и был безмерно счастлив, когда затаённая тоска, камнем лежавшая в глубине этих глаз, хоть на минуту отступала. Ты знаешь, междумирье не самое живописное место, но ей нельзя было идти туда, где властна смерть, а я не мог попасть туда, где царило бессмертие.

В одном из моих путешествий, я узнал о старом чернокнижнике, который под конец своей жизни, будучи смертельно больным, сумел найти рецепт, чтоб обмануть судьбу. Однако он не мог вернуть себе здоровье, так что лишь продлевал бесконечные муки. У него в услужении было изувеченное существо, которое теперь повсеместно называют воином. А тогда это создание его мрачного колдовства ухаживало за больным и желчным магом. Когда я пришёл к нему с просьбой рассказать о том, как он достиг вечной жизни, старик рассмеялся и сказал:

— Ангелу Смерти должен я рассказать, как не лишать людей жизни?

— Я изгнан и теперь не обладаю властью.

— Ты обладаешь силой, которая сама по себе уже власть. Только нужно, чтобы кто-нибудь научил тебя новым навыкам взамен тех, что были отобраны за ослушание. Забери меня из смертного мира туда, где прячешься от возмездия.

Так я и поступил. Слуга наставника, чтобы не пугать мою избранницу, был обращён в глухого мальчика с большими чёрными глазами и непослушной чёлкой. В таком виде он ходил за покупками для своего господина, таким предстаёт всем, кто знает Гора.

Я учился без усталости, постигал все премудрости магии. С силой, данной по праву рождения, я во всём превзошёл своего учителя, кроме хитрости. Каждый день я просил научить меня продлевать жизнь, чтобы мы могли отправиться в мир смертных, но чернокнижник уклонялся от этой темы. Не знаю, сколько времени прошло в вечных сумерках, пока проходило моё обучение. Девушка внешне не могла измениться, но я чувствовал её отчаяние от угнетающего вида междумирья, в тумане которого всё время шныряли тени неуспокоенных созданий. К домику, служившему нам прибежищем, они не приближались, как и ко всякому оазису, но шелест их саванов и звук тяжких вздохов тяготили человеческую душу. Я сказал колдуну, чтобы не откладывал дольше и назвал способ, который поможет нам.

— Чтобы ты не предпринял здесь, в мире это перестанет действовать, так что все мои рецепты для девушки бессильны и ей не избежать встречи с одним из твоих собратьев, как только она переступит порог обычного мира. Есть и другой вариант... Тебе может не очень понравиться... Мы, простые люди, оказавшиеся на тропе, стали избранными и можем войти в любые врата, которые встретятся. Но одного твоего присутствия, будет достаточно, чтобы лучшие из них для нас заволокло проклятым туманом. Так что единственный шанс попасть в волшебную обитель бессмертных ещё при жизни, это разделиться и, может быть, если ты

найдёшь способ присоединиться к нам, встретиться вновь уже там. В качестве утешения я оставлю тебе своего слугу и браслет, к которому привязана его воля. В образе Гора он располагает к себе людей, вызывая доверие. Если же он понадобится тебе в своём истинном виде, просто одень подвеску в форме человеческой фигурки на браслет и через некоторое время перед тобой будет уже неуязвимый охранник. С помощью этого артефакта, ты сможешь собрать целую армию существ, проклятых на вечное служение тебе. Отмеченные властью этой магической вещицы, они будут искать любого, кого прикажешь, пока не найдут. Это твой шанс увидеть нас снова, если задашься такой целью и сможешь преодолеть барьер или если мы заблудимся в тумане.

Я отпустил их без лишних слов, но себе поклялся найти. С тех пор мы с Гором путешествуем в поисках пристанища наших друзей, вычёркивая один за другим из списка бессмертных миры, подобные вашему. А воины тем временем рыщут в тумане, обрастая легендами.

Арчибальд замолчал и в тишине стали отчётливо слышны крики, доносившиеся со двора.

— Тело нашли, — печально сказал он.

Урсула недвижно лежала, глядя в сторону. Отсветы огня плясали в застывших зрачках. Премьер вяло подумал, что давно уже не слышит её сиплое дыхание. Затем он покинул башню, прикрыв за собой тяжёлую дверь.

Подходя к своим покоям, Арчи поморщился от надвигавшихся дел, которые следовало тут окончить, прежде чем отправляться на поиски браслета. Чудовищная внешность Гора снова становилась обузой.

За спиной раздавался шум бегущих ног и разноголосица взволнованных причитаний, разбившаяся о суровый взгляд Арчибальда. Министр пошёл навстречу подданным и в полутьме коридора его увидели, лишь столкнувшись лицом к лицу. Без всякого предисловия, он произнёс:

— Вероломству наших врагов нет предела. Подлостью и обманом Терхенетар и её сторонники убили наших правителей. Теперь мы уже не можем помышлять о мире, и вынуждены платить за злодеяние той же монетой, как делал это король Илорен.

Он попросил часть слуг отправиться за членами Совета. Остальные пошли с ним в комнату, где были открыты все окна и на столах рядом лежали Илорен и Елизавета. Арчибальд подошёл к обезображенному телу девушки и, на всякий случай, проверил запястья. Браслета на них не было.

— Нужно приготовить всё к похоронам. Объявить недельный траур и разослать гонцов во все дома, верные престолу, с горестной вестью и предложением встать на защиту молодой королевы и будущего принца. Сегодня мы свершим месть, а завтра будем оплакивать потерю.

Премьер повернулся к людям, стоявшим около дверей. Глаза его были красны от слёз.

С самого утра на главной площади Фьелы толпились горожане, смотревшие на столбы, мрачно черневшие в бледном рассвете суровой зимы. В городе мало знали об их назначении, но кое-какие слухи успели пробраться в тихие переулки продуктовых лавочек, из которых вместе с посыльными разносились по главным улицам и предместью. Герольды лишь ближе к обеду стали выкрикивать о гибели короля и Госпожи Ведьмы, когда все уже говорили только об этом. В тот же момент отовсюду вывесили приготовленные чёрные полотна. Все ожидали новости о том, что произойдёт на площади, но официального извещения так и не

прозвучало, и вечером люди пришли туда, полагаясь только на слухи.

Кое-кто даже приехал из предместий. Эти люди рассказывали, что армия шаманки уже подошла к лагерю правительства.

— Солдаты говорят, что у врагов сегодня шумновато. Видно, до старой дьяволицы тоже дошёл слухок про помощниц. Наверное, захочет их отбить.

На часах было ровно половина восьмого, когда со стороны Селаркацу появилась телега, в окружении гвардейцев. За ней на цепи, облачённые в длинные рубахи, наподобие санбенито, с большим красным крестом, рассекающим грудь, босиком по снегу шли веды. Об этом оповестили мальчишки, бесстрашно взобравшиеся на скользкие крыши, и с высоты сообщавшие об увиденном толпе внизу.

Когда процессия приблизилась к городу, стражи громко потребовали расступиться, чтобы осуждённым дали дорогу. Продвигаясь так медленно, как могли идти женщины, телега катила к центральной площади. Поначалу зрители просто провожали её взглядом, но вот с одной из крыш полетел ком снега и попал прямо в голову Махтаб.

— Сжечь ведьму! — Звонко прокричал детский голос, послужив сигналом для остальных. И вот со всех сторон посыпались проклятья и в арестанток полетели камни.

Гвардейцы заслонили вед, заставив толпу отступить. Но шум уже не утихал и люди всё громче повторяли брошенный неразумным ребёнком ужасный клич:

— Сжечь ведьму!

Когда телега прибыла на место, возница спустился с козел и отбросил ткань, закрывавшую связки хвороста. Неторопливо, ни на кого не глядя, он стал по очереди снимать кандалы с приговорённых и привязывал каждую к столбу. Когда с этим было покончено, палач обложил их ноги сушняком. В нос первым рядам ударил специфический запах, стало ясно, что связки пропитаны какой-то смесью.

Когда всё было готово, на балкон, с которого когда-то смотрели за первой казнью члены Совета, вышел один Арчибальд и повторил то, что прошлой ночью сказал слугам, прибавив:

— Не мы начали эту войну, но мы её закончим. Сегодня мы докажем, что способны ответить жестокостью на жестокость и сожжём пособниц мерзкой шаманки. Пусть их вопли долетят до ушей тех, кто пришёл нас убивать, и станут пророчеством их собственных судеб, если они не вернуться в свои дома и не присягнут королеве Виктории вместо того, чтоб поддерживать ту, что наслала проклятье на собственный народ. Сжечь ведьм!

Услышав приказ, палач поджёт хворост. Люди на площади замолчали, глядя на близкое пламя, вспыхнувшее до самых лиц осуждённых. Первый вопль боли исторгла грудь Мириам, затем Терезы, потом вся площадь наполнилась криками, далеко разносившимися над городом.

В тот же вечер Терхенетар приказала наступать и первая гражданская война потрясла Мир Теней. Бойня длилась несколько лет, опустошая всё вокруг. Единое королевство развалилось на множество государств, которые со временем начали выходить из битвы за престол, объявляя свою независимость.

Арчибальд помог Виктории занять трон и, когда она достаточно окрепла, ушёл, чтоб продолжить свои поиски. Королева растила своего сына единоличным наследником короны и ни минуты не помышляла о перемирии, даже когда перевес был на стороне восставших.

Дом Илорена Фороня победил, когда принцу Рафаэлю исполнилось восемь лет. Будущий король лично отдавал приказание сжечь Терхенетар на костре.

Так сложились эти судьбы и уже ничто не властно изменить их ход.

Елизавета лежала, уткнувшись лицом в руки, скрещенные на камне. Глаза ещё были влажны от слёз, а волосы в беспорядке разметались. Она подняла голову и зажмурилась от слепящих лучей закатного солнца, ударивших в глаза. Лиза лежала в бухте на берегу моря, волны которого плескались перед ней. Девушка выпрямилась и поднялась на нетвёрдые ноги, горло ещё саднило от недавних рыданий, но на сердце было спокойно. Спohватившись, она посмотрела на руку и облегчённо вздохнула, не увидев на ней браслета. Далеко на горизонте плыл человек, быстро приближаясь к той части пляжа, на которой она стояла. Елизавета села на камень и стала ждать, наслаждаясь тёплым ветерком. Мужчина вышел на берег и протянул ей руку, откидывая мокрые волосы со лба. Вместе они пошли вдоль края воды, не говоря ни слова. Вскоре показался небольшой белый домик, на пороге которого стояла седовласая женщина, одетая в нарядное платье, расшитое цветами. За спиной у неё, через распахнутую дверь, был виден стол, уставленный блюдами. И как всегда, по традиции, появившейся ещё когда Илорен был смешным чумазым сорванцом, ждала любимого сына, кроме которого у неё не было никого родных и в котором состоял весь смысл её жизни, но на этот раз вместе с его избранницей.

Чем ближе они подходили к калитке, тем явственней становилось для обоих, что шаг за этот порог будет последним для тех людей, которыми они были раньше. Мысли и чувства, наполнявшие их, вскоре сменятся вечным покоем. Илорен и Елизавета заглянули друг другу в глаза, крепче сжали руки и вошли во двор своего дома, оставив позади все муки и разочарования.

Так сложились эти судьбы и уже ничто не властно изменить их ход.

Больше книг на сайте - Knigolub.net